Кн. Я. ТУМАНОВЪ

Мичмана на войнѣ

ПРАГА
1930

Милому, старому другу —
— Гулюшѣ отъ забытаго
автора

Кн. Я. ТУМАНОВЪ

Asunción del Paraguay
21/IX 1930.

Мичмана на войнѣ

Своимъ славнымъ ученикамъ — кадетамъ Парагвайской военной школы въ Асунсіонѣ съ теплымъ чувствомъ посвящаетъ эти строки

авторъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. — Вмѣсто предисловія. Мое назначеніе. Кронштадтъ. Броненосецъ „Орелъ“. Арамисъ. Моя первая работа. Подполковникъ Поздеевъ и его плавучій кранъ. Мичманъ Зубовъ. Упущенное счастье.

Глава II. 30 іюля 1904 г. Выходъ изъ Кронштадта. Суевѣріе моряковъ. Ревель. Незваный гостъ. Царскій смотръ. „Вторникъ“. Либава. Ночь въ дозорѣ. Прощай, Россія.

Глава III. — Fakebjerg. У маяка Скагенъ. Неожиданный уходъ. Въ Сѣверномъ морѣ. Ночь съ 8 на 9 октября. Приходъ въ Виго. Гульскій инцидентъ въ исторической перспективѣ. Армиралъ Дубасовъ. Погрузка угля. Толстый и тонкій. Дальше въ путь.

Глава IV. — Между Виго и Танжеромъ. Прапорщикъ Титовъ. Въ Танжерѣ. Раздѣленіе эскадры. Мы идемъ вокругъ Африки. Подъ пассатами. Дакаръ. Страничка изъ далекаго прошлаго. Смерть дяди Вани. Погрузка быковъ. Урокъ хирургіи. Уходъ изъ Дакара.

Глава V. — Сумасшедшій прапорщикъ. Недоразумѣніе съ экваторомъ. Libreville. Береговыя впечатлѣнія. Рыбная ловля въ Great-Fish-Bay. Смерть „Андрюшки“. Angra Pequeña. На нѣмецкомъ пароходѣ. Штормъ у мыса Доброй Надежды. Чудесное спасеніе „Бобика“. Приходъ на Мадагаскаръ.

Глава VI. — Вѣсти, слухи и сплетни. Гдѣ Фелькерзамъ? Дозорная служба на Мадагаскарѣ. Я получаю невыполнимое порученіе. Бѣдный Гирсъ. Я арестованъ. Нѣтъ худа безъ добра. Переходъ въ

Nossi-Bé. Болѣзнь командира. Мы учимся стрѣлять. Капитанъ 2 ранга К. и его статьи въ „Новомъ Времени“. Какъ мы получили первую почту.

Глава VII. — Hellville. Прибытіе новыхъ „коэфиціентовъ“. Миноносецъ „Грозный“ и его четверорукіе обитатели. Выздоровленіе командира. Наши развлеченія. „Тигръ въ аксельбантахъ“. Преступленіе мичмана Шупинскаго. Нашъ конфликтъ съ штабомъ адмирала. Арамисъ — между Сциллой и Харибдой. Неожиданная развязка. „Прощай, Африка!“

Глава VIII. — Въ Индійскомъ океанѣ. Погрузка угля. Ловля акулы. Печальное происшествіе и невѣрный діагнозъ. Судовой врачъ сердится. Въ Малакскомъ проливѣ. Вдоль Индо-Китайскихъ береговъ. Приходъ въ Камренъ.

Глава IX. — Въ Индо-Китаѣ. Береговыя впечатлѣнія. На миноносцѣ „Буйный“. Штурмъ „Эридана“. Глубокое разочарованіе. Наше присутствіе начинаетъ безпокоить японцевъ. Ванъ-Фонгъ. Игра съ адмираломъ de-Jonquières. Приходъ эскадры адмирала Небогатова. Приготовленія къ послѣднему походу.

Глава X. — На послѣднемъ этапѣ. „Oldhamia“. Канунъ боя. Утро 14 мая. Наконецъ-то мы видимъ непріятеля! Первыя встрѣчи. Боевая тревога. „Вотъ они всѣ!“ Моя батарея вступаетъ въ дѣйствіе. Я — раненъ. На перевязочномъ пунктѣ. Послѣдняя ночь.

Три эпилога: 1. Утро 15-го мая; 2. Черезъ 2 дня; 3. Черезъ полтора года.

„Іисусъ сказалъ ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего“.
Отъ Матѳея 4-7.

Мичмана на войнѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ

Герои моей книги — мичмана, и данное мною заглавіе — „Мичмана на войнѣ“ — удовлетворяетъ всѣмъ тремъ условіямъ хорошо озаглавленной книги, ибо заглавіе должно: точно соотвѣтствовать ея содержанію, быть краткимъ и благозвучнымъ.

Но это такъ, пока рѣчь идетъ о русскомъ языкѣ.

Далеко не такъ благополучно обстоитъ дѣло съ языкомъ испанскимъ, на которомъ первоначально была написана книга, вслѣдствіе того, что мичманъ, по испански — el alférez de fragata, что и длинно и неблагозвучно; во множественномъ же числѣ получается еще длиннѣе — los alféreces de fragata. Такимъ образомъ, краткое и благозвучное по русски „мичмана на войнѣ“ звучитъ по испански длинно и нелѣпо — „los alféreces de fragata en la guerra“.

Это обстоятельство заставило автора для испанскаго изданія своей книги придумать иное заглавіе и она появилась впервые въ печати подъ хотя и краткимъ и благозвучнымъ, но довольно туманнымъ заглавіемъ — „en alta mar“ („въ открытомъ морѣ“).

Попадающіяся въ книгѣ, въ описаніи русской природы, детали, могущія показаться странными и ненужными читателю, привыкшему зимою одѣвать

пальто и отапливать свою квартиру, объясняются тѣмъ, что книга посвящена дѣтямъ тропиковъ, никогда не видавшимъ снѣга.

Божественное Провидѣніе, наказавшее за что то несчастный русскій народъ „завоеваніями революціи“, разметало по всему Божьему свѣту болѣе двухъ милліоновъ гражданъ бывшей и будущей великой страны, фигурирующей нынѣ на современныхъ географическихъ картахъ подъ дурацкимъ псевдонимомъ С. С. С. Р. Въ числѣ этихъ гражданъ безъ отечества оказался авторъ настоящей книги, попавшій въ полосу особенно сильной центробѣжной силы, раскидывавшей отъ границъ бывшей Россіи вѣрныхъ ея сыновъ и, подхваченный этой силой, очутился въ самыхъ дебряхъ Южной Америки.

Его пріютила маленькая бѣдная страна, населенная неизмѣримо гуще крокодилами, нежели людьми. Можетъ быть, именно поэтому люди въ этомъ глухомъ уголкѣ земного шара оказались лучше и сердечнѣе, нежели въ густо населенной двуногими Европѣ.

Посвященіе этой книги славной парагвайской молодежи есть лишь блѣдное выраженіе посильной благодарности автора пріютившему его народу.

ГЛАВА I.

Вмѣсто предисловія. Мое назначеніе. Кронштадтъ. Броненосецъ „Орелъ". Арамисъ. Моя первая работа. Подполковникъ Поздеевъ и его плавучій кранъ. Мичманъ Зубовъ. Упущенное счастье.

25 лѣтъ! Почти половина человѣческой жизни! Почти половина настоящаго поколѣнія въ то время или не родилась еще или же лежала въ колыбеляхъ, съ восхищеніемъ и любопытствомъ взирая на чудеса Божьяго міра. Многія крупныя фигуры современной дѣйствительности, именами которыхъ пестрятъ страницы нашихъ газетъ, бѣгали въ то время еще въ короткихъ штанишкахъ и шалили.

Добрая же половина тогдашняго поколѣнія въ настоящее время тоже покоится въ колыбеляхъ, но такъ какъ тѣхъ ничто уже больше не удивляетъ и не восхищаетъ, то колыбели эти прикрыты крышками и зарыты глубоко въ землю.

Въ продолженіи этихъ 25 лѣтъ произошли событія, которыя выпадаютъ на долю переживать далеко не каждому поколѣнію. И грандіозность этихъ событій, казалось, должна бы была затмить собою все пережитое до нихъ.

Но человѣческая память, это — одинъ изъ самыхъ чудесныхъ аппаратовъ, данныхъ Богомъ человѣку, одинъ изъ самыхъ благословенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — самыхъ страшныхъ. Это — безконечной длины кинематографическая лента, отпечатки на которой получаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ она свѣжѣе. А можетъ ли быть свѣжѣе эта живая фильма, нежели въ 20-21 годъ человѣческаго возраста?

И когда я разворачиваю ее на моемъ мысленномъ экранѣ, меня не удивляетъ, что картины, отпечатанныя въ моей памяти 25 лѣтъ тому назадъ, обрисовываются иногда яснѣе, нежели значительно болѣе позднія. Конечно, какъ на всякой старой лентѣ, на моей также попадаются крупные пробѣлы, но то, что сохранилось донынѣ, проходитъ передъ моимъ мысленнымъ взоромъ такъ ясно, точно запечатлѣнное вчера...

Въ моемъ далекомъ дѣтствѣ мнѣ очень нравились разсказы, начинавшіеся такъ:

„Старый морякъ не спѣша набилъ свою трубку, закурилъ ее, выпустилъ нѣсколько густыхъ клубовъ дыма и началъ свой разсказъ...“

Нынѣ насталъ и мой чередъ закурить свою трубку.

Май мѣсяцъ на сѣверѣ Европы. Тѣ, кто живетъ среди вѣчно цвѣтущей природы, знакомы съ весною лишь по календарю и она ровно ничего не говоритъ ихъ сердцу. Вся разница съ зимой лишь въ томъ, что солнце начинаетъ пригрѣвать сильнѣе, да чуть длиннѣе становится день. Глазъ же видитъ все ту же яркую зелень, все то же блестящее и горячее солнце, все тѣ же краски и цвѣты.

Чтобы почувствовать весну, нужно пережить суровую зиму, точно также, какъ, чтобы познать добро, нужно знать и зло, чтобы оцѣнить красоту, надо видѣть уродство, чтобы познать жизнь, надо видѣть смерть. Русская же весна, это и есть переходъ отъ смерти къ жизни, это есть воскресеніе природы. Нужно быть поэтомъ, чтобы описать прелесть оживающей природы, но вовсе не нужно быть имъ, чтобы чувствовать и оцѣнить всю прелесть этого воскресенія.

BIBLIOTEKA SAVINE

Эскадренный броненосецъ „Орелъ“.

Я чувствовалъ эту прелесть всѣмъ своимъ существомъ 20-лѣтняго юноши, когда въ прелестный майскій день 1904 года плылъ на пароходикѣ изъ С-.Петербурга въ Кронштадтъ.

Финскій заливъ только что сбросилъ съ себя ледяной покровъ, сковывавшій его въ теченіе почти полугода, и яркое солнце отражалось на спокойной поверхности „Маркизовой лужи", какъ называется часть Финскаго залива между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Слѣва, въ туманной дымкѣ виднѣлись дома и дачи Стрѣльны и Петергофа, справа — рощи и парки Сестрорѣцка, а впереди — подъ тяжелой дымной тучей — низкій островъ Котлинъ и разбросанные тамъ и сямъ, по маленькимъ островамъ, гранитные форты Кронштадта.

Я ѣхалъ являться на одинъ изъ кораблей второй эскадры Тихаго океана, которая поспѣшно готовилась къ дальнему плаванію въ далекія воды Желтаго моря на помощь истекающей кровью нашей 1-й эскадрѣ. Тамъ далеко, за тысячи миль, гремѣли пушки, лилась кровь, ходили въ атаку миноносцы, взрывались на минахъ корабли, а въ Петербургѣ, откуда я ѣхалъ, этого совсѣмъ не чувствовалось. Онъ продолжалъ жить шумной, веселой жизнью большого столичнаго города; театры, кафе и рестораны полны были публикой; такъ же, какъ всегда, отъ 4 до 6 вечера блестящая вереница экипажей запружала красавицу-набережную Невы, пестрѣли роскошные туалеты дамъ Петербургскаго beau-mond'a и блестящія формы гвардейскихъ офицеровъ.

Казалось, что мало кому было дѣла до того, что гдѣ-то тамъ, въ далекой Манджуріи или въ водахъ еще болѣе далекаго Тихаго океана и Желтаго моря идетъ кровавая борьба съ какими то мало кому вѣдомыми японцами. И когда среди блестящей и нарядной толпы Невскаго проспекта случайно появ-

лялась фигура офицера въ походной формѣ или солдата въ лохматой сибирской папахѣ, это являлось рѣжущимъ глазъ диссонансомъ.

Но и въ холодномъ и съ виду безучастномъ Петербургѣ были мѣста, гдѣ чувствовалось дыханіе войны. Однимъ изъ такихъ мѣстъ было Морское Министерство, гдѣ днемъ и ночью кипѣла лихорадочная работа. Отдѣленіе личнаго состава Главнаго Морского Штаба осаждалось офицерами всѣхъ ранговъ, начиная отъ мичмана и кончая сѣдымъ уже капитаномъ 1 ранга, хлопочущими о назначеніи въ дѣйствующій флотъ. Нерѣдко мелькали въ пріемной Начальника Штаба блѣдныя лица дамъ, приходящихъ справляться о судьбѣ своихъ близкихъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій; попадались на глаза дамы уже въ глубокомъ траурѣ, пришедшія узнать подробности о гибели близкаго человѣка.

Когда открывалась дверь кабинета Начальника Штаба и оттуда выходила нетвердой походкой женская фигура съ невидящими глазами и мокрымъ, скомканнымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ, веселая толпа молодыхъ офицеровъ, заполняющая пріемную, сразу смолкала и почтительно разступалась, давая дорогу живому олицетворенію глубокаго женскаго горя. Кто знаетъ? Не копошилась ли въ это время въ легкомысленной мичманской головѣ мысль, что настанетъ, быть можетъ, моментъ, когда и его мать, сестра или невѣста будетъ также выходить изъ этого самаго кабинета? Я всегда чувствовалъ въ этой сценѣ какую то волнующую красоту, должно быть, ту самую красоту, которую находилъ даже въ человѣческомъ горѣ великій знатокъ человѣческой души — нашъ Чеховъ: „ту самую едва уловимую красоту человѣческаго горя, которую можетъ передать только музыка“...

Пароходъ подошелъ къ длинному деревянному молу и ошвартовался. Автомобилей въ то время еще не существовало. Одноконный извозчикъ повезъ меня въ военный портъ.

Послѣ блестящаго Петербурга Кронштадтъ кажется глухимъ провинціальнымъ городишкомъ, какихъ немало раскинуто по необъятной матушкѣ-Россіи. Но населеніе этого города — специфическое: масса рабочихъ портовыхъ мастерскихъ, арсенала и заводовъ, а главное — матросы. Матросы всюду: и въ одиночку, и въ строю, безоружные и вооруженные, они попадаются на каждомъ шагу. Ежеминутно слышишь команды: „смирно, равненіе направо“, „смирно, равненіе налѣво“ и ѣдешь, почти не отымая руки отъ козырька фуражки, отвѣчая на отдаваемую честь.

Есть, впрочемъ, у Кронштадта и еще одно специфическое отличіе отъ всѣхъ прочихъ городовъ не только россійскихъ, но, мнѣ думается, и всего остального міра: я увѣренъ, что нигдѣ больше въ мірѣ нельзя видѣть желѣзной мостовой, какъ только въ Кронштадтѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, за мои долгія скитанія по всему Божьему свѣту таковой не доводилось видѣть больше нигдѣ. Въ Кронштадтѣ же многія улицы выложены шестиугольными желѣзными плитками.

Это былъ проектъ бывшаго Генералъ-Адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича, удѣлявшаго большое вниманіе не только флоту, но и его базѣ — Кронштадту. Не берусь судить, какова была эта мостовая новой, но когда я съ ней познакомился, она насчитывала уже много лѣтъ своего существованія и, кромѣ проклятій и ужаса, не вызывала иныхъ чувствъ и мыслей. Въ особенности проклинали ее извозчики, ибо покоробленныя, съ торчащими острыми краями желѣзныя плитки калѣчили ноги несчастныхъ лошадей.

Вотъ показался небольшой скверъ, прилегающій къ военной гавани, съ чахлой зеленью и деревьями, закапчиваемыми лѣтомъ безчисленными пароходными и заводскими трубами и обвѣваемыми зимой ледянымъ дыханіемъ Финскаго залива. Обогнувъ памятникъ Петру Великому съ огромной бронзовой фигурой гиганта-Императора съ лаконической надписью его наказа о Кронштадтѣ — „мѣсто сіе хранить ако зѣницу ока", мой извозчикъ подвезъ меня къ пристани.

Нанявъ яликъ, я приказалъ везти себя на броненосецъ „Орелъ", громада котораго вырисовывалась у мола, какъ разъ противъ пристани, у такъ называемыхъ „лѣсныхъ воротъ" военной гавани.

Пока старикъ-яличникъ лѣниво шевелитъ своими веслами, будоража мутную воду военной гавани, я успѣю познакомить читателя съ моимъ кораблемъ.

Эскадренный броненосецъ „Орелъ", около 15.000 тоннъ водоизмѣщенія, по тогдашнему времени колоссъ, принадлежалъ къ серіи 5 однотипныхъ броненосцевъ послѣдней постройки. Ни одинъ изъ нихъ еще не былъ законченъ постройкой, причемъ пятый броненосецъ „Слава" только что былъ спущенъ на воду, и во II эскадру Тихаго океана были назначены лишь четыре этого типа: „Князь Суворовъ" — флагманскій корабль командующаго эскадрой вице-адмирала З. П. Рожественскаго, „Императоръ Александръ III", „Бородино" и „Орелъ". Первые три броненосца къ моменту, къ которому относится начало моего разсказа, заканчивали свою постройку и приступали къ испытаніямъ механизмовъ. Четвертый — „Орелъ" сильно отставалъ отъ своихъ товарищей. Въ маѣ мѣсяцѣ на немъ не было еще установлено даже брони. Кромѣ того, незадолго до моего назначенія съ этимъ кораблемъ случилось несчастье, задержавшее еще больше его готовность. Однажды ночью, стоя въ

Кронштадтской гавани, онъ вдругъ заполнился водой и опустился на дно; къ счастью, было неглубоко и корабль погрузился лишь по верхнюю палубу, когда днище судна сѣло уже на грунтъ. Судно было поднято безъ особеннаго труда, но происшествіе вызвало массу толковъ. Говорили упорно о томъ, что имѣло мѣсто злоумышленіе, что среди рабочихъ были подкупленные японцами шпіоны, открывшіе кингстоны и затопившіе корабль. Но произведенное тщательное слѣдствіе не обнаружило ни открытыхъ кингстоновъ, ни злоумышленниковъ. Комиссія пришла къ заключенію, что причиной несчастья послужили многочисленныя дыры, приготовленныя для болтовъ бортовой брони; дыры эти были плохо закупорены, сквозь нихъ просачивалась вода, ночью постепенно образовался кренъ, открытыя уже совершенно отверстія подошли къ самому уровню воды и корабль затонулъ.

Какъ бы то ни было, но командиръ корабля былъ смѣщенъ и на его мѣсто былъ назначенъ капитанъ 1 ранга Николай Викторовичъ Юнгъ, морякъ блестящей репутаціи, энергичный, живой, страшно требовательный и строгій, только что вернувшійся на учебномъ кораблѣ, которымъ онъ до того командовалъ, изъ заграничнаго плаванія въ Южную Америку.

Несмотря на сильное опозданіе въ готовности этого корабля, было приказано во что бы то ни стало приготовить его къ походу, и назначеніе командиромъ энергичнаго Н. В. Юнга укрѣпляло въ насъ увѣренность, что корабль будетъ готовъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что онъ входилъ въ составъ самаго ядра II эскадры — 1 дивизіона броненосцевъ.

Сотни рабочихъ работали въ три смѣны, такъ что работы не прекращались ни днемъ, ни ночью. Однако, работы еще предстояло масса. Въ сущности говоря, на кораблѣ въ маѣ мѣсяцѣ были готовы

лишь машины и котлы и установлена крупная артиллерія въ башняхъ — 4-12-ти дюймовыхъ, по два по носу и кормѣ и 12-6-ти дюймовыхъ, по три парныхъ башни вдоль каждаго борта.

Когда мой яликъ подошелъ къ трапу броненосца, меня оглушилъ шумъ, грохотъ и визгъ сотенъ молотовъ, сверлъ и зубилъ. На палубѣ можно было разговаривать, лишь подходя вплотную другъ къ другу и крича въ ухо. Самую ужасную трескотню производили пневматическія зубила, которыя стучали, какъ пулеметъ. Повсюду дымили горны, въ которыхъ грѣлись заклепки. Подъ ногами путались протянутые шланги отъ пневматическихъ зубилъ, сновали по всѣмъ направленіямъ мальчишки, подавая рабочимъ раскаленныя до-красна заклепки. Грязь повсюду была неописуемая: кучи угля лежали прямо на палубѣ, которая еще не была крыта деревомъ. Внизу — грохотъ былъ еще оглушительнѣе.

Я спустился, лавируя между грудами навороченныхъ канатовъ и угля, стараясь не столкнуться съ грязными рабочими или съ несущимся съ раскаленной заклепкой мальчишкой, внизъ, въ каютъ-компанію, гдѣ засталъ старшаго офицера, сидящаго за простымъ некрашенымъ столомъ и прихлебывающаго чай. Представленіе ему и затѣмъ командиру заняло очень мало времени и черезъ нѣсколько минутъ я вновь стоялъ передъ старшимъ офицеромъ, ожидая приказаній.

— Идите въ вашу каюту, — вѣстовой вамъ ее укажетъ, переодѣньтесь во что нибудь постарѣе и возвращайтесь сюда — сказалъ мнѣ старшій офицеръ.

Капитанъ 2 ранга Константинъ Леопольдовичъ Шведе, старшій офицеръ эскадреннаго броненосца

„Орелъ“, будетъ часто фигурировать въ моемъ разсказѣ и поэтому необходимо познакомить съ нимъ моего читателя. Это былъ немолодой уже морякъ, довольно полный, съ красивымъ лицомъ, съ длинными сѣдѣющими усами и коротко подстриженной по-французски бородкой. Большой баринъ и сибаритъ, любитель женщинъ, человѣкъ неглупый, онъ былъ бы недурнымъ старшимъ офицеромъ, если бы не его пристрастіе къ dolce far niente, иначе говоря — самой обычной лѣни. У живого, какъ ртуть, энергичнаго, страшно къ тому же нервнаго и требовательнаго командира, какимъ былъ нашъ Н. В. Юнгъ, быть старшимъ офицеромъ вообще то было нелегко, а съ такимъ характеромъ, какъ у нашего Шведе, — въ особенности. Ему, поэтому, временами приходилось очень трудно, и мы не разъ бывали свидѣтелями непріятныхъ разговоровъ между командиромъ и его старшимъ офицеромъ, когда нашъ Константинъ Леопольдовичъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, приложивъ руку къ козырьку фуражки, молча выслушивалъ отъ командира выраженія не вовсе пріятныя.

Впрочемъ, это свойство его характера нисколько не помѣшало ему вывѣсить на стѣнѣ своей каюты, на видномъ мѣстѣ надъ письменнымъ столомъ, плакатъ съ крупной надписью печатными буквами:

Когда вы пришли къ занятому человѣку,
кончайте скорѣе ваше дѣло и
УХОДИТЕ.

Эта надпись на насъ, мичмановъ, производила особенно сильное впечатлѣніе, когда мы заставали „занятаго“ человѣка мирно храпящимъ въ койкѣ, и тогда мы дѣйствительно торопились уходить, даже не закончивъ дѣла, которое привело насъ въ каюту.

Одинъ изъ молодыхъ мичмановъ броненосца, не отучившійся еще отъ кадетской привычки давать своему начальству болѣе или менѣе удачныя прозвища, послѣ какого то параднаго обѣда, за которымъ было выпито совершенно достаточное количество вина, чтобы придать мичману мужества, котораго у него и такъ не мало, — долго молча смотрѣлъ на старшаго офицера ласковымъ и слегка затуманившимся взоромъ и, наконецъ, изрекъ къ великому изумленію всѣхъ присутствующихъ:

— Константинъ Леопольдовичъ, знаете что?... Вы меня извините... но вы... настоящій Арамисъ!

Развалившійся въ комфортабельномъ креслѣ съ сигарой въ зубахъ, послѣ сытнаго обѣда, „Арамисъ" былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи и нисколько не обидѣлся на дерзость мальчишки-мичмана, большого къ тому же своего любимца, и лишь благодушно посовѣтовалъ тому пойти спать. Тотъ послушно всталъ и, уходя, все время повторялъ — „ну прямо таки... настоящій Арамисъ"...

Съ этихъ поръ офицеры нашего броненосца уже не называли своего старшаго офицера иначе (между собою, конечно), какъ именемъ безсмертнаго мушкетера Дюма.

Итакъ, Арамисъ, — въ то время, впрочемъ, онъ не имѣлъ еще этого прозвища, будучи просто Константиномъ Леопольдовичемъ, — приказалъ мнѣ переодѣться во что нибудь старое и явиться вновь къ нему.

Легко сказать „переодѣться въ старое", откуда могло быть что либо старое у мичмана, выпущеннаго три мѣсяца назадъ изъ Морского Корпуса? Очутившись въ каютѣ, я раздумывалъ недолго и, снявъ крахмальный воротничекъ и манжеты, вновь предсталъ передъ Арамисомъ въ томъ же блестящемъ бѣлоснѣжномъ китель, въ которомъ являлся ему и ко-

мандиру нѣсколько минутъ тому назадъ и въ которомъ не стыдно было бы даже поѣхать на балъ.

Арамисъ окинулъ меня съ ногъ до головы скептическимъ взоромъ.

— У васъ нѣтъ ничего похуже и постарѣе?

— Никакъ нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, скоро будетъ, — улыбнулся онъ сквозь свои пышные усы, — скажите старшему боцману, что я приказалъ отпустить въ ваше распоряженіе одного унтеръ-офицера и 8 человѣкъ матросовъ съ двумя брандспойтами. Послѣ недавняго затопленія у насъ междудонное пространство еще полно воды. Поручаю вамъ откачать оттуда воду и очистить его.

— Есть, — и я отправился разыскивать старшаго боцмана.

Арамисъ былъ правъ, говоря, что у меня скоро будетъ и старое и драное платье. Черезъ какихъ нибудь полчаса я уже не вносилъ диссонанса въ общій колоритъ рабочихъ и команды броненосца своимъ блестящимъ и бѣлоснѣжнымъ видомъ: мой новенькій, съ иголочки, костюмъ покрылся самыми живописными пятнами угля, сурика, машиннаго масла и самой неаппетитной грязи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіяли уже дыры. Эта моя первая работа на броненосцѣ до сихъ поръ осталась у меня въ памяти: приходилось работать въ страшной духотѣ, въ низкомъ междудонномъ пространствѣ, гдѣ можно было стоять, лишь согнувшись въ три погибели, пролѣзая туда сквозь узкія горловины; застоявшаяся вода, которую мы выкачивали брандспойтами, издавала отвратительный запахъ, доказывавшій, что рабочіе, работавшіе внизу, пользовались междуднымъ пространствомъ для цѣлей, которымъ эта часть корабля отнюдь предназначена не была и для которыхъ на суднѣ имѣлись учрежденія, носящія совершенно иное названіе. Въ этой зловон-

ной жидкости плавала масса всевозможной дряни и мусора, помпы часто засорялись и ихъ приходилось чистить.

Но эти первыя мои впечатлѣнія на моемъ первомъ кораблѣ, эта проза дѣйствительности, столь не гармонирующая съ поэтическими мечтами мичмана, назначеннаго на корабль, идущій на войну, — нисколько меня не обезкуражили. Вылѣзши поздно вечеромъ изъ моей преисподней на верхнюю палубу, съ наслажденіемъ разминая спину и вдыхая чистый воздухъ, — насколько таковой въ Кронштадтской гавани можетъ почитаться чистымъ, — я съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія окидывалъ взоромъ мой разодранный уже китель, и, если бы кто нибудь предложилъ мнѣ тогда промѣнять вонючее междудонное пространство на блестящую палубу Императорской яхты, я съ негодованіемъ отвергъ бы это предложеніе.

Общей и неизмѣнной темой бесѣдъ въ каютъ-компаніи была готовность нашего корабля. Больше всего волновалась молодежь. Одна мысль, что „Орелъ“ можетъ не поспѣть къ уходу эскадры и будетъ оставленъ, приводила насъ въ содроганіе. Болѣе всего насъ почему то безпокоило отсутствіе брони; должно быть потому, что больше всего бросались въ глаза, напоминая постоянно о нашей неготовности, двѣ ярко красныя впадины вдоль всего борта, съ просверленными дырами, иначе говоря, выкрашенная сурикомъ та часть борта, гдѣ должны были быть установлены два броневыхъ пояса.

Нужды нѣтъ, что на броненосцѣ не было установлено много вспомогательныхъ машинъ, что далеко не была готова подача снарядовъ изъ бомбовыхъ погребовъ, не установленъ радіо-телеграфъ, не вездѣ еще даже была настлана палуба; обо всемъ этомъ

мы также были прекрасно освѣдомлены. Но все это не такъ бросалось въ глаза. Зато броня, — ахъ, эта проклятая броня!

— Когда же ее, наконецъ, начнутъ ставить? Сегодня „Бородино“ уже вторично ходилъ на испытанія!

— А сколько времени понадобится на установку брони?

— А нельзя ли, если наша броня еще не готова, взять плиты „Славы“?

Такими вопросами ежедневно надоѣдали мичмана присутствовавшему постоянно на кораблѣ строителю броненосца корабельному инженеру. Тотъ только отмахивался рукой, какъ отъ надоѣдливыхъ мухъ.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, о, радость: къ борту броненосца буксиръ подвелъ огромный 100-тонный кранъ и на его палубѣ мы увидѣли столь долго жданныя нами броневыя плиты.

Въ нашей каютъ-компаніи появился новый постоянный гость: отставной ластовый подполковникъ, такелажмейстеръ С. Петербургскаго Порта Поздеевъ.

Ластовые офицеры уже отошли въ область прошлаго и поэтому слѣдуетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Корпусъ ластовыхъ офицеровъ состоялъ изъ произведенныхъ въ офицеры унтеръ-офицеровъ и боцмановъ флота и предназначался исключительно для службы въ порту и экипажахъ. Это были достойнѣйшіе люди, прошедшіе суровую школу жизни, тончайшіе знатоки своего подчасъ довольно сложнаго дѣла, но внѣ узкой сферы своей спеціальности они уже не знали ничего. Большинство изъ нихъ были бывшіе баталеры, подшкиперы и боцмана и занимали должности завѣдующихъ портовыми складами, служили на плавучихъ средствахъ Порта, завѣдывали такелажными и парусными мастерскими, плавучими кранами и т. п. Чины имѣли они сухопутные,

причемъ доходили лишь до чина капитана, на которомъ застревали до предѣльнаго возраста, послѣ чего производились въ подполковники съ увольненіемъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіей, но обычно оставались на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, продолжая службу уже „по вольному найму".

Таковымъ былъ и нашъ новый знакомый — подполковникъ въ отставкѣ Поздеевъ. Сколько было ему лѣтъ — я думаю, онъ и самъ этого въ точности не зналъ: можетъ быть 55, можетъ быть 65, а можетъ быть и больше. Сухой, кряжистый старикъ, съ лицомъ цвѣта моренаго дуба, со щетинистыми, сѣдыми усами, хриплымъ голосомъ и большимъ носомъ-дулей, цвѣтъ котораго предательски указывалъ на пристрастіе его хозяина къ напиткамъ, крѣпостью не ниже 40°. Спрошенный однажды за обѣдомъ Арамисомъ, какое вино онъ предпочитаетъ, съ полной откровенностью и чувствомъ собственнаго достоинства Поздеевъ отвѣтилъ, что изъ легкихъ виноградныхъ винъ онъ предпочитаетъ коньякъ.

Большой знатокъ своего дѣла, онъ выполнялъ очень тонкую работу, манипулируя такими грубыми предметами, какъ 100-тонный неуклюжій кранъ и броневыя плиты. Работа, безъ сомнѣнія, тонкая: подвести плиту вплотную къ борту такимъ образомъ, чтобы броневые болты пришлись бы какъ разъ противъ просверленныхъ для нихъ въ борту дыръ, — манипуляція въ трехъ плоскостяхъ, причемъ малѣйшее отклоненіе въ одной изъ нихъ сводило на нѣтъ всю работу.

Первое чувство радости и ликованія при появленіи въ каютъ-компаніи столь долгожданнаго такелажмейстера очень быстро смѣнилось у мичмановъ чувствомъ жгучей къ нему ненависти. Причиной такой рѣзкой перемѣны настроенія послужила очень скоро

обнаружившаяся черта характера подполковника Поздеева: онъ былъ глубоко проникнутъ философской доктриной, что торопливость нужна исключительно при ловлѣ блохъ, — во всѣхъ же иныхъ случаяхъ жизни всякая спѣшка приноситъ лишь вредъ. И онъ до того былъ вѣренъ этой философіи въ своей работѣ, которая казалась намъ столь важной и срочной, что мы приходили въ бѣшенство и очень скоро сдѣлались его заклятыми врагами. Въ каютъ-компаніи ли, на палубѣ ли, повсюду мичмана не упускали ни одного случая, чтобы не отпустить по его адресу какую нибудь колкость, иногда очень дерзкую и злую. Но старикъ оставался невозмутимымъ, дѣйствительно уподобляясь въ такихъ случаяхъ, по остроумному выраженію леди Асквитъ о своемъ мужѣ, — собору Св. Павла, на который садились комары.

Но въ одинъ прекрасный день лопнуло даже безграничное терпѣніе старика и въ нашей каютъ-компаніи разразилась буря.

Исторія началась съ событія, имѣющаго, казалось бы, очень мало отношенія къ подполковнику Поздееву: съ очередного пріѣзда въ Кронштадтъ Морского Министра. Въ то время Морской Министръ довольно часто пріѣзжалъ въ Кронштадтъ изъ Петербурга на своей яхтѣ, навѣщая готовящіеся къ походу корабли, для докладовъ о ходѣ приготовленій Государю Императору. О каждомъ пріѣздѣ Министра корабли заблаговременно извѣщались Штабомъ Кронштадтскаго порта. Обычно Министръ приходилъ на своей яхтѣ „Нева“ въ военную гавань и тамъ уже садился въ катеръ и отправлялся по кораблямъ, которые собирался навѣстить. Нашъ броненосецъ стоялъ какъ разъ у входа въ гавань, и яхта министра проходила поэтому очень близко отъ него.

Былъ жаркій іюльскій день. Въ каютъ-компаніи только что кончили обѣдать и такелажмейстеръ Поз-

деевъ благодушно поклевывалъ носомъ, приготовляясь, повидимому, вздремнуть часокъ-другой. Арамисъ тоже еще не уходилъ въ свою каюту, чтобы принять горизонтальное положеніе, когда пришедшій съ вахты унтеръ-офицеръ доложилъ ему, что на сигнальной мачтѣ порта поднятъ сигналъ: „ожидать прибытія Морского Министра".

Услышавъ докладъ вахтеннаго, такелажмейстеръ нехотя поднялся со своего кресла и медленно направился къ трапу, ведущему на верхнюю палубу. Черезъ минуту-другую его фигура показалась на ютѣ, у лѣваго борта котораго стояло ошвартовавшись его дѣтище — 100-тонный кранъ. На несчастье старика, стоялъ въ то время на вахтѣ одинъ изъ самыхъ заклятыхъ его враговъ — маленькій, живой и юркій мичманъ Зубовъ, сдѣлавшійся свидѣтелемъ слѣдующей сцены.

Поздеевъ, перегнувшись черезъ поручни и приложивъ руки рупоромъ по направленію крана, на которомъ не видно было ни души, крикнулъ:

— На кранѣ! Кобызевъ!

Продолжительная пауза... Кранъ продолжаетъ оставаться мертвымъ...

— На кранѣ!.. (Крѣпкое русское слово). Кобызевъ!!...

Изъ одного изъ люковъ крана высунулась взлохмаченная голова:

— Чаво?

— Тутъ скоро будетъ проходить Морской Министръ; такъ какъ пойдетъ его яхта, ты потравливай гини...

На заспанной физіономіи лохматаго Кобызева высоко поднятыя брови изобразили глубочайшее изумленіе:

— А для чего?

— А чтобы видно было, что кранъ работаетъ, дурья твоя голова!

— Есть! — Лохматая голова скрылась, а такелажмейстеръ Поздеевъ медленно направился въ каютъ-компанію продолжать прерванное dolce far niente.

Слѣдомъ за нимъ спустился смѣнившійся съ вахты мичманъ Зубовъ. Выраженіе его лица не предвѣщало ничего добраго. Онъ сѣлъ за приготовленный ему приборъ и, обратившись къ присутствующимъ въ каютъ-компаніи офицерамъ, разсказалъ о той сценкѣ на ютѣ броненосца, свидѣтелемъ которой онъ только что былъ. Разсказъ его сопровождался такими нелестными комментаріями по адресу такелажмейстера, что старика, наконецъ прорвало: онъ вскочилъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ и, подбѣжавъ къ Зубову, сталъ тыкать пальцемъ въ его стриженную, круглую голову, и внѣ себя отъ негодованія закричалъ:

— У меня сынъ такой, какъ ты, а ты пристаешь ко мнѣ, къ старику...

Зубовъ въ первый моментъ даже опѣшилъ. Онъ самъ, да и никто изъ насъ, не ожидалъ такой горячности отъ нашего флегматичнаго такелажмейстера. На мгновеніе въ каютъ-компаніи наступила гробовая тишина. Наконецъ, послышался ровный голосъ Зубова, отчеканивающій каждый слогъ:

— Я васъ покорнѣйше попрошу, милостивый государь, не тыкать въ голову своими грязными пальцами...

Бѣдный старикъ даже привскочилъ отъ негодованія. Онъ воздѣлъ руки кверху, точно призывая самого Бога въ свидѣтели этой новой, неслыханной дерзости и крикнулъ:

— Неправда и ложь, господинъ Зубовъ: руки мои совершенно чистыя!

Тутъ присутствующіе не выдержали и дружно расхохотались. Старикъ же окончательно опѣшилъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась эта траги-комическая сцена, если бы не счелъ, наконецъ, нужнымъ вмѣшаться въ конфликтъ самъ Арамисъ.

— Мичманъ Зубовъ, — сказалъ онъ строгимъ голосомъ, — прошу васъ помнить, что въ ваши обязанности отнюдь не входитъ критика дѣйствій подполковника Поздеева. Предоставьте это мнѣ и командиру. Вамъ же я категорически запрещаю говорить съ нимъ такимъ тономъ и дерзить ему. Если вы еще разъ позволите себѣ сказать ему дерзость, я принужденъ буду доложить командиру и вы сами, конечно, понимаете, чѣмъ это для васъ кончится.

— А какое онъ имѣетъ право говорить мнѣ „ты“ и тыкать мнѣ въ голову пальцемъ? — пробовалъ возражать Зубовъ.

Пышные усы Арамиса дрогнули отъ сдерживаемой улыбки.

— Въ этомъ виноваты только вы сами и больше никто, своими постоянными колкостями доведя его до этого. И — довольно. Я сказалъ и прошу васъ это имѣть въ виду. Инцидентъ исчерпанъ.

Принявъ затѣмъ свой благодушный видъ, Арамисъ сладко потянулся, вызвалъ звонкомъ вахтеннаго, отдалъ ему приказаніе разбудить себя, когда покажется яхта Морского Министра и величественно удалился изъ каютъ-компаніи, чтобы принять свое любимое горизонтальное положеніе.

Два врага долго еще что-то ворчали себѣ подъ носъ, но гроза уже прошла и больше не возобновлялась.

Послѣ этого инцидента они старательно избѣгали другъ друга. Зубовъ отводилъ свою душу уже не въ его присутствіи и въ особенности не въ присутствіи Арамиса, явно взявшаго Поздеева подъ свое покровительство.

Мѣстомъ жестокой и свободной критики поступковъ такелажмейстера, да и вообще начальства, сдѣлалась моя каюта, въ которой въ свободную минуту собирались мичмана пошумѣть и позубоскалить безъ помѣхи. Каюта эта была двойная и потому довольно обширная; жило насъ тамъ двое — я и авторъ прозвища „Арамисъ“ — мичманъ Шупинскій, стройный и красивый офицеръ, старше меня на годъ по выпуску изъ Морского Корпуса, владѣлецъ золотой медали „за спасеніе погибающихъ“, полученной имъ за рѣдкій подвигъ: онъ вынесъ изъ пожара своего собственнаго отца.

Судьба вскорѣ сжалилась надъ несчастнымъ такелажмейстеромъ и убрала съ его пути его заклятаго врага: вскорѣ послѣ описанной сцены въ каютъ-компаніи мичманъ Зубовъ былъ переведенъ съ нашего броненосца на другой корабль.

Его уходъ также хорошо сохранился въ моей памяти.

Въ одинъ прекрасный день, во время обѣденнаго перерыва работъ, когда всѣ офицеры броненосца были въ сборѣ, готовясь сѣсть за столъ, въ каютъ-компанію вошелъ командирскій вѣстовой и доложилъ, что командиръ проситъ къ себѣ господъ мичмановъ. Такія приглашенія никогда не предвѣщали ничего добраго: обычно насъ призывали всѣхъ вмѣстѣ или по одиночкѣ къ командиру лишь для того, чтобы разнести насъ за какую нибудь оплошность и прочитать намъ длинную нотацію съ напоминаніемъ тѣхъ или иныхъ непріятныхъ статей Морского Устава. Поэтому, услышавъ приглашеніе къ командиру, у всѣхъ мичмановъ разомъ понизилось веселое предобѣденное настроеніе и, направляясь гурьбой подъ ироническими

взглядами г. г. лейтенантовъ въ командирское помѣщеніе, мы вопросительно поглядывали другъ на друга, какъ бы мысленно спрашивая: — „Не ты ли, негодяй, натворилъ что то, и теперь насъ всѣхъ зовутъ на цугундеръ?“

На этотъ разъ, впрочемъ, страхи наши оказались неосновательными. Выраженіе лица командира, когда мы вошли въ его обширное помѣщеніе, было спокойно и не предвѣщало не только шторма, но даже и легкаго шквала. Всѣ поэтому сразу же значительно подбодрились.

Привставъ при нашемъ входѣ, командиръ обратился къ намъ со слѣдующими словами:

— Господа! Я получилъ сегодня изъ Штаба Командующаго эскадрой предложеніе списать одного изъ васъ съ моего корабля въ распоряженіе Штаба для назначенія на другой корабль эскадры. Всѣ вы мнѣ одинаково дороги (всѣ молча поклонились, причемъ мнѣ пришлось поклониться особенно низко, чтобы скрыть выраженіе муки на лицѣ, такъ какъ въ этотъ моментъ меня кто то сильно ущипнулъ, повидимому, отъ избытка гордаго чувства, что онъ оцѣненъ по заслугамъ) и ни съ кѣмъ изъ васъ я разставаться не хочу. Поэтому, если среди васъ нѣтъ никого, кто пожелалъ бы добровольно списаться съ моего корабля, я предлагаю рѣшить вопросъ жребіемъ. Сдѣлайте это сегодня же и сообщите мнѣ фамилію офицера, на котораго падетъ жребій. Вотъ, господа, все, что я имѣлъ вамъ сообщить. Можете быть свободны.

Мы снова молча поклонились и вышли.

Послѣ обѣда въ моей каютѣ собрался мичманскій митингъ.

Болѣе всего почтенное собраніе интересовалъ вопросъ — на какой корабль понадобился офицеръ? Хорошо, если это одинъ изъ новѣйшихъ броненосцевъ. Еще лучше, если это — крейсеръ. О миноносцѣ

мы не смѣли даже и мечтать, это было бы верхомъ счастья! Ну, а что, если это какая нибудь старая калоша вродѣ броненосца „Наваринъ“ или, Боже упаси, — транспортъ?

— Вѣрнѣе всего, что это какая нибудь дрянь — замѣтилъ всегда скептически настроенный мичманъ Щербачевъ, самый выдержанный изъ всѣхъ насъ, всегда спокойный, слишкомъ разсудительный для своихъ 19-20 лѣтъ, получившій дома строгое, англійское воспитаніе, — иначе, почему было бы не указать, на какой именно корабль долженъ быть назначенъ офицеръ?

— Вы знаете, господа, я увѣренъ, что это — „Камчатка“ — сказалъ я. — Она нашего же, 14-го экипажа, это — во первыхъ, въ такой же степени готовности или, вѣрнѣе, неготовности, какъ и мы — во вторыхъ, на ней еще некомплектъ офицеровъ — въ третьихъ!..

— Да, пожалуй, ты правъ, — замѣтилъ Зубовъ.

— Да чего тамъ толковать, все равно ни до чего не додумаемся! Давайте тянуть жребій! — крикнулъ кто то.

Быстро заготовили нужное число билетиковъ съ поставленнымъ на одномъ изъ нихъ крестомъ и всѣ одновременно потянулись рукою въ фуражку, куда они были положены.

Я съ волненіемъ развернулъ свой билетикъ. Билетъ былъ съ крестомъ.

Передъ моимъ мысленнымъ взоромъ предстала уродливая „Камчатка“, транспортъ-мастерская и ея желчный, раздражительный командиръ, капитанъ 2 ранга С., котораго я хорошо зналъ по 14-му экипажу, гдѣ провелъ первые три мѣсяца своей службы.

— Господа, жребій выпалъ мнѣ — заявилъ я упавшимъ голосомъ и повернулся къ дверямъ, чтобы

итти съ докладомъ къ командиру, какъ вдругъ меня остановилъ Зубовъ.

— Хочешь, я пойду вмѣсто тебя? — просто спросилъ онъ меня.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не вѣря ушамъ своимъ.

— Ей Богу, мнѣ рѣшительно все равно — прибавилъ онъ спокойно.

Я, не колеблясь, согласился.

Прошло нѣсколько дней. Какъ то вечеромъ, при чтеніи приказовъ Командующаго эскадрой, мнѣ бросилась въ глаза фамилія Зубова. Я впился взоромъ въ небольшой клочекъ сѣрой бумаги и она задрожала въ моей рукѣ. Тамъ стояло:

„Переводится: мичманъ Зубовъ съ эскадреннаго броненосца «Орелъ» на эскадренный миноносецъ «Блестящій»...“

Въ ту ночь я долго не могъ заснуть, придумывая самому себѣ самые нелестные эпитеты:

— Трусъ и идіотъ, идіотъ и трусъ — повторялъ я мысленно, хватая себя за голову, — самъ упустилъ свое счастье...

ГЛАВА II.

30 іюля 1904 г. Выходъ изъ Кронштадта. Суевѣріе моряковъ. Ревель. Незваный гость. Царскій смотръ. „Вторникъ". Либава. Ночь въ дозорѣ. Прощай, Россія!

Дни шли за днями въ непрерывной работѣ, и готовность корабля быстро подвигалась впередъ. Въ серединѣ лѣта мы уже перестали волноваться, что насъ могутъ оставить и эскадра уйдетъ безъ насъ. Да и прочіе наши „Sister-Ship'ы"*) далеко еще не окончательно были готовы для дальняго похода и боя.

За этотъ періодъ помню одинъ день, который врѣзался мнѣ въ память.

Чудный іюльскій день; на безоблачномъ небѣ ярко сверкаетъ солнце. На внѣшнемъ Кронштадтскомъ рейдѣ много военныхъ судовъ: кромѣ нашей эскадры, — пришедшій съ моря отрядъ адмирала Бирилева.

Внезапно адмиральскій корабль весь расцвѣчивается сигнальными флагами; сигналъ слѣдуетъ за сигналомъ, спускается одинъ, подымается другой. Наши сигнальщики вызвали себѣ въ помощь подвахтенныхъ и непрерывно записываютъ на грифельную доску разобранные сигналы, то приспуская, то подымая до мѣста флагъ „иже" („ясно вижу"). Наконецъ, весь сигналъ разобранъ, вахтенный съ доской бѣжитъ съ докладомъ къ старшему офицеру и командиру. Адмиральскій корабль сообщалъ:

— Флотъ извѣщается — сего числа родился Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ... — Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій: отслужить на корабляхъ благодарственные молебны, по второй

*) Однотипные корабли.

пушкѣ флагманскаго корабля произвести салютъ въ 101 выстрѣлъ, выдать командѣ лишнюю чарку водки, отпустить очередную вахту на берегъ и т. д. и т. д.

Всѣ корабли, не только военные, но и стоящіе въ купеческой гавани дымной кучей „купцы“ и даже парусныя лайбы расцвѣтились флагами. Вскорѣ стекла Кронштадтскихъ домовъ задребезжали отъ грома салюта: корабли производили рѣдкій салютъ въ 101 пушечный выстрѣлъ. Пороховой дымъ долго стлался густыми клубами въ тихомъ воздухѣ іюльскаго дня. Россія ликовала...

Сколь мудръ Всевышній, скрывшій отъ человѣка непроницаемой завѣсой его будущее!

Чему радовались русскіе люди 30-го іюля 1904 года? Радовались появленію на свѣтъ маленькаго мученика, вся короткая жизнь котораго должна была быть сплошнымъ страданіемъ не только для него самого, но и для безгранично любившихъ его родителей. Но тогда никто еще не подозрѣвалъ, что родившееся маленькое существо, наслѣдникъ трона величайшаго государства, обнимающаго 1/6 часть свѣта, былъ обладателемъ уже другого наслѣдства, страшной, наслѣдственной болѣзни Гессенскаго дома*). Но что

---

*) Родъ Гессенскаго владѣтельнаго дома, изъ котораго происходила русская Императрица Александра Феодоровна, страдалъ чрезвычайно рѣдкой, неизлѣчимой и страшной наслѣдственной болѣзнью — гемофиліей, сущность которой заключается въ томъ, что кровь не имѣетъ обычнаго свойства свертываться и страдающій этой болѣзнью человѣкъ рискуетъ умереть отъ малѣйшаго кровоизліянія, а самый незначительный ушибъ причиняетъ невыносимыя страданія. Особенность этой болѣзни еще та, что она передается по наслѣдству только мужскому поколѣнію, но не женскому. Такъ, всѣ дочери Императора Николая II были цвѣтущаго здоровья дѣвушками, тогда какъ единственный сынъ, наслѣдникъ престола, родился больнымъ.

еще трагичнѣе, — радовались русскіе люди рожденію существа, которое 14 лѣтъ спустя, невиннымъ ни въ чемъ мальчикомъ будетъ замучено въ подвалѣ дома захолустнаго городишки интернаціональной сволочью, подлыми изувѣрами, измѣнниками и разрушителями того самаго государства, управлять которымъ этотъ мальчикъ долженъ былъ по смерти своего отца.

Въ августѣ мѣсяцѣ нашъ „Орелъ“ уже окончательно принялъ обликъ военнаго корабля. Уже не рѣзали глазъ глубокія красныя впадины вдоль всего его борта: въ это мѣсто уже были вставлены плиты могучей брони; палуба была уже настлана, устанавливался радіо-телеграфъ новѣйшей въ то время системы Сляби-Арко. Съ внѣшней стороны корабль былъ почти готовъ. Работы шли теперь, главнымъ образомъ, внутри судна по установкѣ многочисленныхъ вспомогательныхъ механизмовъ, подачи снарядовъ и т. п. Въ этомъ мѣсяцѣ броненосецъ началъ уже выходить на испытанія.

Другіе корабли также заканчивали свою постройку и одинъ за другимъ покидали Кронштадтъ и переходили въ Ревель, гдѣ должна была сосредоточиться вся эскадра передъ уходомъ на войну. Да и пора уже было уходить.

Вѣсти изъ Портъ-Артура приходили все тревожнѣе и тревожнѣе. Гарнизонъ истекалъ кровью; уже ощущался недостатокъ боевыхъ припасовъ и даже продовольствія. Японцы, не жалѣя жертвъ, укладывая цѣлыя гекатомбы труповъ въ ожесточенныхъ атакахъ, хотя медленно, но неуклонно продвигались впередъ, постепенно съуживая желѣзное кольцо осады. Послѣ Ляоянской неудачи и отступленія сухопутной арміи

Куропаткина надежды на скорое освобожденіе крѣпости не было никакой. Попытка нашей Портъ-Артурской эскадры прорваться во Владивостокъ потерпѣла неудачу, и флотъ, потерявши въ Шантунгскомъ бою своего командующаго — адмирала Витгефта, вернулся въ Портъ-Артуръ. Злой рокъ тяготѣлъ надъ несчастной Россіей. Капризный богъ войны явно покровительствовалъ Японіи и солнце побѣды свѣтило только ей одной. И этотъ Шантунгскій бой, послѣдній эскадренный бой нашей I-й Тихоокеанской эскадры, ея лебединая пѣснь, явно показалъ, что Марсъ рѣшительно повернулся къ намъ спиною. Побѣда была уже наша; адмиралъ Того уже готовился къ отступленію; еще нѣсколько минутъ и путь во Владивостокъ былъ бы открытъ, и черезъ два дня его рейды увидѣли бы избитые снарядами стальные корпуса славныхъ кораблей первой эскадры... Но въ этотъ рѣшительный моментъ шальной снарядъ, быть можетъ, одного изъ послѣднихъ залповъ, который рѣшилъ послать Того, попадаетъ въ боевую рубку русскаго адмиральскаго корабля „Цесаревичъ“, убиваетъ русскаго адмирала, другой — заклиниваетъ руль, и головной корабль уже побѣдившаго флота начинаетъ описывать безсмысленную циркуляцію, внося разстройство и безпорядокъ въ строй русскихъ кораблей, радость, ободреніе и новую волю къ побѣдѣ въ сердце врага. „Его Величество — случай“ вновь пришелъ въ критическій моментъ на помощь нашимъ врагамъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ вся наша эскадра сосредоточилась въ Ревелѣ. Въ Кронштадтѣ оставался только нашъ броненосецъ, спѣшно заканчивающій пріемку и погрузку боевыхъ матеріаловъ и запасовъ провизіи. Внутри корабля оставалось еще додѣлать

много мелочей, когда мы получили приказаніе итти въ Ревель на присоединеніе къ эскадрѣ.

Помню пасмурный сентябрьскій день; ранняя сѣверная осень давно уже вступила въ свои права. Весь день дулъ сильный остъ, выгонявшій воду изъ залива. Подъ вечеръ мы снялись съ якоря и пошли съ внѣшняго рейда, гдѣ стоялъ нашъ корабль, въ море. На броненосцѣ оставалось еще много рабочихъ, которыхъ мы везли съ собою, такъ какъ далеко не все еще было у насъ готово.

При выходѣ съ рейда, между входными бочками, корабль нашъ плотно усѣлся на мель. Произведенный обмѣръ показалъ, что сильный восточный вѣтеръ, дувшій весь день, настолько выгналъ воду изъ залива, что между входными бочками, повсюду, глубина оказалась меньше 28 футъ — осадки нашего броненосца. Командиръ потребовалъ землечерпательный караванъ, который два дня углублялъ для насъ каналъ, позволившій намъ, наконецъ, съ большимъ трудомъ, ползя днищемъ въ пескѣ и илѣ, выйти на чистую воду.

Происшествіе это на многихъ произвело очень непріятное впечатлѣніе. Суевѣрные, какъ всякіе моряки, наши старые матросы говорили: — „Кронштадтъ не пускаетъ насъ на войну“. Даже на офицеровъ этотъ инцидентъ произвелъ нехорошее впечатлѣніе, и эти два дня, пока землечерпалки рыли для насъ каналъ, наши офицеры ходили съ хмурыми лицами и ворчали на все и на вся.

Мой вахтенный начальникъ, подъ вахтой котораго мнѣ приходилось обычно стоять, — нашъ второй минный офицеръ — лейтенантъ Модзалевскій, обычно жизнерадостный и веселый, неисчерпаемый кладезь шутокъ и анекдотовъ, — и тотъ хмурился и былъ не въ духѣ.

— Вѣдь это же — чистѣйшее суевѣріе, — пробовалъ я подтрунивать надъ нимъ.

— Ну, конечно, суевѣріе — согласился онъ. — Но не думайте, что мы одни, русскіе моряки, въ этомъ грѣшны. Хотите — вѣрьте, хотите — нѣтъ, а я самъ слышалъ отъ одного англійскаго морского офицера, какъ онъ возмущался русскими предразсудками: — „Странный вы народъ, русскіе моряки, — говорилъ онъ — почему то не любите сниматься съ якоря въ понедѣльникъ, точно есть какая нибудь разница между понедѣльникомъ, вторникомъ или средой. Я еще понимаю, если бы вопросъ шелъ о пятницѣ (у англійскихъ моряковъ тяжелый день — пятница)! Но понедѣльникъ — это же абсурдъ!“

На второй день остъ сталъ стихать, да и каналъ былъ уже углубленъ достаточно, и Кронштадтъ вскорѣ исчезъ у насъ за кормой въ дыму и въ туманѣ. Многимъ изъ насъ уже болѣе не суждено было его увидѣть.

Къ вечеру того же дня мы вторично отдали дань морскому суевѣрію. Проходя мимо высокаго, скалистаго и угрюмаго острова Гогландъ, бросали въ море деньги — дань Нептуну — древній обычай русскихъ моряковъ.

На утро слѣдующаго дня уже увидѣли высокій шпицъ кирки Св. Олая, и вскорѣ открылся нашимъ взорамъ красавецъ Ревель. На рейдѣ застали почти всю нашу эскадру и, ставъ на якорь, узнали, что въ ближайшіе дни ожидается пріѣздъ Государя Императора, который пріѣдетъ проститься съ нами и благословить насъ въ дальній путь.

Надо было спѣшно приводить себя въ порядокъ. Корабль красился, чистился, мылся и прихорашивался, точно невѣста передъ вѣнцомъ. Арамисъ проявлялъ совершенно несвойственную ему энергію, носясь по броненосцу, заглядывая во всѣ уголки, налетая и распекая то какого нибудь нерадиваго мичмана, то

оплошавшаго унтеръ-офицера, или, чаще всего, козла отпущенія каждаго старшаго офицера — боцмана.

И дѣйствительно, насколько было возможно, принимая во вниманіе присутствіе на борту рабочихъ, такъ какъ работы не прерывались ни на минуту, и столь короткій срокъ, имѣвшійся въ нашемъ распоряженіи, — корабль былъ приведенъ въ сносный для военнаго судна видъ. Борта ослѣпительно сверкали свѣжей, черной краской*), палуба блестѣла чистотой и порядкомъ, мостики, шлюпки, орудія, все было надраено, покрашено и приведено въ нестыдный для военнаго корабля видъ. Наконецъ, получено было извѣстіе о прибытіи въ Ревель Государя Императора и былъ объявленъ день смотра.

Раньше, чѣмъ описывать этотъ памятный день, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ и разсказать объ одномъ незначительномъ событіи, результатомъ котораго явился большой конфузъ всего личнаго состава моего броненосца на царскомъ смотру.

На второй или на третій день по нашемъ прибытіи въ Ревель, вечеромъ, когда мы ужинали, въ каютъ-компанію вдругъ вбѣжалъ огромный рыжій, никому невѣдомый дотолѣ песъ — помѣсь пойнтера съ дворняжкой. Какъ и подобаетъ благовоспитанной судовой собакѣ, онъ подбѣжалъ сначала къ старшему офицеру, ткнувъ ему въ руку своимъ мокрымъ и холоднымъ носомъ, и затѣмъ пошелъ вдоль стола, получая подачки отъ благодушно настроенныхъ офицеровъ, ибо, какъ извѣстно, г. г. офицеры во время обѣда и ужина обычно пребываютъ въ самомъ благодушномъ настроеніи.

— Это что за собака, откуда она? — удивился Арамисъ.

*) Въ то время русскіе военные корабли красились въ черный цвѣтъ. „Защитный", сѣрый цвѣтъ былъ введенъ лишь послѣ русско-японской войны.

Всѣ отвѣтили полнымъ незнаніемъ. Арамисъ вызвалъ вахтеннаго.

— Что это за песъ? — строго спросилъ онъ у вошедшаго и вытянувшагося у дверей унтеръ-офицера.

— Такъ что, Вашскородіе, — испуганно забормоталъ вахтенный — прибылъ съ берега, съ очереднымъ катеромъ. Старшина говоритъ, что никакъ невозможно было прогнать его. Должно быть, съ какого другого корабля, опоздалъ на свою шлюпку. Наша послѣдняя отвалила, Вашскородіе!..

— Хорошо, ступай.

— Очевидно онъ съ „Суворова“ или съ „Александра III“, — сказалъ кто то изъ присутствующихъ — у насъ и катера совершенно однотипные, да и дорогу нашелъ онъ сразу въ каютъ-компанію.

— Надо будетъ завтра же навести справки и отослать пса домой — заявилъ Арамисъ.

Въ суматохѣ приготовленій къ смотру справку навести забывали и песъ продолжалъ жить у насъ. Это былъ симпатичнѣйшій песъ, обычнаго корабельнаго типа, прекрасно воспитанный и знающій всѣ судовые порядки. Такъ, напримѣръ, онъ отлично зналъ, что если къ корабельному трапу подходитъ гребная шлюпка или паровой катеръ, то дѣло, безъ сомнѣнія, пахнетъ берегомъ. Въ такомъ случаѣ онъ немедленно спускался по трапу и усаживался въ шлюпкѣ, причемъ выгнать его обратно не было уже никакой возможности; маленькую собачку еще можно было бы вынести на рукахъ, но такого огромнаго пса нести на рукахъ по узкому трапу — задача была не легкая и его обычно оставляли въ покоѣ. Онъ отправлялся со шлюпкой, на берегу приставалъ къ одному изъ матросовъ или офицеровъ, шелъ за нимъ по пятамъ и съ нимъ же возвращался обратно. Жилъ онъ гдѣ то на бакѣ и рѣдко попадался на глаза на-

чальству. Когда же его случайно замѣчалъ Арамисъ, то обычно произносилъ:

— Ахъ, чортъ, надо же узнать въ концѣ концовъ, чья это собака и вернуть ее хозяину! Въ походъ ее я во всякомъ случаѣ брать не разрѣшу! Въ тропикахъ легко можетъ взбѣситься и... благодарю покорно — этакій бѣшеный песъ на суднѣ!

Впрочемъ, уйдя съ головой въ приготовленія корабля къ царскому смотру, онъ немедленно же забывалъ о существованіи собаки, какъ только она исчезала изъ поля его зрѣнія. Такъ наступилъ день царскаго смотра, а песъ все еще продолжалъ проживать на нашемъ броненосцѣ.

Яркій, солнечный день. Свѣжій вѣтерокъ рябитъ воду ревельскаго рейда. Корабли расцвѣчены флагами. Поочередно гремитъ салютъ то съ одного, то съ другого корабля, заглушая мощное „ура“ командъ. Государь Императоръ объѣзжаетъ корабли II-й эскадры.

Наша команда, въ чистыхъ фланелевыхъ рубахахъ „I-го срока“, давно уже стоитъ во фронтѣ по вахтенно, переминаясь съ ноги на ногу и поеживаясь отъ холоднаго уже сѣвернаго вѣтра. Офицеры въ мундирахъ и треуголкахъ во фронтѣ на шканцахъ. Сигнальщики на мостикѣ, не отрываясь отъ биноклей и подзорныхъ трубъ, слѣдятъ за сосѣднимъ броненосцемъ „Бородино“. Тамъ — Государь. Затѣмъ — очередь наша, послѣ „Бородина“ онъ долженъ быть у насъ. Нашъ командиръ, со строевымъ рапортомъ въ рукахъ, нервно подрыгиваетъ маленькой ножкой, прохаживаясь вдоль выхода на трапъ и кидая безпокойные взоры то туда, то сюда, какъ бы въ послѣдній разъ провѣряя, все ли въ порядкѣ. Слава Богу, все въ порядкѣ и придраться не къ чему.

Наконецъ, съ мостика раздается тревожно-взволнованный голосъ сигнальнаго кондуктора:

— Государь Императоръ отваливаютъ!

Я стою фалрепнымъ*) въ парѣ съ мичманомъ Щербачевымъ на средней площадкѣ трапа, наверху фалрепными — Шупинскій и рыжій Бибиковъ, на нижней площадкѣ — маленькіе ростомъ Бубновъ и Сакеллари. Мнѣ видно, какъ малымъ ходомъ царскій катеръ отходитъ отъ трапа „Бородина". Вотъ, на кормовомъ мостикѣ блеснулъ огонь, вылетѣлъ клубъ бѣлаго дыма, весело подхваченный порывомъ вѣтра, понесшаго его за корму, и грянулъ пушечный выстрѣлъ салюта; черезъ мгновеніе въ догонку первому клубу понесся второй уже съ противоположнаго борта... Заглушая громъ пушекъ, гремѣло „ура" бородинской команды... Царскій катеръ тихимъ ходомъ направлялся къ намъ... Вотъ онъ прошелъ уже нашу корму и застопорилъ машину.

— Сми-и-и-рно! — раздалась команда вахтеннаго начальника и на нашей палубѣ все замерло. По моей спинѣ побѣжали мурашки отъ торжественнаго напряженія.

И вдругъ я услышалъ у себя надъ головой полный ужаса и отчаянія, какой то сдавленный голосъ командира:

— Соба-а-ку, соба-а-ку уберите!..

Вслѣдъ затѣмъ послышался какой то визгъ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, мимо меня, внизъ по трапу, стрѣлой промчался нашъ

*) „Фалрепными" называются матросы, вызываемые къ трапу при отъѣздѣ или пріѣздѣ офицера или кого либо изъ начальствующихъ лицъ; ихъ обязанность — помочь при посадкѣ въ шлюпку или выходѣ изъ нея. Оберъ-офицеру вызываются 2 фалрепныхъ, которые становятся у входа на трапъ лицомъ другъ къ другу; штабъ-офицеру — 4; лицамъ Императорской Фамиліи фалрепными ставились молодые офицеры, по 2 на каждую площадку трапа.

рыжій песъ. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе онъ былъ уже на нижней площадкѣ трапа и маленькіе Бубновъ и Сакеллари съ невѣроятными усиліями старались спихнуть его въ воду, безъ всякаго, впрочемъ, успѣха. Да и было уже поздно: царскій катеръ стоялъ уже у трапа и Государь Императоръ подымался со своего сидѣнья.

Тутъ только я догадался, въ чемъ дѣло. Очевидно, увидѣвъ откуда то подходившій къ трапу катеръ, песъ рѣшилъ не безъ основанія, что дѣло пахнетъ берегомъ и, вѣрный своей привычкѣ, направился на нижнюю площадку трапа, причемъ продѣлалъ это такъ стремительно, что его не успѣли остановить, сильный же пинокъ, полученный отъ одного изъ верхнихъ фалрепныхъ, только усилилъ его прыть.

У меня упало сердце, когда я увидѣлъ Государя рядомъ съ огромнымъ псомъ, занимавшимъ почти всю площадку. Но Царь, видимо, отлично понималъ весь траги-комизмъ нашего положенія: со своей безконечно-доброй, очаровательной улыбкой, онъ ласково погладилъ пса и, обойдя его, сталъ подыматься вверхъ по трапу; за нимъ подымалась маленькая, изящная фигурка вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны, затѣмъ огромный генералъ-адмиралъ — Великій Князь Алексѣй Александровичъ и, наконецъ, свита Царя. Я обратилъ вниманіе, что каждый изъ подымавшихся считалъ своимъ долгомъ также погладить негодяя-пса, изъ подражанія ли Государю, или же страха ради іудейска — а ну, какъ укуситъ?!

Умный песъ сообразилъ, что катеръ, изъ котораго выходятъ и въ который никто не садится, очевидно на берегъ не пойдетъ и, вмѣсто того, чтобы сѣсть въ него, пошелъ обратно на палубу, замыкая собою блестящую царскую свиту и не обращая ни малѣйшаго вниманія на мечущихъ на него свирѣпые взгляды фалрепныхъ офицеровъ. Но какъ только онъ

ичутился на палубѣ, то немедленно же былъ схваченъ о упрятанъ въ надежное мѣсто.

Государь обошелъ офицеровъ и команду, затѣмъ бѣгло осмотрѣлъ корабль, послѣ чего весь экипажъ былъ собранъ на шканцахъ и Царь обратился къ намъ съ краткой, ласковой рѣчью. Пожелавъ намъ счастливаго плаванія, Онъ пожалъ руку командиру и направился къ трапу.

Мы вновь стояли на своихъ прежнихъ мѣстахъ фалрепными. Когда мимо меня медленно спускалась Государыня Императрица, она вскинула на меня свои прелестные глаза и, ласково улыбнувшись, протянула мнѣ руку. Я неловко, рѣзкимъ движеніемъ снялъ свою треуголку и благоговѣйно поцѣловалъ крошечную, благоухающую ручку маленькой Императрицы, и когда царскій катеръ медленно отходилъ отъ нашего трапа, съ затуманеннымъ взоромъ, не слыша грома салюта нашихъ пушекъ, кричалъ, надрываясь, вмѣстѣ съ нашей командой, „ура“.

— Ave Caesar, morituri te salutant!

Вечеромъ въ каютъ-компаніи, дѣлясь впечатлѣніями о Царскомъ смотрѣ, офицеры вспомнили объ инцидентѣ съ собакой. Послѣ жестокой критики собачьяго поведенія, каютъ-компанія неожиданно вынесла постановленіе, принятое единогласно: пса, обласканнаго на нашемъ кораблѣ самимъ Государемъ Императоромъ, никому не отдавать, оставить на суднѣ и взять съ собою въ походъ. Немедленно было приступлено къ обсужденію вопроса о кличкѣ, которую ему необходимо было придумать. Послѣ короткихъ дебатовъ большинствомъ голосовъ было принято мое предложеніе назвать его „Вторникомъ“, ибо я припомнилъ, что день неожиданнаго появленія у насъ рыжаго пса приходился на вторникъ. Будучи однимъ изъ самыхъ молодыхъ въ каютъ-компаніи, я еще хорошо помнилъ Робинзона Крузо.

Когда о рѣшеніи каютъ-компаніи довели до свѣдѣнія Арамиса, онъ слегка поворчалъ, но больше, повидимому, изъ принципа, ибо вскорѣ же сдался и узаконилъ присутствіе „Вторника“ и зачисленіе его въ судовой составъ эскадреннаго броненосца „Орелъ“.

Въ послѣднихъ числахъ сентября мѣсяца эскадра покинула Ревель и перешла въ Либаву, гдѣ стала въ аванпортѣ порта Императора Александра III-го.

Здѣсь корабли принимали послѣдніе запасы боевыхъ припасовъ, продовольствія и топлива. Погрузка шла день и ночь. Насъ, мичмановъ, Арамисъ гонялъ, что называется, и въ хвостъ и въ гриву. Спать удавалось лишь короткими урывками, внѣ всякой зависимости отъ дня или ночи: есть свободные полчасика, и — валишься въ койку, какъ убитый. Впрочемъ, съ этихъ поръ такое положеніе вещей уже сдѣлалось хроническимъ въ продолженіи всего похода, тянувшагося почти 8 мѣсяцевъ, закончившись для иныхъ вѣчнымъ покоемъ на днѣ Японскаго моря, для другихъ — длительнымъ и принудительнымъ отдыхомъ во вражескомъ плѣну.

Когда эскадра стояла въ Либавѣ, по судамъ поползли упорные слухи о готовящемся на нее покушеніи со стороны японцевъ. Это тоже сдѣлалось хроническимъ явленіемъ за все время нашего плаванія. Возможно, что слухи эти умышленно муссировались Штабомъ Командующаго эскадрой для поддержанія въ личномъ составѣ кораблей постоянной бдительности, что было, конечно, весьма желательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ это же имѣло и сильно отрицательную сторону, выматывая нервы офицеровъ и команды.

Но кромѣ, такъ сказать, официальныхъ свѣдѣній и предупрежденій Штаба, по судамъ эскадры циркулировали также слухи частнаго издѣлія. Любители

сенсацій имѣются вездѣ и во всякомъ обществѣ, имѣлись они и у насъ. Побывавъ на флагманскомъ кораблѣ, такой любитель сенсацій жадно ловитъ краюшкомъ уха случайные обрывки бесѣдъ чиновъ штаба, отдаваемыя приказанія и распоряженія и... сенсація готова: „этой ночью можно ждать покушенія на эскадру“, „японцы вооружили минными аппаратами нѣсколько купленныхъ шведскихъ лайбъ“, или же что нибудь еще въ этомъ же родѣ.

Впрочемъ, въ самомъ штабѣ, повидимому, имѣлись какія то данныя о возможности на насъ покушенія, потому что кораблямъ была предписана строжайшая бдительность, особенно ночью.

Помню послѣднюю ночь въ Россіи. Нашъ корабль былъ дежурнымъ по эскадрѣ и на его обязанности лежала охрана рейда. Мы стояли неподалеку отъ входа въ аванпортъ. Погода — типичная для Балтійскаго моря, октябрьская: низкія, свинцовыя тучи, рѣзкій, пронизывающій до костей вѣтеръ, съ неба — не то дождь, не то какая то изморозь.

Съ наступленіемъ темноты нашъ броненосецъ зажегъ прожекторъ, направивъ лучъ его въ проходъ, ведущій съ моря въ аванпортъ, и выслалъ въ дозоръ минный катеръ съ приказаніемъ находящемуся на немъ офицеру (офицеръ этотъ, конечно, многострадальный мичманъ) — провѣрять всѣ входящія съ моря суда.

Съ полуночи — моя очередь итти на катеръ. Сырость пронизываетъ до костей, на катерѣ все мокро и скользко. Въ крошечной катерной каюткѣ — еще хуже, чѣмъ снаружи: нестерпимая жара — за переборкой машинное отдѣленіе и въ довершеніе тамъ стучитъ и сильно воняетъ горѣлымъ машиннымъ масломъ динамо-машина. Катеръ ходитъ малымъ ходомъ противъ входа въ аванпортъ. Въ проходъ вкатываетъ съ моря крупная зыбь, съ пѣнистымъ, ярко

блещущимъ въ лучахъ прожектора гребнемъ, и когда мой катеръ выходитъ изъ подъ прикрытія мола, зыбь подхватываетъ его какъ щепку, вскидываетъ на свою могучую спину, затѣмъ швыряетъ куда то внизъ, обдавъ солеными брызгами, и бѣжитъ дальше, предоставивъ свою игрушку на потѣху спѣшащей вслѣдъ за ней своей сосѣдкѣ. Окоченѣлыми отъ холода пальцами судорожно вцѣпляешься въ мокрый металлическій поручень, стараясь врасти ногами въ скользкую, уходящую изъ подъ ногъ палубу.

— Заболотный, прибавь ходу!

Покраснѣвшее отъ холода, усатое лицо рулевого, съ низко надвинутой на лобъ зюдвесткой, наклоняется надъ рупоромъ переговорной трубы. Стукъ машины ускоряется. Минутъ 5-10 бѣшеной пляски на зыби и вотъ я снова подъ защитой спасительнаго мола, по ту сторону прохода.

— Малый ходъ!

Немного передышки, затѣмъ команда — „Лѣво на бортъ“, и повтореніе той же картины въ обратномъ направленіи. Монотонность дозорной службы изрѣдка нарушается появленіемъ въ лучѣ прожектора косого паруса. Со свѣжимъ, попутнымъ вѣтромъ, подгоняемая попутной зыбью, влетаетъ въ аванпортъ рыбачья лодка.

— Полный ходъ! — иду на пересѣчку курса.

— Спускай парусъ! — Черезъ мгновеніе катеръ уже у борта лодки. Въ клеенчатыхъ пальто, въ огромныхъ сапогахъ и зюдвесткахъ рыбаки съ испугомъ глядятъ на появившійся вдругъ, точно изъ пѣны морской, катеръ, съ грозно торчащей на носу пущенкой.

— Какого порта?

— Либавскаго, — одинъ изъ рыбаковъ корявыми пальцами начинаетъ разоблачаться, чтобы добраться до пазухи и предъявить документы. Бѣглый взглядъ

во внутренность лодки, мокрой и грязной, сильно пахнущей рыбой; я удостовѣряюсь въ мирномъ назначеніи остановленной шлюпки и отпускаю рыбаковъ съ миромъ.

— Малый ходъ впередъ.

И снова то же блужданіе взадъ и впередъ передъ входомъ въ аванпортъ. Долгой осенней ночи, кажется, и конца не будетъ. Съ тоской посматриваю на небо: Боже, скоро ли разсвѣтъ? Но вотъ, на востокѣ начинаетъ сѣрѣть. Постепенно изъ мрака начинаютъ обрисовываться силуэты все болѣе отдаленныхъ предметовъ, море принимаетъ свинцовый оттѣнокъ. А нашъ прожекторъ все еще продолжаетъ свѣтить. Вотъ видны уже и крыши портовыхъ строеній. Слава Богу, прожекторъ тухнетъ и все сразу принимаетъ такой обычный, сѣрый и тоскливый видъ, который и подобаетъ имѣть въ ненастное, дождливое, октябрьское утро.

— Право на бортъ, полный ходъ, на броненосецъ!

И пока катеръ быстро приближается къ черной громадѣ корабля, въ мечтахъ уже рисуется теплая, сухая каюта, стаканъ горячаго чая, а главное — койка, хоть спать то остается такъ мало, какой нибудь часъ, остающійся до подъема флага.

Въ этотъ день, 2-го октября, эскадра покидала послѣдній русскій портъ.

Съ утра корабли начали выходить изъ аванпорта. Повторилась та же исторія, что съ нами при выходѣ изъ Кронштадта: глубоко сидящіе броненосцы съ трудомъ выползали изъ мелкой гавани, ползя днищемъ по грунту и мутя мощными винтами мелкую воду.

Долго, одинъ за другимъ, выходили корабли и становились въ морѣ на якорь, поджидая своихъ товарищей. Но вотъ аванпортъ опустѣлъ. По фокъ-мачтѣ „Суворова“ ползутъ вверхъ какіе то комочки и, дойдя до ноковъ, разворачиваются въ мокрыя, разноцвѣтныя тряпочки, которыя безсильно повисаютъ въ затихшемъ воздухѣ. Протирая стекла биноклей и подзорныхъ трубъ, сигнальщики съ трудомъ разбираютъ сквозь густую сѣтку дождя сигналъ адмирала: „Сняться съ якоря по эшелонамъ“. Отрядъ за отрядомъ снимается съ якоря и направляется въ море. Послѣднимъ снимается нашъ дивизіонъ новѣйшихъ броненосцевъ. Вѣтеръ стихъ, но свинцовыя тучи опустились еще ниже и непрерывно сѣютъ мелкимъ, холоднымъ дождемъ.

— Боже, какъ ты плачешь, милая родина, провожая своихъ сыновъ!.. Прощай, Россія!

ГЛАВА III.

Fakebjerg. У маяка Скагенъ. Неожиданный уходъ. Въ Сѣверномъ морѣ. Ночь съ 8-го на 9-е октября. Приходъ въ Виго. Гульскій инцидентъ въ исторической перспективѣ. Адмиралъ Дубасовъ. Погрузка угля. Толстый и тонкій. Дальше въ путь.

4-го октября эскадра стала впервые на якорь въ заграничныхъ водахъ при входѣ въ Бельтъ у маяка Факебьергъ. Прекратившіеся было на походѣ слухи о готовящемся на насъ покушеніи, вновь возникли съ постановкой на якорь. Говорили о возможности наткнуться на минное заграждение при проходѣ Бельтомъ.

Простоявъ тамъ болѣе сутокъ и погрузившись углемъ, эскадра тронулась дальше въ путь. Предположеніе о возможности встрѣтить на нашемъ, съуженномъ проливами, пути мины — не было плодомъ досужей фантазіи судовыхъ сплетниковъ, ибо при нашемъ выходѣ сдѣлана была попытка траленія впереди эскадры, попытка, окончившаяся полной неудачей съ самаго же начала, ибо тралъ сразу же лопнулъ. Весь нашъ „тралящій караванъ“ состоялъ всего изъ одной и довольно при томъ любопытной пары: маленькаго буксира „Роландъ“, впослѣдствіи перекрещеннаго въ „Русь“, и огромнаго ледокола „Ермакъ“. Поэтому, когда нашъ единственный тралъ лопнулъ, нашему бѣдному адмиралу ничего другого не оставалось дѣлать, какъ поднять сигналъ: „считать каналъ протраленнымъ“ и повести за собой эскадру, полагаясь на милость Божію и заступничество Его святыхъ Угодниковъ.

На переходѣ Бельтомъ на нашемъ кораблѣ произошло поврежденіе въ рулевой машинѣ. На время

исправленія поврежденія броненосецъ сталъ на якорь тутъ же, въ проливѣ, въ то время. какъ прочіе корабли эскадры продолжали свой путь. Черезъ нѣсколько часовъ поврежденіе было исправлено и мы пошли догонять эскадру, которую нагнали уже у самаго выхода въ Скагерракъ. Эскадра стояла на якорѣ подъ прикрытіемъ песчанаго мыса, на оконечности котораго возвышался высокій маякъ Скагенъ. Корабли готовились къ погрузкѣ угля передъ предстоящимъ переходомъ черезъ Сѣверное море, когда показался изъ-за мыса идущій съ моря нашъ военный транспортъ „Баканъ“. Это было судно гидрографической экспедиціи, возвращающееся изъ Бѣлаго моря. „Баканъ“ задержался на нѣкоторое время вблизи „Суворова“, послѣ чего продолжалъ свой путь въ Балтійское море. Вслѣдъ затѣмъ на „Суворовѣ“ былъ поднятъ сигналъ: „Приготовиться сняться съ якоря“, а черезъ нѣкоторое время, по сигналу адмирала, эскадра по-эшелонно тронулась въ путь.

Въ то время мы и не подозрѣвали, что нашъ столь быстрый уходъ, безъ погрузки угля, съ якорной стоянки у Скагена, явился результатомъ нашей встрѣчи съ „Баканомъ“. Лишь много позднѣе мы узнали, что командиръ этого транспорта доложилъ адмиралу, что онъ спеціально отклонился отъ своего курса, чтобы предупредить эскадру о замѣченныхъ имъ у норвежскихъ береговъ двухъ миноносцахъ, не несшихъ флага и прятавшихся въ фіордахъ.

Уже темнѣло, когда послѣднимъ эшелономъ снялись наши четыре броненосца и, сопровождаемые транспортомъ „Анадырь“, тронулись въ море.

Куда мы шли и въ какой портъ направлялись — никто на нашемъ кораблѣ, не исключая самого командира, не зналъ. И такого порядка адмиралъ придерживался въ продолженіи всего похода; о мѣстѣ якорной стоянки мы узнавали обычно лишь наканунѣ

прихода въ портъ, по сигналу адмирала, объявлявшаго „рандеву“. Мы настолько были несвѣдущи въ планахъ и предположеніяхъ нашего вождя, что при выходѣ въ Сѣверное море серьезно обсуждали въ каютъ-компаніи возможность, что адмиралъ поведетъ эскадру сѣвернымъ путемъ, вокругъ Шотландіи, чтобы избѣжать Ламанша, гдѣ эскадра легко могла сдѣлаться объектомъ покушенія. Впрочемъ, сомнѣнія наши на этотъ счетъ продолжались недолго, разсѣявшись въ первый же день плаванія Сѣвернымъ моремъ: взятый флагманскимъ кораблемъ курсъ велъ насъ на Доггеръ-банку.

Выйдя въ море, корабли приняли самыя серьезныя мѣры къ отраженію минной атаки. Съ наступленіемъ темноты орудія были заряжены, къ каждой пушкѣ было подано достаточное количество патроновъ, орудійной прислугѣ приказано было ложиться у своихъ орудій не раздѣваясь, на верхней палубѣ, въ помощь сигнальщикамъ, разставлены наблюдающіе за всѣми частями горизонта. Офицеры были разбиты на двѣ смѣны, одна изъ которыхъ непрерывно бодрствовала. Первая ночь прошла спокойно. Наступила памятная ночь съ 8 на 9 октября 1904 года.

Свѣжій вѣтеръ развелъ довольно крупную зыбь, бившую намъ въ лѣвый бортъ. По пробитіи тревоги отраженія минной атаки, что продѣлывалось неукоснительно съ заходомъ солнца для приготовленія корабля на ночь, когда я открылъ порта моей батареи, сквозь нихъ во-внутрь судна нѣсколько разъ вкатила верхушка волны. Моя батарея изъ 6-ти 75-миллиметровыхъ пушекъ была расположена на лѣвомъ борту, въ средней части корабля, очень низко надъ ватерлиніей. Наши новые броненосцы оказались сильно перегруженными противъ проекта и остойчивость ихъ оставляла желать много лучшаго. Поэтому, еще до

выхода эскадры въ походъ, были изданы особыя правила предосторожности, соблюденіе которыхъ предписывалось самымъ строжайшимъ образомъ.

Когда я доложилъ командиру, что въ порта моей батареи захлестываетъ волна, то получилъ отъ него категорическое приказаніе немедленно же ихъ задраить и не открывать даже въ случаѣ дѣйствительной минной атаки. Такимъ образомъ, батарея моя обрекалась на бездѣйствіе. Это было очень грустно, но иначе быть не могло: получи мы минную пробоину, корабль сѣлъ бы еще глубже и при небольшомъ даже кренѣ на лѣвый бортъ, порта ушли бы своей нижней кромкой подъ воду и корабль неминуемо долженъ былъ бы опрокинуться.

Офицеры въ ту ночь долго не расходились по каютамъ. Кормовая батарея, помѣщавшаяся въ гостиныхъ каютъ-компаніи, была слабо освѣщена выкрашенными въ густой фіолетовый цвѣтъ лампочками, чтобы не ослѣпить комендоровъ и дать имъ возможность видѣть что нибудь въ забортной тьмѣ. Впрочемъ, ночь была не очень темная; отъ времени до времени между разорванными, низко бѣгущими облаками появлялась луна, освѣщая своимъ таинственнымъ свѣтомъ взволнованное море, и тогда отчетливо можно было различить идущаго намъ въ кильватеръ огромнаго „Анадыря“. У орудій на палубѣ лежала прислуга пушекъ. Офицеры, расположившіеся на диванахъ и въ креслахъ, лѣниво и сонно перекидывались отдѣльными фразами. Шелъ 11-й часъ ночи, когда вбѣжалъ въ каютъ-компанію кто то изъ офицеровъ и взволнованнымъ голосомъ объявилъ:

— Господа, телеграмма! „Суворовъ“ спрашиваетъ „Камчатку“: „Съ какого румба и сколькими миноносцами вы атакованы?“ А вотъ и отвѣтъ „Камчатки“: „Не знаю, иду, закрывши всѣ огни“.

— Ничего не понимаю — сказалъ старшій артиллеристъ. — Гдѣ же „Камчатка“ и какимъ образомъ „Суворовъ“ узналъ, что она атакована?

— Ясно, что нашъ телеграфъ изъ пяти телеграммъ принимаетъ одну! Чортъ бы побралъ этого знаменитаго Сляби-Арко или ихъ обоихъ вмѣстѣ, если это два имени, а не одно!

Старшій минный офицеръ, задѣтый за живое упрекомъ по адресу его дѣтища, поднялся и торопливо направился въ телеграфную рубку. Но „Сляби-Арко“ все же не сталъ послѣ этого работать лучше. Не было сомнѣній въ томъ, что „Суворовъ“ и „Камчатка“ непрерывно обмѣнивались телеграммами. Но мы получали все лишь какіе то обрывки. Одна изъ отчетливо разобранныхъ телеграммъ была адресована на „Суворовъ“ и гласила: „‹Суворовъ›, покажите вашу широту и долготу“. „Суворовъ“ на это отвѣтилъ приказаніемъ: „‹Камчатка›, ложитесь на вестъ“.

— Странный отвѣтъ — сказалъ кто то изъ молодежи.

— А вы бы на мѣстѣ адмирала, конечно, сообщили бы въ точности свое мѣсто — проговорилъ желчно кто то изъ лейтенантовъ, — и послѣ войны, если бы остались живы, навѣрное получили бы отъ благодарнаго Микадо орденъ „Восходящаго солнца“, въ томъ случаѣ, если о мѣстѣ „Суворова“ запрашиваетъ не „Камчатка“, а ищущій насъ японскій миноносецъ.

Сдѣлавшій неудачное замѣчаніе мичманъ сконфузился и промолчалъ.

О снѣ, конечно, никто и не думалъ. Отъ времени до времени то одинъ, то другой подымался съ мѣста и направлялся наверхъ, на мостикъ или къ своему боевому посту, чтобы провѣрить, все ли у него въ порядкѣ. Побывалъ и я въ своей батареѣ. Тамъ было сонное царство; порта были наглухо задраены и въ

неясномъ фіолетовомъ сумракѣ видны были неподвижныя фигуры растянувшихся на палубѣ у своихъ пушекъ матросовъ; у каждаго орудія продолжали висѣть подвѣшенныя подъ бимсами телѣжки со снарядами. Обойдя батарею, я вновь вернулся въ каютъ-компанію и забился поуютнѣе въ глубокое кожаное кресло. Время подходило къ часу ночи...

Вдругъ раздались рѣзкіе звуки горна, игравшаго сигналъ „отраженіе минной атаки". Вслѣдъ затѣмъ послышался характерный для морского уха топотъ массы бѣгущихъ по трапамъ ногъ, и не успѣлъ я выбѣжать изъ каютъ-компаніи, какъ гдѣ то наверху уже громыхнулъ выстрѣлъ. Я кинулся къ себѣ въ батарею, но по пути вспомнилъ, что батарея моя задраена, что распоряженіе не отдраивать портовъ ни въ коемъ случаѣ отдано и нѣсколько разъ повторено, подумалъ, что оттуда я не увижу ровно ничего и, поровнявшись съ первымъ же ведущимъ наверхъ трапомъ, ринулся на палубу и оттуда на кормовой мостикъ. Когда я очутился на мостикѣ, уже гремѣло со всѣхъ сторонъ. Въ интервалахъ между грохотомъ нашихъ орудій, слышалась стрѣльба переднихъ кораблей. Лучи прожекторовъ бороздили море и справа и слѣва. Я тщательно старался разсмотрѣть что либо въ этихъ лучахъ и не видѣлъ ничего — яркія вспышки часто стрѣлявшей кормовой башни 6" орудій слѣпили глаза.

Вдругъ я замѣтилъ какіе то странные отблески на водѣ, противъ середины нашего лѣваго борта, какъ разъ у того мѣста, гдѣ должна была приходиться моя батарея. Страшное подозрѣніе мелькнуло у меня въ головѣ и въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе я уже стремительно бѣжалъ внизъ.

Когда я влетѣлъ къ себѣ на батарею, взорамъ моимъ представилась картина изъ Дантова ада: всѣ порта были отдраены, въ фіолетовомъ сумракѣ хло-

потала моя команда, въ бѣшеномъ азартѣ стрѣляя изъ всѣхъ шести пушекъ. Непрерывно слышалось щелканье затворовъ, затѣмъ крики „товсь!“, блестѣлъ зеленовато-желтый огонь, освѣщавшій на мгновеніе прильнувшаго къ пушечному прикладу комендора, подносчиковъ, подносящихъ снаряды, и, что хуже всего, — отъ времени до времени пѣнящуюся верхушку волны, вкатывающуюся внутрь броненосца. По палубѣ батареи ходила вода.

— Стопъ стрѣлять! Порта задраить! — крикнулъ я, что только хватало силы голоса. Гдѣ тамъ: жалкій человѣческій голосъ терялся въ хаосѣ грохота пушекъ и снарядныхъ телѣжекъ. Пришлось прибѣгнуть къ методамъ физическаго воздѣйствія — хватать комендоровъ за шиворотъ, отрывая ихъ отъ пушки, раздавать тумаки направо и налѣво и этимъ способомъ приводить ихъ въ чувство и заставлять прекращать стрѣльбу и задраивать порта. Когда я задраивалъ послѣдній, шестой портъ, охрипъ отъ крика и опустошилъ весь свой запасъ крѣпкихъ словъ боцманскаго лексикона, горнистъ уже игралъ отбой. Стрѣльба стихала...

Наведя у себя въ батареѣ порядокъ, я вновь поднялся на кормовой мостикъ и засталъ еще послѣдній актъ разыгравшейся драмы. Далеко впереди по носу свѣтилъ вертикально вверхъ лучъ прожектора — сигналъ съ „Суворова“ — „прекратить стрѣльбу“. Съ лѣваго борта, почти по траверзу, но на довольно большомъ разстояніи, свѣтилась „елка Табулевича*)“, — вскорѣ мы узнали, что это былъ отрядъ

*) Шутливое названіе принятой въ то время на эскадрѣ системы ночной сигнализаціи Табулевича: высоко по мачтѣ четыре электрическихъ лампочки, расположенныя одна подъ другой, зажигались поперемѣнно то краснымъ, то бѣлымъ свѣтомъ, изображая одновременно четырехфлажный сигналъ, разбираемый по азбукѣ Морзе.

нашихъ крейсеровъ. Справа, очень близко, въ разстояніи какихъ нибудь двухъ-трехъ кабельтовыхъ, качался на зыби, лежа на контра-курсѣ, небольшой, типичный рыбачій пароходъ съ высокой трубой и поставленнымъ парусомъ. Онъ былъ ярко освѣщенъ прожекторомъ „Анадыря“, продолжавшаго еще стрѣлять по немъ и стрѣлять неплохо, ибо я ясно увидѣлъ разрывъ снаряда посреди его борта. Но это были послѣдніе выстрѣлы; потухъ прожекторъ „Анадыря“ и пароходъ потонулъ во тьмѣ. Вскорѣ, по тому направленію, гдѣ исчезъ пароходикъ, взвилась высоко въ небо ракета: рыбакъ тонулъ, просилъ помощи...

Сумрачные и какіе то растерянные собирались офицеры въ каютъ-компаніи. Никто ничего не понималъ. У всѣхъ было впечатлѣніе совершенной какой то роковой и непоправимой ошибки. Съ нашего корабля никто не видѣлъ миноносцевъ, зато отчетливо видѣли типичныя рыбачьи суда и стрѣляли по нимъ потому, что по нимъ же стрѣляли наши впереди идущіе корабли.

— Позоръ и срамъ, — волновалась молодежь — разстрѣливать мирныхъ рыбаковъ!

— Не спѣшите судить, — возражалъ густымъ басомъ, чуть картавя, нашъ второй артиллерійскій офицеръ, всегда выдержанный и хладнокровный лейтенантъ Гирсъ. — Почемъ вы знаете? А на рыбакахъ развѣ не могли быть поставлены минные аппараты? Можетъ быть, кто нибудь изъ нихъ пустилъ мину въ „Суворова“? Адмиралъ знаетъ лучше васъ, по комъ можно стрѣлять и по комъ нѣтъ.

— Да и шли они на насъ совсѣмъ по всѣмъ правиламъ минной атаки, съ двухъ сторонъ, держа на крамболу — поддержалъ его длинный, какъ жердь, штурманъ Ларіоновъ.

Но чувствовалось, что всѣ эти реплики подавались больше для успокоенія совѣсти и что червь со-

мнѣнія точилъ и штурмана и артиллериста. На лицахъ офицеровъ, только что удачно отбившихъ вражескую атаку, не должно было быть такого мрачнаго выраженія.

Нашъ злополучный Сляби - Арко продолжалъ снабжать насъ обрывками переговоровъ адмирала съ прочими судами эскадры. Изъ этихъ обрывковъ мы узнали, что наша „Аврора“ получила нѣсколько пробоинъ отъ нашихъ же снарядовъ, и тогда я догадался, что видѣнная мною по лѣвому борту „елка Табулевича“ принадлежала дивизіону нашихъ крейсеровъ. „Аврора“ доносила, что тяжело раненъ ея судовой священникъ, которому снарядомъ оторвало руку.

Остальная часть ночи прошла спокойно и съ наступленіемъ туманнаго разсвѣта я легъ спать, но, несмотря на огромную физическую усталость и безсонную ночь, долго не могъ заснуть.

Такъ прошла на нашемъ кораблѣ знаменитая ночь съ 8 на 9 октября 1904 года, ночь на Доггеръ-банкѣ, вошедшая въ исторію подъ именемъ Гульскаго инцидента.

Что же было на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли эскадра адмирала Рожественскаго сдѣлалась объектомъ покушенія врага или же разстроенное воображеніе еще не обстрѣлянныхъ русскихъ моряковъ превратило мирныхъ англійскихъ рыбаковъ въ коварнаго врага, результатомъ чего явился скандальный для Россіи Гульскій инцидентъ и невинно пролитая кровь?

Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ, но исторія этого происшествія все еще освѣщена односторонне, ибо и японцы и англичане считаютъ повидимому, что фактъ этотъ не успѣлъ еще отойти въ область чистой исторіи и раскрытіе тайны — преждевременно. Для русскихъ же моряковъ фактъ покушенія на эскадру адмирала Рожественскаго въ ночь съ 8 на

9 октября — неоспоримъ. Увѣренность эта основана вотъ на какихъ соображеніяхъ.

1. На передовыхъ корабляхъ нашего дивизіона были свидѣтели, ясно видѣвшіе миноносцы.

2. Примѣрно за мѣсяцъ до Гульскаго инцидента на восточномъ побережьи Англіи заканчивались постройкой два миноносца для Японіи.

3. Миноносцы эти, по настоянію изъ Петербурга, покинули Англію.

4. Въ Штабъ нашей II-й эскадры въ то время неоднократно поступали донесенія агентовъ нашей развѣдки о двухъ судахъ неизвѣстной національности, типа миноносцевъ, замѣченныхъ у норвежскихъ береговъ.

5. Встрѣченный у мыса Скагенъ русскій военный транспортъ „Баканъ“ донесъ, что спеціально отклонился отъ своего курса, чтобы предупредить эскадру о замѣченныхъ имъ у норвежскихъ береговъ двухъ миноносцахъ, не несшихъ флага и скрывшихся въ фіордахъ.

6. Англійская печать, обсуждая Гульскій инцидентъ, возмущалась поведеніемъ русскихъ: „Одинъ изъ ихъ миноносцевъ — писали британскія газеты — оставался до утра на мѣстѣ происшествія и не оказывалъ никакой помощи тонувшимъ рыбакамъ“. Но русскіе миноносцы, всѣ безъ исключенія, находились въ эту ночь не менѣе, какъ въ 200 миляхъ отъ эскадры, о чемъ не преминулъ официально сообщить адмиралъ Рожественскій. Послѣ этого миноносецъ какъ въ воду канулъ со столбцовъ англійскихъ газетъ, а заподозрить англійскихъ рыбаковъ въ неумѣньи отличить миноносецъ отъ рыбачьяго парохода едва ли у кого найдется смѣлости. Слѣдовательно, миноносецъ былъ, русскимъ онъ быть не могъ, помощи не оказывалъ, ибо, быть можетъ, самъ нуждался въ таковой послѣ неудачной атаки.

Ту же судьбу — появиться на страницахъ англійской печати и вскорѣ же исчезнуть — раздѣлили и фотографіи въ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ журналахъ самодвижущейся мины, найденной на побережьи Сѣвернаго моря вскорѣ же послѣ Гульскаго инцидента. А что было проще: записать ея номеръ и узнать, на какой корабль и когда была она отпущена.

Еще болѣе приподымаетъ завѣсу надъ тайной Гульскаго инцидента любопытный эпизодъ, разсказанный капитаномъ 2 ранга В. Семеновымъ въ его книгѣ, изданной послѣ русско-японской войны и переведенной на всѣ культурные языки. Эта книга Семенова — его знаменитая „Расплата“ — не есть ни историческая монографія, ни мемуары, гдѣ можно было бы ожидать отсебятины; это — дневникъ уже немолодого, умнаго и храбраго офицера.

Вотъ что онъ пишетъ*):

„9 мѣсяцевъ спустя (послѣ Гульскаго инцидента), когда я лежалъ на койкѣ японскаго госпиталя въ Сасебо, мои товарищи, уже настолько оправившіеся отъ ранъ, что могли ходить, сообщили мнѣ, что въ сосѣдней палатѣ лежитъ больной острымъ ревматизмомъ японскій лейтенантъ, бывшій командиръ миноносца. Въ то время, въ Портсмутѣ, въ Сѣверной Америкѣ, начались уже переговоры о мирѣ и нашъ сосѣдъ полагалъ, что при этихъ условіяхъ уже можно не дѣлать тайны изъ прошлаго, и, не стѣсняясь, признался, что получилъ свою болѣзнь во время тяжелаго перехода изъ Европы въ Японію.

— Ваша осень — сказалъ онъ — хуже нашей зимы.

---

*) Не имѣя подъ рукой „Расплаты“ на русскомъ языкѣ, цитирую по испанскому переводу — „Camino de Sacrificio“ (pag. 80-81).

— Осень? — спросили его. — А какой именно мѣсяцъ?

— Да октябрь, чортъ его побери! Мы тронулись въ путь въ концѣ октября.

— Въ такомъ случаѣ, въ то же время, что и мы со второй эскадрой! Какъ же мы этого не знали? Подъ какимъ флагомъ вы шли и когда прошли Суэцкій каналъ?

— О, вы слишкомъ любопытны! — сказалъ, смѣясь, японецъ. — Подъ какимъ флагомъ? Ну, конечно, ужъ не подъ японскимъ. Почему вы ничего не знали? На это вы сами должны были бы отвѣтить. Когда мы прошли Суэцкій каналъ? Да слѣдомъ за адмираломъ Фелькерзамомъ.

— Въ такомъ случаѣ, не участвовали ли вы въ знаменитомъ Гульскомъ инцидентѣ?

— О, о, это уже можно назвать нескромнымъ вопросомъ...

Несмотря на всѣ наши старанія, намъ уже не удалось выжать изъ него больше ни одного слова"...

Инцидентъ вызвалъ крупный конфликтъ между Англіей, съ циничной откровенностью поддерживавшей Японію, и Россіей. Въ первые послѣ инцидента дни конфликтъ принялъ настолько острыя формы, что грозилъ окончиться прямымъ разрывомъ и войной. Впрочемъ, страсти улеглись довольно скоро и инцидентъ имѣлъ для насъ послѣдствіемъ лишь то, что Англія еще циничнѣе стала покровительствовать Японіи, создавая на нашемъ дальнѣйшемъ пути, гдѣ только можно, препятствія, зачастую въ явное нарушеніе международнаго права.

Самый же инцидентъ дипломатія обѣихъ странъ рѣшила передать на разсмотрѣніе международной арбитражной комиссіи, которую рѣшено было созвать

въ Парижѣ. Комиссія была чисто морская, составленная изъ адмираловъ, если не ошибаюсь, пяти различныхъ странъ. Русскимъ представителемъ въ комиссіи былъ назначенъ умный и образованный старый морякъ, герой русско-турецкой войны 1877 года — адмиралъ Дубасовъ. Среди собравшихся моряковъ старшимъ въ чинѣ „оказался“ англичанинъ. Подчеркиваю слово „оказался“, ибо всегда и всюду, по какому бы случаю ни собирались моряки различныхъ странъ, англійскій морякъ всегда „оказывается“ старшимъ въ чинѣ своихъ иностранныхъ коллегъ.

Я слышалъ, что у каждаго англійскаго адмирала, командующаго въ заграничныхъ водахъ отрядомъ или эскадрой, имѣется запечатанный конвертъ съ подписаннымъ приказомъ о производствѣ его въ слѣдующій чинъ. Этотъ конвертъ онъ имѣетъ право вскрыть лишь въ томъ случаѣ, если по несчастной случайности или по неосмотрительности британскаго адмиралтейства окажется во время совмѣстныхъ дѣйствій моложе своего иностраннаго коллеги.

Si non e vero — e ben trovato.

Если мнѣ не измѣняетъ память, англійскимъ представителемъ въ международной комиссіи по разбору Гульскаго инцидента былъ адмиралъ Bumont. Такъ какъ онъ, конечно, оказался старшимъ въ чинѣ, то при открытіи конференціи ему принадлежало право первымъ произнести слово. Bumont всталъ и, къ удивленію присутствующихъ, произнесъ длинную рѣчь на англійскомъ языкѣ. Воспитанные и рыцарски вѣжливые адмиралы выслушали его, не прерывая. Когда онъ кончилъ, поднялся высокій, красивый старикъ Дубасовъ и спокойно произнесъ рѣчь... по русски. Члены комиссіи также выслушали его, не прерывая, но когда онъ кончилъ, предложили обсудить предварительно вопросъ, на какомъ же языкѣ будутъ вестись засѣданія комиссіи. Адмиралъ Дубасовъ за-

явилъ, что полагалъ бы правильнѣе всего вести переговоры на французскомъ языкѣ, во-первыхъ, какъ на языкѣ, признанномъ повсюду международнымъ и, во-вторыхъ, изъ уваженія къ той странѣ, въ столицѣ которой комиссія засѣдаетъ. Предложеніе было одобрено безъ возраженій и дальнѣйшая работа проходила безъ инцидентовъ.

Въ результатѣ работы этой арбитражной комиссіи явилось ея постановленіе, согласно которому Русское Правительство должно возмѣстить убытки рыбаковъ и вознаградить семьи убитыхъ и искалѣченныхъ. Императорское Правительство не замедлило уплатить опредѣленную комиссіей довольно крупную сумму, превышавшую милліонъ рублей, и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Послѣ Гульскаго инцидента плаванье продолжалось уже безъ приключеній. Погода стихла, но часто находилъ густой туманъ, столь обычный въ это время года въ Сѣверномъ морѣ и въ каналѣ Ламанша. Идя проливомъ, переговаривались по радіо съ различными эшелонами нашей эскадры, зашедшими во французскіе порта. Нашъ дивизіонъ также долженъ былъ зайти во французскій портъ Брестъ, чтобы погрузиться тамъ углемъ для дальнѣйшаго похода. Но когда мы подходили къ Бресту, нашелъ такой густой туманъ, что входить въ портъ было болѣе чѣмъ рискованно. Адмиралъ повелъ эскадру дальше.

Бискайскій заливъ, или въ просторѣчіи русскихъ моряковъ попросту Бискайка, прославленная своими штормами часть Атлантическаго океана, столь часто фигурирующая въ жуткихъ разсказахъ бывалыхъ моряковъ, встрѣтила насъ довольно привѣтливо. Погода была тихая и значительно теплѣе, нежели въ Сѣверномъ морѣ, и черезъ два дня послѣ выхода

изъ Англійскаго канала въ блестящее, ясное утро мы входили уже въ красивую бухту Виго.

На мачтѣ „Суворова“ взвился испанскій флагъ и сначала окружавшія бухту зеленыя горы отвѣтили многоголосымъ эхомъ на нашъ салютъ націи, а затѣмъ и мы получили „добро пожаловать“ въ 21 выстрѣлъ со старинной крѣпости, расположенной высоко въ горахъ, недалеко отъ города. Еще клубились крѣпостные валы бѣлымъ пороховымъ дымомъ, когда загремѣли наши якорные канаты и русскіе якоря, тяжело шлепнувшись въ воду, впились своими цѣпкими лапами въ испанскій грунтъ.

Въ Виго насъ поджидали нѣмецкіе пароходы-угольщики*). Изъ иностранныхъ военныхъ кораблей стоялъ лишь испанскій крейсерокъ „Extremadura“.

По нашемъ прибытіи нѣмецкіе пароходы снялись съ якорей и подошли по заранѣе составленному расписанію, каждый къ своему броненосцу, который онъ долженъ былъ снабдить углемъ. Но, къ великому нашему изумленію, на борту подошедшаго къ намъ угольщика мы увидѣли двухъ испанскихъ альгвазиловъ, заявившихъ намъ, что впредь до разрѣшенія испанскихъ властей они не могутъ позволить открыть пароходные трюмы и начать погрузку угля. Посланный на флагманскій корабль офицеръ вернулся съ извѣстіемъ, что та же самая исторія происходитъ со всѣми прочими кораблями и объясняется тѣмъ, что подъ давленіемъ Англіи испанское правительство не разрѣшаетъ намъ грузиться въ ихъ порту углемъ.

Сообщеніе это вызвало въ каютъ-компаніи взрывъ негодованія по адресу Англіи. Даже всегда спокойный и выдержанный артиллеристъ Гирсъ разразился бур-

*) Поставщикомъ угля для эскадры была германская пароходная компанія „Gamburg America Linie“.

ной тирадой и заявилъ торжественно, что Англія отнынѣ пріобрѣла заклятаго врага не только въ немъ лично, но и въ его дѣтяхъ, буде таковыя будутъ, — ибо онъ и имъ завѣщаетъ лютую ненависть къ коварному Альбіону.

Угольщикъ отошелъ и сталъ неподалеку отъ насъ на якорь. Начались переговоры по маршруту— Виго-Мадридъ-Петербургъ, Петербургъ-Мадридъ-Виго. Ввиду серьезности положенія и могущаго каждую минуту произойти открытаго разрыва и войны съ Англіей, было организовано спеціальное дежурство офицеровъ на городскомъ телеграфѣ и на пристани. По полученіи телеграммы на имя адмирала дежурный офицеръ немедленно доставлялъ ее на пристань, гдѣ стоялъ въ постоянной готовности паровой катеръ, доставлявшій депешу незамедлительно на бортъ „Суворова“.

Подъ вечеръ мнѣ пришлось дежурить на катерѣ. Какъ мнѣ хотѣлось, стоя долгими часами у пристани, подняться по ступенькамъ на молъ и побродить по незнакомому городу, — вѣдь это былъ для меня мой первый заграничный портъ! Но объ этомъ нечего было и думать: каждую минуту могъ появиться офицеръ съ телеграммой, которую, не теряя ни секунды, нужно было доставить на „Суворовъ“. И я продолжалъ терпѣливо сидѣть въ катерѣ, а надо мной, на пристани, стояла толпа зѣвакъ, пришедшихъ полюбоваться издали на иностранные военные корабли. Нѣкоторые изъ этихъ лодырей, облокотившись на поручни пристани, безцеремонно разглядывали меня и мою команду, какъ дикихъ, никогда невиданныхъ звѣрей и, сбрасывая, не стѣсняясь, на палубу моего катера пепелъ своихъ вонючихъ сигаръ, дѣлились между собою впечатлѣніями на незнакомомъ мнѣ языкѣ.

День прошелъ, не внеся никакихъ измѣненій въ положеніе вещей, которое было для насъ не изъ пріятныхъ. Изъ испанскихъ газетъ мы узнали о мобилизаціи англійскаго флота и о сосредоточеніи эскадръ Канала и Средиземнаго моря. Сила, въ сравненіи съ нашей слабой эскадрой, получалась такая, что въ случаѣ столкновенія отъ насъ въ самый короткій срокъ полетѣли бы пухъ и перья. Командующій британской эскадрой въ Гибралтарѣ получилъ отъ своего правительства секретную телеграмму слѣдующаго содержанія: „задержите русскій Балтійскій флотъ въ Виго убѣжденіемъ; если это не удастся, то силой". Въ то время объ этомъ мы, конечно, не знали, но что вопросъ мира и войны между Россіей и Англіей виситъ на волоскѣ, это было ясно даже испанскимъ альгвазиламъ. Трагичность нашего положенія усугублялась еще тѣмъ, что эскадра наша была разрознена по эшелонамъ, а у ядра эскадры, у нашего дивизіона новѣйшихъ броненосцевъ, уголь въ ямахъ былъ на исходѣ, ибо намъ пришлось пропустить двѣ погрузки — одну у Скагена и другую въ Брестѣ, куда мы не могли зайти изъ за тумана.

На слѣдующій день въ бухтѣ появился, на короткій, впрочемъ, срокъ (такъ какъ, простоявъ нѣкоторое время, онъ снова вышелъ въ море) — англійскій крейсеръ „Lancaster". Повидимому, онъ приходилъ съ чисто развѣдывательными цѣлями.

Наконецъ, къ вечеру этого второго дня нашего пребыванія въ Виго сгустившаяся до-нельзя политическая атмосфера, повидимому, значительно прояснилась, ибо на „Суворовѣ" взвился сигналъ — „приступить къ погрузкѣ угля". Съѣздившій на флагманскій корабль офицеръ привезъ извѣстіе, что разрѣшено принять на каждый броненосецъ по 450 тоннъ, но Штабъ неофиціально рекомендуетъ, если къ тому

будетъ малѣйшая возможность, погрузить возможно больше.

Угольщикъ-нѣмецъ вновь ошвартовался у нашего праваго борта и погрузка началась. Мы вышли на погрузку авраломъ, всѣмъ судовымъ составомъ, включая даже нашего судового священника о. Паисія, монаха изъ Сергіевой пустыни, — съ самымъ рѣшительнымъ намѣреніемъ перегрузить къ намъ хотя бы все содержимое парохода. Но не тутъ то было: настроеніе наше сразу же и рѣзко упало, когда мы увидѣли все тѣхъ же альгвазиловъ, ставшихъ — одинъ у носовыхъ трюмовъ, другой у кормовыхъ, и приготовившихся записывать каждый перегруженный мѣшокъ угля съ не менѣе, повидимому, твердымъ намѣреніемъ не дать намъ ни одного пуда сверхъ положенныхъ 450 тоннъ.

На пароходѣ было ихъ всего двое, этихъ альгвазиловъ: одинъ — огромнаго роста, толстый, съ багровымъ лицомъ и апоплексическимъ затылкомъ, другой — маленькій, тщедушный, съ блѣднымъ и злымъ лицомъ. Ограниченное число нашихъ контролеровъ давало намъ надежду взять ихъ не мытьемъ, такъ катаньемъ и, тѣмъ или инымъ способомъ, обманувъ ихъ бдительность, принять угля больше положеннаго количества. Такъ оно вскорѣ и вышло: капитанъ нѣмецкаго парохода, которому мы повѣдали наше горе, подалъ намъ блестящую идею:

— А попробуйте-ка вы ихъ накачать, господа, — сказалъ онъ намъ, — это тѣмъ легче будетъ сдѣлать, что они должны быть голодны, какъ звѣри, ибо я имъ съ самаго утра еще ничего не давалъ ѣсть, а также не замѣчалъ, чтобы имъ что-либо присылали съ берега.

— Вотъ за это спасибо! Въ такомъ случаѣ ужъ будьте благонадежны, что лягутъ костьми голубчики! — послышались радостныя восклицанія.

Арамисъ немедленно же отдалъ необходимыя распоряженія, а симпатичный капитанъ-нѣмецъ предоставилъ для этой цѣли пароходную каютъ-компанію, за что, въ видѣ компенсаціи, получилъ въ полное свое распоряженіе одного изъ вѣстовыхъ и право распоряжаться всѣмъ имѣющимся у насъ въ наличіи запасомъ пива. Для приведенія же въ исполненіе казавшейся намъ сначала столь легкой дипломатической миссіи былъ снятъ съ погрузки мичманъ Щербачевъ, который, напутствуемый совѣтомъ Арамиса „не напиться самому", — появился вскорѣ на палубѣ, предшествуемый вѣстовымъ, несшимъ на подносѣ въ высшей степени скудную закуску, но зато изобильнѣйшую выпивку.

— Смотри, Олегъ, самъ то не надерись, — кричали вслѣдъ пріятели Щербачева, когда онъ съ серьезнымъ лицомъ, сознавая всю отвѣтственность возложеннаго на него порученія, проходилъ мимо. Впрочемъ, Арамисъ зналъ, кого выбирать, ибо, если можно было на кого нибудь положиться въ этомъ смыслѣ, то это именно на выдержаннаго, съ большимъ характеромъ, мичмана Щербачева.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ скрылся въ пароходной каютъ-компаніи, мы увидѣли, какъ толстый испанецъ поднялся на спардекъ, откуда можно было наблюдать за носовыми и кормовыми трюмами одновременно, а тонкій нырнулъ въ каютъ-компанію. Больше мы его уже не видѣли.

Толстякъ долго и терпѣливо ожидалъ своей очереди. Наконецъ, кому то удалось какимъ то образомъ, — у насъ никто не говорилъ по испански, — уговорить его поручить свою задачу одному изъ нашихъ же унтеръ-офицеровъ, а самому послѣдовать примѣру своего товарища. Сказано — сдѣлано: на спардекъ былъ поставленъ баталеръ, принявшійся

вести счетъ подъемовъ, а толстякъ направился въ пароходную каютъ-компанію.

Давно уже наступила тихая, ясная ночь. Но ночь эта была тиха и ясна для всѣхъ, кромѣ насъ: броненосецъ и стоявшій у его борта пароходъ были окутаны тяжелой, густой тучей мельчайшей угольной пыли, сквозь которую съ трудомъ проникалъ свѣтъ отъ подвѣшенныхъ въ разныхъ мѣстахъ электрическихъ люстръ. Несмолкаемо гремѣли цѣпи лебедокъ, скрипѣли блоки, щелкала телѣжка стрѣлы Темперлея*) и сквозь этотъ шумъ, лязгъ и грохотъ — голоса командъ, подбадривающія восклицанія офицеровъ, взрывы смѣха и изрѣдка смачная ругань по адресу зазѣвавшагося на лебедкѣ машиниста.

Мичманъ Сакеллари, коренной одесситъ, попытался ввести въ лексиконъ командныхъ словъ несуществовавшія до того на военныхъ судахъ команды „вира“ и „майна“**), принятыя, кажется, на коммерческихъ судахъ всѣхъ націй міра. У него даже и интонація появилась, типичная для одесскаго грузчика, когда онъ весело и протяжно покрикивалъ, напирая на букву о:

— Вира по малу...

Но эта профанація оскорбляла деликатное ухо Арамиса и онъ категорически запретилъ употребленіе этихъ выраженій, рѣшительно заявивъ:

— Вы не на лайбѣ, мичманъ Сакеллари! Извольте командовать „трави“ и „выбирай“, какъ приличествуетъ на военномъ кораблѣ.

Былъ 12-й часъ ночи, когда я, улучивъ свободную минуту, рѣшилъ посмотрѣть, что подѣлываютъ

*) Приспособленіе для погрузки угля, принятое въ то время на судахъ эскадры адмирала Рожественскаго.

**) Команды, отдаваемыя на коммерческихъ судахъ при погрузкѣ и выгрузкѣ грузовъ, означающія — „подымай“ и „опускай“.

наши испанцы. Пробираясь по спардеку парохода къ его каютъ-компаніи, я чуть не споткнулся объ растянувшагося прямо на грязной палубѣ маленькаго альгвазила, — онъ крѣпко спалъ. Заглянувъ снаружи въ иллюминаторъ каютъ-компаніи, я ничего не смогъ разсмотрѣть, такъ какъ изнутри они были занавѣшены матерчатыми шторками. Тогда я рѣшилъ войти внутрь.

Въ крошечной каютъ-компаніи, въ облакахъ густого табачнаго дыма, за столомъ, навалившись на него грудью, сидѣли другъ противъ друга двѣ крупныя фигуры: одна — въ разстегнутомъ мундирѣ испанскаго полицейскаго, другая — въ бѣломъ кителѣ офицера Россійскаго Императорскаго Флота. Это уже мичманъ Павлиновъ, смѣнившій выбившагося изъ силъ Щербачева. Задача уложить толстяка была, повидимому, не изъ легкихъ. Судя по цвѣту его лица и шеи, толстякъ былъ уже на грани апоплексическаго удара, но, къ великому изумленію мичмана Павлинова, все еще продолжалъ довольно бодро шевелить языкомъ. Передъ нимъ лежала испанская газета и онъ что то нудно разъяснялъ ничего не понимавшему Павлинову, молча смотрѣвшему на него злыми глазами.

— Ну и крѣпкій же дьяволъ, — сказалъ мнѣ Павлиновъ, когда, придвинувъ стулъ, я присѣлъ на минутку за столъ, залитый виномъ. Подъ столомъ валялось уже нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ.

Увидя меня, альгвазилъ полѣзъ въ карманъ, досталъ оттуда пачку невиданныхъ мною дотолѣ, сращенныхъ своими концами сигаръ, и протянулъ мнѣ ихъ. Затѣмъ, видимо обрадовавшись новому слушателю, придвинулъ къ себѣ газету и приготовился прочесть и мнѣ какую то очень интересную статью. Но Павлиновъ, повидимому, давно уже пересталъ съ нимъ церемониться: замѣтивъ его поползновеніе при-

няться вновь за чтеніе, онъ схватилъ его стаканъ, быстро сдѣлалъ какую то отвратительную смѣсь изъ разныхъ бутылокъ, стоящихъ на столѣ, и, смотря на него злыми глазами, протянулъ ему это пойло и тихо и злобно проговорилъ:

— Ну нѣтъ, братъ, врешь! Пей, чортова кукла, — и, чокнувшись съ нимъ своимъ, почти пустымъ стакаюмъ, вдругъ дико и неожиданно закричалъ:

— Viva España!

— Viva R-r-r-usia! — загремѣлъ испанецъ, осушая свой стаканъ.

Я поторопился ретироваться.

Долго еще бѣгали наши вѣстовые въ пароходную каютъ-компанію, но я туда уже больше не заглядывалъ.

Наконецъ, на пароходномъ спардекѣ появилась толстая фигура испанца, направляющаяся колеблющимися шагами къ замѣнившему его для записи подымаемыхъ мѣшковъ нашему баталеру. Этотъ немедленно протянулъ ему бумажку съ отмѣтками, но бѣдный испанецъ только махнулъ рукой. Онъ лишь мрачно проворчалъ „Viva R-r-r-usia“ и легъ костьми рядомъ со своимъ давно храпящимъ товарищемъ.

Погрузка угля продолжалась всю ночь. Уже надъ зелеными горами, окружавшими чудную бухту Виго, подымалось солнце; уже на стоявшемъ неподалеку испанскомъ крейсерѣ горнистъ заливался какимъ то безконечно длиннымъ и очень красивымъ сигналомъ, выдѣлывая на своей трубѣ какія то сложныя рулады; по заштилѣвшему заливу уходили подъ веслами въ море огромные вельботы ловцовъ сардинокъ, — а мы все сыпали и сыпали уголь, досыпая до-верху наши опустѣвшія за долгій переходъ угольныя ямы. Настроеніе у всѣхъ бодрое и веселое, несмотря на безсонную ночь и огромную физическую усталость; смѣхъ и шутки слышатся то тутъ, то

тамъ. Въ особенности всѣхъ забавляетъ огромная фигура отца Паисія, у котораго не только рыжая борода его сдѣлалась черной, какъ смоль, но и самъ онъ превратился въ косматаго негра. Силушкой, видно, Богъ его не обидѣлъ, судя по тому, съ какой легкостью, зацѣпивъ крюкомъ пятипудовый мѣшокъ съ углемъ, тащилъ онъ его волокомъ по палубѣ къ ближайшей угольной ямѣ.

Но вотъ, наконецъ, слышится радостная команда: — „Окончить погрузку"! Но до отдыха еще далеко: нужно еще убрать стрѣлы Темперлея, сходни, концы, кранцы, люстры, отпустить отъ борта пароходъ, смести съ палубъ кучи насыпаннаго повсюду угля. Затѣмъ заработаютъ всѣ помпы, повсюду протянутся шланги и начнется вакханалія мойки; побѣгутъ по всему кораблю потоки сначала черной, какъ чернила, воды, забѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ босыя ноги матросовъ, вооруженныхъ швабрами, тряпками и скрябками, и только тогда можно будетъ подумать о томъ, чтобы погрузить и свое черное, измученное тѣло въ освѣжающую влагу наполненной до краевъ чистой, хотя и соленой водой, ванны. Ванна изъ прѣсной воды была роскошью, разрѣшаемой только въ исключительныхъ случаяхъ. Наливаться прѣсной водой съ берега удавалось далеко не часто и броненосецъ добывалъ ее большей частью при помощи своихъ опрѣснителей, работа которыхъ требовала расхода угля. А уголь — это была наша кровь, которую нельзя было не экономить.

Погрузившись углемъ и налившись водой, которую уступилъ намъ со своего парохода нашъ новый пріятель капитанъ-нѣмецъ, мы однако еще нѣсколько дней простояли въ Виго. Инцидентъ съ Англіей все еще не былъ разрѣшенъ и адмиралъ ждалъ инструкцій изъ Петербурга. Впрочемъ, тонъ англійской печати

становился все умѣреннѣе, по мѣрѣ того, какъ проходило время и выяснялись обстоятельства.

Нашъ жестокій поступокъ съ бѣдными испанскими альгвазилами нисколько не смущалъ нашей совѣсти: „à la guerre comme à la guerre“. Не было въ насъ также никакого недобраго чувства ни къ испанцамъ, ни къ Испаніи за чинимыя намъ препятствія, ибо отлично знали, гдѣ зарыта собака; со стороны же самихъ испанцевъ и мѣстныхъ властей мы видѣли явно выраженныя симпатіи по нашему адресу; такое же отношеніе къ намъ замѣчалось и въ испанской прессѣ.

Поэтому, когда, наконецъ, винты наши вновь забурлили за кормой, мы покидали Виго съ теплымъ чувствомъ къ испанцамъ и съ лютой злобой въ сердцѣ противъ Англіи.

ГЛАВА IV.

Между Виго и Танжеромъ. Прапорщикъ Титовъ. Въ Танжерѣ. Раздѣленіе эскадры. Мы идемъ вокругъ Африки. Подъ пассатами. Дакаръ. Страничка изъ далекаго прошлаго. Смерть дяди Вани. Погрузка быковъ. Урокъ хирургіи. Уходъ изъ Дакара.

Покинувъ Виго, дивизіонъ нашъ легъ на SW, направляясь по невѣдомому, конечно, намъ, простымъ смертнымъ, назначенію. Довольно продолжительное время мы шли большой морской дорогой, ведущей изъ пролива Ламаншъ въ Средиземное море, такъ что можно было предположить, что направляемся въ Гибралтарскій проливъ. Не нужно было смотрѣть на карту, чтобы убѣдиться въ томъ, что мы дѣйствительно находимся на большой дорогѣ: объ этомъ свидѣтельствовали многочисленные пароходы, то встрѣчавшіеся на контра-курсѣ, то обгоняемые нами, то сами обгонявшіе насъ.

На этотъ разъ, кромѣ насъ, непосредственно заинтересованныхъ пунктомъ назначенія дивизіона и имѣвшихъ, такъ сказать, самое законное право на таковое любопытство, былъ еще нѣкто, чрезвычайно заинтересованный вопросомъ — куда направляются наши броненосцы. Это былъ отрядъ англійскихъ крейсеровъ, слѣдовавшій за нами по пятамъ съ перваго же дня нашего выхода изъ Виго. Днемъ — онъ держался на почтительномъ разстояніи такъ, что виднѣлись на далекомъ горизонтѣ лишь его дымки, но ночью — онъ подходилъ значительно ближе и огни его стройной кильватерной колонны отчетливо были видны позади насъ. Ни дать, ни взять, голодные ша-

калы, преслѣдующіе путника въ степи, наглѣющіе и набирающіеся смѣлости ночью, подъ покровомъ мрака. И манера вести себя у англичанъ дѣйствительно граничила съ наглостью: я отчетливо помню (ибо это было на моей ночной вахтѣ), какъ между нашими двумя колоннами (мы шли въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, полудивизіонно), появился вдругъ темный силуэтъ идущаго безъ огней военнаго корабля, котораго, когда онъ поравнялся съ нами, мы легко могли принять либо за знакомаго уже намъ „Lancaster'a", либо за однотипнаго съ нимъ крейсера. Онъ прошелъ большимъ ходомъ, обгоняя насъ и, выйдя впередъ головной пары, положилъ руля и прошелъ подъ носомъ „Суворова", лишь въ этотъ моментъ открывъ огни.

Мы рѣшительно отказались понимать, зачѣмъ это нужно было дѣлать? Логика подсказывала, что цѣль могла быть лишь одна — вызвать вторичный и уже непоправимый Гульскій инцидентъ.

Погода продолжала намъ благопріятствовать — почти мертвый штиль, тепло и ясно. Вахта — одно удовольствіе.

Я уже упоминалъ, что моимъ вахтеннымъ начальникомъ былъ нашъ второй минный офицеръ — лейт. Модзалевскій. Во время отсутствія командира на мостикѣ, мы коротали съ нимъ долгую вахту въ тихихъ бесѣдахъ, опасливо посматривая отъ времени до времени на трапъ, въ особенности, когда закуривали, — не идетъ ли командиръ; старый парусникъ самъ, къ тому же не курящій, онъ категорически запрещалъ намъ курить въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ строго опредѣленныхъ Морскимъ Уставомъ. Легко сказать: — не курить четыре часа кряду! Это запрещеніе страшно насъ возмущало, но подѣлать противъ него мы ничего не могли и запрещеніе это оставалось въ силѣ въ продолженіи всего похода. И смѣшно и жалко было

смотрѣть, какъ какой нибудь солидный, усатый лейтенантъ, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ съ мостика командира, быстро доставалъ изъ портсигара папиросу, забѣгалъ въ рулевую рубку, чтобы не выдать себя вспышкой спички, и какъ гимназистъ, держа папиросу въ рукавѣ тужурки, дабы предательскимъ огонькомъ не обнаружить своего преступленія, быстрыми затяжками заполнялъ свои легкія клубами ароматнаго дыма, опасливо поглядывая на трапъ, ведущій снизу на мостикъ, гдѣ каждую минуту могла показаться голова командира.

Кромѣ Модзалевскаго и меня, одновременно съ нами стоялъ вахту еще третій офицеръ. Это былъ прапорщикъ по морской части Титовъ.

Институтъ прапорщиковъ въ русскомъ флотѣ существовалъ лишь во время войны. Это были, главнымъ образомъ, офицеры и механики коммерческаго флота, призываемые лишь по объявленіи мобилизаціи, причемъ первые носили званіе прапорщиковъ по морской части, вторые — по механической. Несмотря на свой малый чинъ, въ большинствѣ случаевъ это были люди далеко не юные, прекрасные моряки, но, конечно, въ узкихъ рамкахъ своей профессіи, прошедшіе суровую школу жизни. Ихъ жизненный путь ничего общаго не имѣлъ съ жизнью кореннyхъ морскихъ офицеровъ, питомцевъ одной и той же школы и вышедшихъ изъ одной и той же среды. Самаго разнообразнаго соціальнаго положенія, зачастую просто мало интеллигентные, всѣмъ складомъ своей идеологіи и привычекъ они рѣзко отличались отъ общей массы морскихъ офицеровъ, проникнутой, какъ нигдѣ, корпоративнымъ духомъ и традиціями, унаслѣдованными вѣками изъ поколѣнія въ поколѣніе.

На нашемъ броненосцѣ было три прапорщика: двое — по морской части, Титовъ и Андреевъ-Калмыковъ, и одинъ по механической — Ивановъ.

Титовъ былъ изъ старой дворянской семьи, изъ такъ называемыхъ неудачниковъ, которые послѣ долгихъ мытарствъ по различнымъ гимназіямъ и привилегированнымъ учебнымъ заведеніямъ, находятъ, наконецъ, окончательный пріютъ въ мореходныхъ классахъ, которые въ доброе старое время являлись почему то убѣжищемъ всѣхъ недоучекъ и вообще безпокойнаго мальчишескаго элемента, нетерпимаго въ прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Когда я познакомился съ Титовымъ на нашемъ броненосцѣ, ему было уже хорошо за 30 лѣтъ. Высокій, худой, съ довольно красивымъ и породистымъ лицомъ, онъ былъ нѣсколько мраченъ, замкнутъ и молчаливъ. Но когда на долгихъ, спокойныхъ вахтахъ намъ съ Модзалевскимъ удавалось развязать ему языкъ, онъ подолгу разсказывалъ намъ о своихъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту на судахъ самыхъ разнообразныхъ флаговъ, главнымъ образомъ, на парусникахъ англійскихъ и американскихъ. У него была странная и очень непріятная для его собесѣдника привычка — разговаривая, постоянно щелкать по волчьи зубами.

Послѣ Гульскаго инцидента мы съ Модзалевскимъ начали замѣчать въ немъ еще одну странность: онъ не могъ равнодушно видѣть ни одного купеческаго судна. Когда на нашемъ пути попадался „купецъ“, нашъ прапорщикъ подолгу задумчиво слѣдилъ за нимъ глазами и, если при этомъ подлѣ него находился кто нибудь изъ насъ, неизмѣнно произносилъ какимъ то зловѣщимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Вотъ бы, знаете, закатать ему сейчасъ въ корму двѣнадцатидюймовымъ... — и съ особымъ усердіемъ щелкалъ своими крѣпкими зубами.

Слѣдующимъ послѣ Виго пунктомъ назначенія нашего дивизіона оказался марокканскій портъ Танжеръ.

Непрошеные англійскіе конвоиры оставили насъ въ покоѣ и скрылись за горизонтомъ лишь послѣ того, какъ выяснили опредѣленно, что мы направляемся въ Танжеръ. Не думали ли они, что мы собираемся атаковать ихъ Гибралтаръ?

Танжеръ оказался для насъ такой же terra incognita, какимъ былъ и Виго: берега никто изъ насъ даже и не понюхалъ. Стали на рейдѣ далеко отъ города, на который намъ было предоставлено любоваться лишь издали. Видъ Танжера — такъ и просится на табачную коробку: ослѣпительно бѣлые домики съ плоскими крышами, террасами, сбѣгающими къ самому морю, яркая зелень садовъ, темная синь залива и надо всѣмъ — голубой куполъ неба.

Вмѣсто интересной прогулки по первому для меня африканскому городу — погрузка угля. На этотъ разъ никто уже не чинилъ намъ никакихъ препятствій, — могли грузиться, какъ угодно и сколько угодно, что мы и продѣлали.

Въ Танжерѣ соединилась вновь вся наша эскадра, кромѣ мелкихъ судовъ, прошедшихъ прямо въ Средиземное море. Здѣсь эскадра надолго уже раздѣлилась на двѣ части: нашъ дивизіонъ четырехъ новѣйшихъ броненосцевъ, съ присоединившимся къ намъ „Ослябя“, крейсеровъ — „Адмиралъ Нахимовъ“, „Дмитрій Донской“ и „Аврора“ и нѣсколько транспортовъ, подъ общимъ командованіемъ самого адмирала Рожественскаго, тронулся въ путь вдоль западнаго берега Африки. Всѣ же прочія суда эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмирала Фелькерзама, пошли въ Средиземное море для дальнѣйшаго слѣдованія Суэцкимъ каналомъ. Ни тотъ, ни другой маршрутъ, равно какъ и мѣсто нашей предполагаемой встрѣчи, никому изъ насъ, конечно, извѣстенъ не былъ.

Первый переходъ вдоль африканскихъ береговъ былъ чудесный. Святой Никола, съ незапамятныхъ временъ считавшійся покровителемъ русскихъ моряковъ, хранилъ насъ отъ бурь и напастей. Чудные солнечные дни; прохладный, попутный пассатный вѣтеръ, умѣрявшій жаръ не въ мѣру уже начинавшаго пригрѣвать солнца; кругомъ — безбрежный океанъ, ни встрѣчнаго паруса, ни дымка, ибо идемъ мы внѣ обычнаго пароходнаго пути. Небо — типичное для области пассатовъ, въ мелкихъ, высокихъ, бѣлыхъ облакахъ; ровная, широкая океанская зыбь, на которой плавно поклевываютъ носами наши тяжелые броненосцы. Когда на особенно крупной зыбинѣ вскинетъ сначала носъ броненосца, который затѣмъ всей своей тяжестью начнетъ уходить въ воду, разбрасывая брызги, вдругъ вылетитъ съ обѣихъ сторонъ стайка летучихъ рыбокъ и, сверкая на солнцѣ чешуей, пролетитъ нѣсколько саженъ и неуклюже шлепнется въ воду. А то, неподалеку, то справа, то слѣва, вдругъ покажутся изъ воды черныя, блестящія спины и плавники, быстро, быстро бѣгущіе не отставая отъ корабля. Затѣмъ, вдругъ, неожиданно, точно по командѣ, мѣняютъ строй и, нырнувъ подъ днище корабля, пропадаютъ на нѣкоторое время изъ вида, чтобы вскорѣ появиться съ противуположнаго борта и плыть дальше, разсѣкая изумрудную воду своими острыми носами, врѣзаясь въ набѣгающую зыбь и временами выскакивая изъ нея цѣликомъ, поблескивая на солнцѣ чернымъ, скользкимъ тѣломъ. Это — касатки, родные братья нашихъ черноморскихъ дельфиновъ, лишь нѣсколько крупнѣе.

Но несмотря на всю эту Божью благодать, плаванье наше отнюдь не идетъ гладко — сучковъ и задоринокъ хоть отбавляй. Наши новые броненосцы, едва, а то и вовсе не испытанные — пошаливаютъ: то какая нибудь поломка въ машинѣ, то неисправ-

ность въ рулевомъ приводѣ, и тогда махина въ 15.000 тоннъ шарахается въ сторону, приводя въ смятеніе своихъ ближайшихъ сосѣдей. Эскадра, не имѣвшая времени напрактиковаться въ совмѣстномъ плаваніи, то, что на морскомъ языкѣ называется — несплававшаяся. На флагманскомъ кораблѣ сигналъ смѣняется сигналомъ, причемъ на выговоры нашъ Зиновій*) не скупится. Командиръ нашъ сильно нервничаетъ и съ мостика почти не сходитъ. Ему приходится особенно трудно. Лихой парусникъ, великолѣпный морякъ, въ чистомъ смыслѣ этого слова, онъ почти не плавалъ на современныхъ корабляхъ, въ эскадрахъ и отрядахъ. Плавая и командуя учебными кораблями, онъ привыкъ быть въ отдѣльномъ плаваніи, спускать брамъ-стеньги и брамъ-реи, выхаживать ходомъ шпили и т. п. А тутъ, бѣдняга, попалъ на неиспытанный броненосецъ, послѣднее слово техники, съ безпроволочнымъ телеграфомъ, электрической рулевой машиной, башенными установками орудій, и вышелъ сразу въ трудное плаваніе, въ компаніи съ такими же мало испытанными судами, съ необученной командой и мало знакомымъ офицерскимъ составомъ.

Рыцарь своего долга, нашъ командиръ почти не сходилъ съ мостика и спалъ короткими урывками тутъ же въ рубкѣ подъ мостикомъ, неизмѣнно появляясь наверху при всякомъ пустяшномъ происшествіи, даже, если таковое случалось съ самымъ отдаленнымъ отъ его „Орла“ кораблемъ. Намъ иногда казалось, что онъ даже боится своего броненосца и ужъ во всякомъ случаѣ мы ясно видѣли, что онъ не чувствуетъ себя властелиномъ ввѣреннаго ему чудовища. Когда мы отставали отъ идущаго впереди насъ

*) Имя адмирала Рожественскаго. Офицеры и команда въ бесѣдахъ между собой обычно называли его просто по имени.

„Бородина“ и на „Суворовѣ“ подымали намъ „буки“*), онъ не разрѣшалъ вахтенному начальнику прибавлять больше пяти оборотовъ машины, опасаясь разогнать броненосецъ; когда же приходилось убавлять ходъ, онъ опасливо поглядывалъ назадъ, гдѣ въ разстояніи двухъ кабельтововъ разсѣкалъ нашу струю своимъ могучимъ форштевнемъ „Ослябя“. При перемѣнахъ курса, скомандовавъ рулевому слишкомъ рано „одерживай“ и видя, что мы не попадаемъ въ струю „Бородина“, онъ начиналъ машинально скрести своей маленькой ножкой палубу, какъ бы помогая броненосцу продвинуться еще немного въ ту сторону, куда не докатился корабль, причемъ на его нервномъ лицѣ изображалась такая мука, что на него жалко было смотрѣть.

Вахты были нервныя и безпокойныя. Намъ, вахтеннымъ офицерамъ, приходилось, не отрываясь, смотрѣть въ призмочку**), чтобы во время замѣтить сближеніе или расхожденіе съ переднимъ маталотомъ, и, Боже сохрани, было прозѣвать и не доложить во время измѣненіе разстоянія до того, какъ неотступно торчащій на мостикѣ командиръ замѣтилъ бы это самъ, простымъ глазомъ! Съ мостика удавалось сходить вахтенному офицеру лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Поэтому, какой пріятной музыкой звучала въ ушахъ его команда — „Вино достать, пробу!“

Въ заграничномъ плаваніи вмѣсто водки командѣ выдавался ромъ, разбавляемый водой до крѣпости обычной водки, и на обязанности вахтеннаго офицера было присутствовать при этихъ операціяхъ, выполняемыхъ баталеромъ.

Услышавъ пріятную команду, я со вздохомъ облегченія передавалъ ненавистную призмочку вахтен-

*) Флагъ „б“ — приказаніе „больше ходъ“ тому кораблю, позывные котораго при этомъ подняты.

**) Призма Белли для опредѣленія разстоянія.

ному начальнику и спускался внизъ, гдѣ меня ожидалъ уже баталеръ. Мы отправлялись сначала съ нимъ въ каюту Арамиса, гдѣ я доставалъ ключъ отъ виннаго погреба; затѣмъ мы спускались въ преисподнюю. Тамъ, изъ провизіоннаго погреба сильно и отвратительно пахло гніющимъ лукомъ. Но я готовъ былъ выносить какіе угодно запахи, лишь бы отдохнуть отъ осточертѣлой призмочки. Къ тому же тошнотворный запахъ гніющаго лука быстро заглушался пряннымъ и сладковатымъ запахомъ рома, какъ только баталеръ открывалъ кранъ цистерны, гдѣ хранилась эта благовонная жидкость. Окончивъ процедуру разводки рома водой въ пропорціи, положенной по штату, мы запирали погребъ и подымались наверхъ, на шканцы.

Слышалась команда вахтеннаго начальника:

— Свистать къ вину и обѣдать!

Боцмана и унтеръ-офицеры заливались соловьями въ свои дудки и начиналось священнодѣйствіе: строго соблюдая старшинство, начиная съ боцмановъ и фельдфебелей, чинно, съ серьезными лицами, безъ толкотни и давки, подходили люди къ большой ендовѣ и, черпая ковшикомъ - чаркой ароматную, пьяную влагу, выпивали ее не спѣша и, вытеревъ обратной стороной ладони ротъ, шли къ своимъ бакамъ, гдѣ дымились щи или каша. Многіе, передъ тѣмъ, какъ выпить свою чарку, истово крестились.

Это не было обычной, привычной рюмкой водки передъ ѣдой, какъ за офицерскимъ столомъ въ каютъ-компаніи; это было священнодѣйствіе, ритуалъ, освященный вѣками и передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ навѣрное пили русскіе матросы на кораблѣ „Уріилъ“ и фрегатѣ „Венусъ“ въ эскадрѣ адмирала Сенявина, такъ пили на „Императрицѣ Маріи“ у адмирала Нахимова, такъ же пили на броненосцахъ адмирала Рожественскаго.

Я описываю такъ подробно эту процедуру потому, что традиціонная чарка водки на военныхъ корабляхъ давно уже отошла въ область старыхъ флотскихъ преданій, будучи отмѣнена вскорѣ же послѣ русско-японской войны и замѣнена прозаическимъ и меркантильнымъ денежнымъ знакомъ, выдаваемымъ матросу на руки вмѣстѣ съ его штатнымъ жалованьемъ. Да и то правда — этотъ чинный и патріархальный ритуалъ и самое древне-русское слово „ендова“ — болѣе подходили къ бѣлоснѣжной палубѣ „Уріила“, гдѣ пахло смолой и съ бака доносился дымокъ курящагося фитиля, нежели къ стальной палубѣ 35-узлового миноносца, пропитаннаго нефтью и бензиномъ, рядомъ съ рубкой безпроволочнаго телеграфа...

Въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца эскадра благополучно прибыла въ Дакаръ и стала на якорь на рейдѣ. Пассатный вѣтеръ продолжалъ дуть гдѣ то тамъ, далеко, въ океанѣ, а здѣсь, на рейдѣ, мы впервые познали настоящую африканскую жару.

Выкрашенный въ черную краску стальной бортъ броненосца накалялся жгучимъ африканскимъ солнцемъ, какъ плита, такъ что до него нельзя было даже дотронуться. Когда же началась погрузка угля и пришлось герметически задраить иллюминаторы, на кораблѣ наступилъ кромѣшный адъ. Нашъ старшій судовой врачъ Гаврила Андреевичъ Макаровъ съ ужасомъ объявилъ, что въ его каютѣ термометръ поднялся до 50°С. Впрочемъ, сочувствія онъ встрѣтилъ немного, ибо всѣмъ намъ было не до температуры его каюты: мы принимали двойной, противъ нормальнаго, запасъ угля, ввиду предстоящаго намъ очень длиннаго перехода.

Нашъ корабельный инженеръ Костенко что то долго и озабоченно вычислялъ и разсчитывалъ, повидимому самымъ серьезнымъ образомъ опасаясь,

что этакимъ способомъ доведутъ нашу метацентрическую высоту до нуля*).

Заваливали углемъ жилую и батарейную палубы. Мои бѣдныя пушки, густо смазанныя саломъ и укрытыя брезентомъ, скрылись подъ грудами угля. Кромѣшный адъ непрерывной погрузки угля продолжался болѣе сутокъ. Для поощренія командъ къ этой каторжной работѣ адмиралъ приказомъ установилъ преміи, выдаваемыя кораблю, въ наименьшій срокъ погрузившему наибольшее количество угля; такимъ образомъ, наши команды, во время работы, кромѣ африканскаго солнца, подогрѣвались къ тому же и спортивнымъ азартомъ.

Эта первая наша погрузка угля въ тропикахъ явилась краснорѣчивой демонстраціей безграничной выносливости русскаго человѣка. Вятскіе и вологодскіе мужики работали въ атмосферѣ, которую могъ бы выдержать далеко не всякій негръ. Впрочемъ, русскій матросъ не впервые доказывалъ свою безграничную выносливость. Я позволю себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, чтобы разсказать объ эпизодѣ, характерномъ въ этомъ отношеніи.

Когда былъ открытъ для плаванія Суэцкій каналъ и наши первые военные корабли пошли въ Тихій океанъ вновь открытымъ сокращеннымъ путемъ, Морскимъ Министерствомъ былъ отданъ приказъ, согласно которому предписывалось командирамъ судовъ, для перехода Краснымъ моремъ, нанимать вольнонаемныхъ кочегаровъ-арабовъ. Красное море, обвѣваемое съ двухъ сторонъ раскаленнымъ воздухомъ двухъ пустынь — Аравійской и Сахары, справедливо почитается самымъ жаркимъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Наши старыя, паровыя суда не знали той мо-

*) Отъ такъ называемой метацентрической высоты зависитъ остойчивость корабля.

гучей системы вентиляціи, которая въ настоящее время дѣлаетъ судовую кочегарку однимъ изъ самыхъ прохладныхъ мѣстъ корабля. И наше морское начальство полагало, что температура кочегарки будетъ на переходѣ Краснымъ моремъ совершенно невыносима бѣдному вятичу или вологжанину. Но первые же опыты съ арабами оказались весьма плачевными: дѣти пустыни не выдерживали работы въ кочегаркѣ русскаго корабля; до истеченія даже вдвое сокращеннаго срока вахты ихъ зачастую приходилось замертво выволакивать изъ кочегарки на верхнюю палубу и отливать тамъ водой. Наконецъ, одинъ изъ командировъ рискнулъ не исполнить министерскаго приказа и прошелъ все Красное море съ кочегарами — вятичами и вологодцами безъ малѣйшаго вреда для ихъ могучаго здоровья. Знаменитый приказъ вскорѣ послѣ этого былъ отмѣненъ.

Однако, если выдержали прекрасно первое испытаніе на дьявольское пекло наши матросы, нельзя было того же сказать объ офицерахъ. Въ Дакарѣ мы похоронили первую жертву нашего изнурительнаго похода: на броненосцѣ „Ослябя“ скончался отъ теплового удара общій любимецъ флота и популярнѣйшая личность — лейтенантъ Нелидовъ или, какъ его звалъ весь Балтійскій и Тихоокеанскій флотъ — дядя Ваня. Это была оригинальнѣйшая личность, которую мнѣ когда либо приходилось встрѣчать, и онъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы познакомить съ нимъ хотя бы вкратцѣ моего читателя.

Очень высокій, худой, съ породистымъ лицомъ, съ длинными усами, онъ походилъ немного на Донъ-Кихота, какимъ его обычно рисуютъ художники. Я не знаю ни одного морского офицера, который былъ бы такъ проникнутъ любимымъ девизомъ незабвеннаго адмирала Макарова — „въ морѣ — дома“, какъ дядя Ваня. Закоренѣлый холостякъ, онъ берега не

признавалъ категорически, не только безпрерывно плавая и уклоняясь отъ береговой флотской службы, но и въ буквальномъ смыслѣ, почти не съѣзжая съ корабля на берегъ и во время стоянки въ порту, будь то въ въ Россіи или заграницей — безразлично. Прекрасно и всесторонне образованный, рѣдкій лингвистъ, владѣя чуть ли не всѣми европейскими языками, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ полонъ странностей и причудъ. Такъ, напримѣръ, онъ питалъ какое то непреодолимое отвращеніе къ такъ называемымъ завоеваніямъ цивилизаціи — телефонамъ, телеграфамъ и, если не ошибаюсь, не хотѣлъ признавать необходимости даже почты. Писемъ онъ, кажется, никогда и никому не писалъ и терпѣть не могъ также и получать ихъ. Мнѣ разсказывалъ его большой другъ и соплаватель, какъ однажды, получивъ какое то письмо — его корабль стоялъ въ Тулонѣ — онъ, не распечатывая, швырнулъ его въ уголъ каюты, гдѣ оно благополучно пролежало все время стоянки корабля въ этомъ порту. Много времени спустя, когда судно его покинуло уже Тулонъ, кто то изъ его друзей, зайдя къ нему въ каюту и обнаруживъ завалящее письмо, уговорилъ его хозяина разрѣшить ему вскрыть конвертъ. Получивъ просимое разрѣшеніе и вскрывъ конвертъ, пріятель дяди Вани извлекъ оттуда чекъ на 1000 франковъ, который посылалъ ему его отецъ, бывшій въ то время русскимъ посломъ въ Римѣ. Чекъ уже былъ просроченъ, да и размѣненъ могъ быть только въ Тулонѣ.

Изъ прочихъ странностей дяди Вани заслуживаетъ быть упомянутой еще одна: онъ обожалъ парикмахерское искусство и былъ незаурядным парикмахеромъ. Адмиралъ Фелькерзамъ, державшій флагъ свой на броненосцѣ „Ослябя“, на которомъ плавалъ дядя Ваня, познакомившись съ его искусствомъ, уже не

признавалъ другихъ парикмахеровъ — его стригъ всегда лейтенантъ Нелидовъ.

Мое знакомство съ этимъ чудакомъ состоялось всего лишь года за полтора до его смерти и притомъ въ не совсѣмъ обычномъ порядкѣ. На лѣтнюю кампанію 1903 года въ отрядъ судовъ Морского Корпуса былъ назначенъ только что пришедшій изъ Тихаго океана крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ", на которомъ въ то время плавалъ дядя Ваня. На этомъ кораблѣ я совершалъ свое послѣднее гардемаринское плаваніе. На одной изъ первыхъ моихъ вахтъ вахтеннымъ гардемариномъ моимъ вахтеннымъ начальникомъ оказался дядя Ваня. Тихая и спокойная вахта на одномъ изъ финляндскихъ рейдовъ. Случайно я и лейтенантъ Нелидовъ очутились одновременно на бакѣ, куда оба мы пришли покурить у командного фитиля. Закуривъ папиросу, я почтительно отошелъ въ сторону, а дядя Ваня принялся быстрыми шагами ходить взадъ и впередъ по баку, кидая изрѣдка на меня быстрые взгляды. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ, припоминая одинъ за другимъ слышанные уже о немъ анекдоты и легенды. Вдругъ онъ круто повернулся и огромными шагами зашагалъ прямо на меня. Я сразу же насторожился, приготовившись выслушать выговоръ за то, что осмѣлился закурить на вахтѣ, не испросивъ на то его разрѣшенія. Но опасенія мои оказались напрасными. Подойдя ко мнѣ вплотную, онъ вдругъ протянулъ мнѣ руку для пожатія и проговорилъ, сильно картавя:

— Да-съ, государь мой, отличнѣйшіе люди...

Я пожалъ протянутую мнѣ руку и молча смотрѣлъ на него удивленными глазами, ничего не понимая.

Видя на моемъ лицѣ явно выраженное удивленіе, онъ счелъ, повидимому, нужнымъ разъяснить, въ чемъ дѣло, потому что продолжалъ.

— Я говорю про васъ, государь мой, про гардемаринъ, что вы — отличнѣйшіе люди! Когда я узналъ, что нашъ крейсеръ назначается для плаванія съ гардемаринами, то въ первое время даже испугался. Это еще, думаю, что за люди такіе? А вдругъ какая нибудь сволочь? И оказалось — ничего подобнаго! Отличнѣйшіе, прекраснѣйшіе люди, государь мой!.. — дядя Ваня еще разъ крѣпко пожалъ мою руку и вновь зашагалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, по баку, пыхтя папиросой.

Чтобы сценка эта стала понятной читателю, я долженъ разъяснить, что лейтенантъ Нелидовъ попалъ во флотъ не изъ Морского Корпуса, котораго онъ совершенно не зналъ. Окончивъ Царскосельскій Императорскій Лицей, онъ поступилъ въ юнкера флота и по экзамену произведенъ былъ въ офицеры. Послѣ этого почти вся служба его протекла въ Тихомъ океанѣ и съ морскими кадетами и гардемаринами онъ впервые познакомился близко, плавая на крейсерѣ „Адмиралъ Корниловъ“. Повидимому, мы дѣйствительно произвели на него самое отрадное впечатлѣніе, потому что обрѣли въ немъ вѣрнаго заступника, союзника и друга.

Дядя Ваня сильно грѣшилъ по части спиртного. Во флотѣ пользовалась заслуженной славой знаменитая нелидовская „перцовка“. Не много нашлось бы смѣльчаковъ, которые рискнули бы отвѣдать этотъ напитокъ въ чистомъ видѣ, такъ, какъ его „принималъ“ дядя Ваня. Обычно его соплаватели пользовались этимъ напиткомъ въ видѣ экстракта, прибавляя его по нѣсколько капель въ свои рюмки. Это была водка, настоенная на красномъ стручковомъ перцѣ до темно-вишневаго цвѣта.

Среди безчисленныхъ анекдотовъ про хозяина этого напитка мнѣ разсказывали его друзья слѣдующій.

Плавалъ дядя Ваня на учебномъ кораблѣ „Герцогъ Эдинбургскій“. Въ тѣ давно прошедшія времена нашъ учебный корабль, на которомъ плавали ученики-квартирмейстеры*), ежегодно осенью уходилъ въ заграничное плаваніе, возвращаясь въ Балтику лишь весной слѣдующаго года. Маршрутъ этого плаванія былъ всегда почти одинъ и тотъ же: корабль доходилъ до острова Мадера, гдѣ на чудномъ фунчальскомъ рейдѣ будущіе унтеръ-офицеры проходили практическій курсъ обученія.

Долгая стоянка русскаго военнаго корабля въ какомъ либо заграничномъ порту обычно создавала связи съ мѣстнымъ обществомъ, и тароватыхъ, щедрыхъ и веселыхъ русскихъ моряковъ любили иностранцы всѣхъ націй и цвѣтовъ кожи и всѣхъ ступеней соціальнаго положенія, начиная отъ прачки и кончая представителями знати и властей предержащихъ. Русскій же учебный корабль былъ особенно популяренъ въ Фунчалѣ еще и потому, что офицерскій составъ на немъ мѣнялся рѣдко и одни и тѣ же офицеры приходили туда по нѣсколько лѣтъ кряду.

Обычно разъ въ сезонъ городъ чествовалъ русскихъ моряковъ торжественнымъ пріемомъ, на что тѣ, въ свою очередь, отвѣчали пріемомъ на кораблѣ. То же самое повторилось и въ памятный годъ пребыванія на „Герцогѣ“ дяди Вани. Русскій корабль чествовалъ у себя иностранныхъ гостей. Красиво убранныя верхняя палуба, каютъ-компанія и командирское помѣщеніе полны нарядной публики. Наверху, на палубѣ идетъ оживленный балъ — танцуетъ молодежь. Внизу, въ каютъ-компаніи, — буфетъ; тамъ публика посолиднѣе. На диванѣ сидятъ двѣ пожилыя дамы, представительницы мѣстнаго beau-mond'a. За ними ухаживаетъ старшій судовой врачъ, непрерывно предлагая имъ отвѣдать то того, то другого. Когда

*) Унтеръ-офицеры.

онъ предложилъ имъ выпить какого нибудь вина, почтенныя дамы отъ вина отказались, но одна изъ нихъ, томно закативъ глазки, попросила угостить ихъ тѣмъ чудеснымъ liqueur russe, которымъ ихъ не разъ угощали на русскомъ кораблѣ въ прошлые годы.

Изъ подробныхъ разъясненій дамы докторъ понялъ, что вопросъ шелъ о наливкѣ-вишневкѣ. Онъ радостно рванулся къ столу, гдѣ красовалась цѣлая батарея бутылокъ и, пересмотрѣвъ нѣкоторыя изъ нихъ на свѣтъ, нашелъ то, что ему было нужно и налилъ двѣ рюмки темно-вишневой жидкости. Съ самой любезной улыбкой, мягко ступая по пушистому ковру каютъ-компаніи, онъ вернулся къ своимъ собесѣдницамъ, ловко пронеся сквозь снующую вокругъ стола публику свои полныя рюмки, не расплескавъ ни одной капли рубиновой жидкости. Старушки оцѣнили ловкость своего галантнаго кавалера, подаривъ его самыми обворожительными улыбками, но едва успѣли отхлебнуть по глотку изъ своихъ рюмокъ, какъ картина рѣзко измѣнилась: съ быстротой, мыслимой только на кинематографической лентѣ, съ лица доктора исчезла его любезная улыбка, а волосы его зашевелились съ явнымъ намѣреніемъ стать дыбомъ отъ ужаса. Что же касается старушекъ, то лица ихъ побагровѣли, быстро принявъ цвѣтъ содержимаго ихъ рюмокъ, глаза стали вылѣзать изъ орбитъ, а изъ горла понеслись предсмертные хрипы душимаго человѣка. Произошла роковая ошибка: вмѣсто вишневки докторъ преподнесъ имъ перцовку-динамитъ дяди Вани, бутылка которой по несчастной случайности оказалась затесавшейся среди иныхъ сосудовъ съ далеко не такимъ смертоноснымъ содержимымъ...

Къ великому счастью бѣдныхъ фунчальскихъ старушекъ, виновникомъ роковой ошибки оказался

самъ докторъ, который твердо рѣшилъ не позволить имъ умереть, поставивъ это вопросомъ своего профессіональнаго самолюбія. Свидѣтель этого трагическаго происшествія, разсказывавшій мнѣ его детали, умолчалъ о мѣрахъ, принятыхъ докторомъ для возвращенія къ жизни фунчальскихъ дамъ, заявивъ лишь, что онъ съ честью вышелъ изъ труднаго положенія и „Герцогу Эдинбургскому“ въ тотъ день не пришлось приспускать своего флага до половины*).

Скандалъ все же получился неописуемый. Приведенныя въ чувство и очухавшіяся старушки ни за что не хотѣли вѣрить, что онѣ явились жертвами невольной и роковой ошибки, оставшись въ глубокомъ убѣжденіи, что докторъ сыгралъ съ ними шутку дурного тона. Обиженныя до послѣдней степени, онѣ немедленно покинули корабль. Командиру стоило немалыхъ усилій потушить на слѣдующій день скандалъ.

Но я сильно отклонился отъ темы моего повѣствованія.

Дядю Ваню похоронили въ сенегальскихъ жгучихъ, какъ его перцовка, пескахъ, и на нашей эскадрѣ однимъ прекраснымъ морякомъ, хорошимъ человѣкомъ и славнымъ товарищемъ стало меньше.

Наканунѣ ухода изъ Сенегала мы грузили на бортъ цѣлый десятокъ живыхъ быковъ. Нашъ рефрежираторъ часто пошаливалъ, какъ и многіе иные, мало, а то и вовсе неиспытанные механизмы броненосца. Хотя при эскадрѣ и находился зафрахтованный нами и присоединившійся къ эскадрѣ въ Танжерѣ цѣлый пароходъ-рефрежираторъ съ запасами всевозможной провизіи и, главнымъ образомъ, мороженна-

*) Корабль, на борту котораго находится покойникъ, имѣетъ флагъ приспущеннымъ до половины высоты флагштока или гафеля.

го мяса (пароходъ былъ подъ французскимъ флагомъ и назывался „Espèrance"), но гдѣ было возможно брать свѣжую провизію, мы это дѣлали, оставляя запасы „Espèrance" на случай, весьма возможный въ условіяхъ нашего плаванія, когда эскадра очутится въ положеніи невозможности добыть чего либо съ берега.

Къ борту нашего броненосца подвели баржу съ быками и началась погрузка. Это были некрупные, но съ огромными рогами быки, производившіе впечатлѣніе скорѣе дикихъ, нежели домашнихъ животныхъ. Грузили животныхъ, подымая ихъ стрѣлой броненосца за рога. Этотъ варварскій съ виду способъ погрузки имѣлъ ту хорошую сторону, что быкъ опускался на палубу броненосца совершенно обалдѣлымъ и прежде, чѣмъ успѣвалъ придти въ себя, оказывался уже отведеннымъ на бакъ и тамъ надежно привязаннымъ въ приготовленномъ заблаговременно стойлѣ.

Съ небольшой группой офицеровъ я наблюдалъ эту интересную процедуру съ мостика. Погрузка уже подходила къ концу; оставалось погрузить всего двухъ или трехъ быковъ, когда произошелъ случай, едва не закончившійся весьма трагически. Одинъ изъ послѣднихъ быковъ, молодой, круторогій, оказался особенно дикаго нрава; съ нимъ долго не могли справиться прибывшіе на баржѣ свои же гаучосы. Но вотъ, наконецъ, рога надежно схвачены стропомъ, лебедка заработала и быкъ повисъ въ воздухѣ, болтая ногами. Приподнявъ его на должную высоту, чтобы быкъ могъ пройти надъ коечными сѣтками, не задѣвая ихъ ногами, стрѣла повернулась и животное стали опускать на палубу броненосца, гдѣ его поджидалъ маленькій лихой унтеръ-офицеръ Яровой, чтобы отвести на бакъ и привязать его тамъ къ стойлу. Но едва быкъ ступилъ на палубу, съ рогъ

его былъ снятъ стропъ, а Яровой взялся за конецъ веревки, привязанной къ рогамъ, какъ разъяренное животное нагнуло голову и ринулось на Ярового. Мы ахнули, ожидая неминуемаго конца маленькаго унтеръ-офицера, но этотъ видно заранѣе приготовился ко всякимъ сюрпризамъ и въ мгновенье ока, какъ цирковой акробатъ, вскочилъ на коечныя сѣтки, оттуда на фальшбортъ и спустился за бортъ, не выпуская изъ рукъ веревки, на которой и повисъ за бортомъ, весело скаля зубы и болтая въ воздухѣ ногами. Ошарашенный же быкъ уперся рогами въ сѣтки и, не видя нигдѣ своего врага, лишь дико вращалъ во всѣ стороны налитыми кровью глазами. Въ это время подоспѣли другіе матросы и сразу нѣсколько дюжихъ рукъ схватили его съ обѣихъ сторонъ за рога и поволокли на бакъ, гдѣ и водворили на пріуготовленное ему мѣсто.

Быкъ все же нашелъ себѣ жертву, на комъ смогъ выместить свою злобу и отомстить свое пораженіе.

Еще въ бытность нашу въ Россіи офицерскій буфетчикъ пріобрѣлъ поросенка, который мирно проживалъ на бакѣ, подрастая въ дородную свинью и нагуливая жиръ на обильныхъ и вкусныхъ командныхъ харчахъ. Во время погрузки быковъ наша хавронья спокойно прогуливалась по баку, заглядывая съ любопытствомъ въ стойла новыхъ рогатыхъ пассажировъ и не подозрѣвая о могущей ей угрожать какой либо опасности. На ея несчастье, она оказалась какъ разъ вблизи дикаго быка, едва не убившаго незадолго передъ тѣмъ Ярового, когда разсвирѣпѣвшее животное привязывали къ стойлу, и прежде, чѣмъ его конвоиры успѣли отогнать ее прочь, она получила страшный ударъ рогомъ въ животъ, пропоровшій ей брюхо, откуда вывалились внутренности.

Страшные, душу раздирающіе вопли раненой свиньи огласили Дакарскій рейдъ. Узнавъ, въ чемъ

дѣло, мы пришли въ полное отчаяніе. По выработанному плану свинья должна была расти и полнѣть до самаго Рождества, когда должна была быть заклана для нашего рождественскаго стола. А тутъ, благодаря такъ несчастно сложившимся обстоятельствамъ, приходилось ее рѣзать немедленно, почти на два мѣсяца ранѣе положеннаго срока.

Но тутъ появился неожиданный спаситель въ лицѣ корабельнаго фельдшера. Онъ почтительно заявилъ Арамису, что послѣ произведеннаго имъ осмотра онъ выяснилъ, что кишки у свиньи цѣлы, а прорѣзана острымъ рогомъ лишь брюшная полость, и что, если его высокоблагородію угодно ему разрѣшить, то онъ попробуетъ свинью вылѣчить. Приказаніе прирѣзать свинью, отданное уже было Арамисомъ, немедленно же было отмѣнено и фельдшеръ получилъ просимое разрѣшеніе. Вооружившись огромной парусной иглой и такими же нитками и взявъ себѣ въ помощь четырехъ дюжихъ матросовъ въ роли ассистентовъ, фельдшеръ отправился на бакъ. Тамъ его ассистенты усѣлись на неистово ревущее животное, а медикъ принялся за дѣло: аккуратно промывъ кишки, онъ вложилъ ихъ обратно въ брюшную полость и, не обращая вниманія на душу раздирающіе вопли своего паціента, зашилъ ему рану парусной ниткой. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ этого свинья пребывала въ глубокой меланхоліи, страдая отсутствіемъ аппетита, но въ концѣ концовъ совершенно поправилась и въ одинъ прекрасный день съ большимъ аппетитомъ скушала борщъ, сваренный изъ ея рогатаго врага.

Позволю себѣ забѣжать впередъ и разсказать до конца судьбу этого славнаго животнаго. За два мѣсяца, протекшихъ послѣ описаннаго случая, когда наступилъ ей срокъ быть принесенной въ жертву офицерскому чревоугодію, она настолько привязала

къ себѣ сердца всего личнаго состава броненосца своимъ веселымъ нравомъ и общительностью, что на нее уже не поднялась рука для закланія и она сдѣлалась такимъ же членомъ судового состава, какимъ былъ „Вторникъ“ и, не помню уже, въ какомъ порту появившійся у насъ козелъ „Васька“. Дожила она благополучно до Цусимскаго боя, во время котораго сложила свою головушку, разорванная на части непріятельскимъ снарядомъ, такъ и не отвѣданная никѣмъ изъ своихъ соплавателей.

Уходили мы изъ Дакара, имѣя въ нашей каютѣ, гдѣ я продолжалъ жить съ мичманомъ Шупинскимъ, новаго обитателя; это была прелестная обезьянка-мартышка, пріобрѣтенная моимъ сожителемъ у одного изъ пріѣзжавшихъ къ намъ на корабль въ Дакарѣ негровъ-торговцевъ и прозванная имъ въ свою собственную честь своимъ христіанскимъ именемъ — „Андрюшкой“.

Еще глубже ушли въ воду наши броненосцы подъ тяжестью огромнаго запаса угля, когда мы покидали Сенегалъ. Куда мы плыли? Объ этомъ знали — Господь Богъ, адмиралъ Рожественскій да еще, можетъ быть, нѣсколько человѣкъ изъ его Штаба.

ГЛАВА V.

Сумасшедшій прапорщикъ. Недоразумѣніе съ экваторомъ. Libreville. Береговыя впечатлѣнія. Рыбная ловля въ Great Fish Bay. Angra Pequeña. На нѣмецкомъ пароходѣ. Штормъ у мыса Доброй Надежды. Чудесное спасеніе „Бобика". Приходъ на Мадагаскаръ.

Святые угодники — покровители нашей эскадры, хранили насъ отъ жестокихъ штормовъ Гвинейскаго залива, столь частыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ мы плыли, покинувъ Дакаръ. Пунктомъ назначенія оказался заливъ въ устьѣ рѣки Габунъ, почти на самомъ экваторѣ, въ нѣсколькихъ всего лишь миляхъ къ сѣверу отъ него. На этотъ путь, протяженіемъ около 100 миль, намъ понадобилось 12 дней, такъ какъ частыя поломки механизмовъ то у одного, то у другого изъ кораблей, заставляли всю эскадру уменьшать ходъ, а то и стопорить машину.

Переходъ отъ Дакара до Габуна ознаменовался на нашемъ кораблѣ рѣдкимъ и въ высшей степени непріятнымъ событіемъ. Въ жаркій день, какой только можетъ выдаться у береговъ экваторіальной Африки, я и Модзалевскій правили послѣобѣденную вахту. Все было тихо и спокойно. Командиръ отдыхалъ у себя въ рубкѣ. Модзалевскій шагалъ взадъ и впередъ по мостику, покуривая безъ помѣхи; я, — вооруженный неизмѣнной призмочкой, былъ тутъ же на мостикѣ, прикидывая отъ времени призму къ глазу и докладывая вахтенному начальнику, какъ держится разстояніе до „Бородина". На броненосцѣ царила тишина послѣобѣденнаго отдыха.

Вдругъ снизу до насъ донесся громкій голосъ второго вахтеннаго офицера — прапорщика Титова,

что то выкрикивавшаго возбужденнымъ и взволнованнымъ голосомъ. Мы перегнулись черезъ поручень, чтобы посмотрѣть, что такое случилось, и увидѣли высокую, худую фигуру Титова, быстрыми шагами направлявшагося къ трапу, ведущему къ намъ на мостикъ; онъ сильно жестикулировалъ руками и, увидѣвъ насъ, крикнулъ:

— Подымайте же скорѣе сигналъ: — приготовиться къ бою! Развѣ вы не видите, что японцы уже совсѣмъ близко? — онъ показалъ рукой куда то въ сторону.

— Онъ сошелъ съ ума; бѣгите скорѣе за Гаврилой Андреевичемъ, — сказалъ мнѣ въ полголоса Модзалевскій, но я и самъ уже догадался, въ чемъ дѣло и опрометью кинулся по трапу съ противоположной стороны, чтобы не встрѣтиться съ направлявшимся къ намъ Титовымъ. Разыскавъ старшаго доктора, я наскоро разсказалъ ему въ чемъ дѣло, и мы побѣжали съ нимъ обратно на мостикъ, гдѣ застали Модзалевскаго, успокаивавшаго страшно взволнованнаго прапорщика и увѣрявшаго его самымъ спокойнымъ тономъ, что онъ давно уже видитъ японцевъ и что сигнальщики уже набираютъ сигналъ о боѣ.

Къ большому нашему удивленію Гаврилѣ Андреевичу удалось безъ особеннаго труда уговорить Титова спуститься съ нимъ внизъ и мы видѣли сверху, какъ они оба, подъ руку, мирно бесѣдуя, удалялись по направленію къ судовому лазарету. Смѣнившись съ вахты, мы узнали о дальнѣйшихъ перипетіяхъ этой трагедіи. Оказалось, что утихомирить свихнувшагося Титова было задачей, далеко не такъ легко разрѣшимой: очутившись въ лазаретѣ, онъ вдругъ пришелъ въ ярость и, бросившись на бѣднаго доктора, принялся его душить. Не случись тамъ фельдшера и санитаровъ, нашему Гаврилѣ Андреевичу пришлось бы совсѣмъ плохо въ желѣзныхъ рукахъ обезумѣв-

шаго Титова и безъ припадка безумія, удесятерившаго его силы, очень сильнаго человѣка. Фельдшеру и санитарамъ съ большимъ трудомъ удалось вырвать бѣднягу доктора изъ рукъ сумасшедшаго Титова, надѣть на него сумасшедшую рубаху и привязать къ койкѣ. Онъ непрерывно кричалъ истошнымъ крикомъ, доносившимся до самыхъ отдаленныхъ уголковъ броненосца. Чтобы не безпокоить другихъ больныхъ, находящихся въ лазаретѣ, докторъ распорядился помѣстить его въ отдѣльную каюту, такъ называемый заразный лазаретъ, къ счастью къ тому времени пустовавшій.

Да не подумаетъ читатель, что во время длинныхъ переходовъ эскадры экипажи кораблей знали лишь обычную вахтенную службу и отдыхали отъ изнурительной работы на рейдахъ, во время угольныхъ погрузокъ. Этотъ же самый уголь былъ нашимъ кошмаромъ не только на рейдахъ, но и въ походахъ.

Я уже говорилъ, что въ Дакарѣ мы погрузили двойной запасъ угля, заваливъ имъ жилую и батарейную палубы. Во время похода уголь кочегарами брался изъ угольныхъ ямъ, т. е. съ самаго дна корабля. Такимъ образомъ, и безъ того сильно уменьшенная остойчивость броненосца должна была бы еще больше уменьшиться, если бы, по мѣрѣ опустошенія угольныхъ ямъ, мы оставляли бы огромный дополнительный грузъ на такой высотѣ, какъ батарейная и даже жилая палубы. Поэтому было строжайшимъ образомъ предписано, по мѣрѣ израсходованія угля, досыпать угольныя ямы съ такимъ разсчетомъ, чтобы онѣ постоянно оставались бы полными, а батарейная палуба, а за ней и жилая, освобождались бы отъ излишняго груза. Такимъ образомъ, угольный кошмаръ не оставлялъ насъ и на походѣ.

Трудно даже сказать, что было тяжелѣе: погрузка ли угля на рейдѣ съ транспорта на броненосецъ,

или же перегрузка его изъ палубъ въ угольныя ямы на походѣ? Единственное преимущество послѣдней передъ первой заключалось въ отсутствіи спѣшки и лихорадочной быстроты. Но условія работы были неизмѣримо хуже. На походѣ, въ открытомъ морѣ, благодаря зыби, порты и иллюминаторы были большею частью наглухо задраены и работать приходилось въ такой температурѣ и дышать такимъ воздухомъ, что работу эту въ большихъ дозахъ могъ выносить только безгранично выносливый и здоровый русскій матросъ. Эта каторга не могла не отражаться и на настроеніи людей, ибо мы отдыхали лишь короткими урывками. Вѣдь, кромѣ вахтъ и неотложныхъ работъ съ углемъ, шли въ свою очередь и столь необходимыя намъ ученья, главнымъ образомъ — артиллерійскія. Наши команды, въ смыслѣ подготовки, оставляли желать много лучшаго. Большинство командъ второй эскадры составляли ничему не успѣвшіе научиться новобранцы и запасные матросы, основательно позабывшіе старую учебу.

Въ обычное, т. е. мирное время, военные корабли русскаго флота во время плаванія въ тропикахъ придерживались въ распредѣленіи судового дня такъ называемаго тропическаго расписанія. Въ отличіе отъ обыденнаго корабельнаго расписанія, въ тропикахъ судовой рабочій день начинался раньше, но въ самое жаркое время дня всѣ работы, кромѣ самыхъ неотложныхъ, прекращались и команда отдыхала. На нашей эскадрѣ о такой роскоши мы не смѣли и мечтать, и хотя судовой рабочій день и начинался ранѣе обычныхъ 8 часовъ утра, объ отдыхѣ въ самые жаркіе часы дня не было даже и рѣчи. Злые мичманскіе языки не безъ остроумія говорили, что у насъ вступило въ силу и пріобрѣло права гражданства „полярно-тропическое расписаніе“.

По причинѣ пониженнаго вслѣдствіе физической усталости настроенія, на нашемъ кораблѣ не было организовано традиціоннаго у моряковъ празднованія перехода черезъ экваторъ. Къ тому же, съ экваторомъ у насъ вышло небольшое недоразумѣніе. Я уже упомянулъ о томъ, что рѣка Габунъ впадаетъ въ океанъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ сѣвернѣе экватора и случаю было угодно, чтобы сильное попутное теченіе за послѣднее, передъ приходомъ на якорное мѣсто, суточное плаваніе, отнесло насъ на нѣсколько миль къ югу. Подойдя къ берегу, мы не попали куда слѣдуетъ и, не очень довѣряя морскимъ картамъ этихъ мало посѣщаемыхъ судами мѣстъ, адмиралъ послалъ для опознанія береговъ имѣвшійся при нашей эскадрѣ небольшой буксирный пароходъ „Русь“, который въ скоромъ времени извѣстилъ насъ, что устье рѣки находится въ столькихъ то миляхъ къ сѣверу. Прикинувъ полученныя данныя на карту, нашъ штурманъ поздравилъ насъ съ совершеннымъ уже переходомъ черезъ экваторъ, ибо наше дѣйствительное мѣсто оказалось къ югу отъ него.

Это открытіе значительно успокоило недовольство тѣхъ изъ нашей молодежи, которые особенно огорчались, что на нашемъ кораблѣ не выполнена одна изъ самыхъ старыхъ и обязательныхъ морскихъ традицій. Дѣйствительно, съ неожиданнымъ для насъ переходомъ экватора исключалась главная и основная часть церемоніи, которая заключается въ обязательномъ купаньи всѣхъ новичковъ, т. е. переходящихъ экваторъ впервые въ своей жизни. Такимъ образомъ, если бы у насъ и былъ организованъ этотъ праздникъ, то купать бы уже было некого, ибо каждый изъ насъ уже дважды пересѣкъ эту завѣтную линію, — адмиралъ, получивъ донесеніе „Руси“, вновь повернулъ на сѣверъ и повелъ эскадру къ устью рѣки Габунъ, гдѣ насъ уже ожидали наши угольщики-нѣмцы.

Въ Габунѣ насъ ждалъ пріятный сюрпризъ: адмиралъ разрѣшилъ уволить часть экипажей на берегъ, и въ числѣ этихъ счастливцевъ оказался и я.

Въ назначенный часъ мы должны были прибыть на пароходъ „Русь", который долженъ былъ войти въ рѣку и высадить насъ въ городкѣ Libreville. Процедура превращенія военнаго костюма въ штатскій была несложна: съ бѣлаго кителя снимались погоны и прочіе знаки отличій, если таковые имѣлись, а форменныя металлическія пуговицы замѣнялись перламутровыми; бѣлыя брюки не требовали никакихъ измѣненій; что же касается головного убора, то вопросъ разрѣшался чрезвычайно просто замѣной фуражки тропическимъ шлемомъ, которымъ каждый офицеръ запасся еще въ Дакарѣ у пріѣзжавшихъ на корабль торговцевъ послѣ того, какъ было получено разрѣшеніе носить и на кораблѣ при формѣ, вмѣсто фуражекъ, болѣе защищающіе отъ полящихъ лучей тропическаго солнца — шлемы. Послѣ этихъ несложныхъ замѣнъ оставалось только взять въ руки тросточку, которая на нашемъ кораблѣ почему то именовалось по нѣмецки — „шпацирштокомъ", для того, чтобы болѣе штатскаго вида нельзя было бы даже и требовать. Къ назначенному часу крошечная каютъ-компанія и палуба „Руси" заполнилась веселой и оживленной толпой офицеровъ со всѣхъ кораблей эскадры, послѣ чего пароходъ снялся съ якоря и пошелъ въ рѣку.

Красота и роскошь тропической природы много разъ были описаны до меня и, внѣ всякаго сомнѣнія, будутъ описаны и послѣ. Поэтому я со спокойной совѣстью опускаю здѣсь описаніе этихъ чудесъ въ рѣшетѣ, хотя болѣе „тропическаго" мѣста, чѣмъ Libreville, лежащаго буквально въ двухъ шагахъ отъ экватора, нельзя было бы и желать.

Полноту ощущеній и радость очутиться на берегу послѣ болѣе двухмѣсячнаго пребыванія въ стальной

коробкѣ корабля, сильно умѣряла нестерпимая жара, ибо мы проводили на берегу самое жаркое время дня, обязанные до захода солнца вернуться по своимъ кораблямъ. Маленькій городокъ Libreville самъ по себѣ не представлялъ ничего интереснаго. Мѣстнаго населенія мы почти не видѣли, встрѣчая на каждомъ шагу — на улицахъ ли, въ магазинахъ, на почтѣ, въ ресторанѣ, всюду, куда мы только не заглядывали, — лишь своихъ же офицеровъ и матросовъ съ эскадры, слонявшихся съ красными, потными лицами по небольшому городку. Получалось впечатлѣніе, точно жители Libreville'я временно куда то выѣхали, предоставивъ свой городокъ въ полное распоряженіе заморскихъ сѣверныхъ гостей, оставивъ лишь самый необходимый персоналъ для ихъ обслуживанія въ магазинахъ и ресторанахъ. Секретъ, конечно, заключался въ томъ, что въ эти часы нестерпимаго пекла африканцы благоразумно укрывались въ прохладѣ своихъ домовъ, предоставивъ сѣвернымъ варварамъ слоняться по раскаленнымъ улицамъ сколько ихъ душѣ угодно.

Изрѣдка попадались лишь солдаты мѣстнаго гарнизона. Это были мѣстные уроженцы, негры французскаго Конго, великаны, какъ на подборъ, прекрасно сложенные экземпляры чернокожей человѣческой породы, одѣтые къ тому же въ очень живописную форму. Особенно живописенъ былъ головной уборъ — небольшая красная феска съ огромной голубой кистью, ловко сидящая на крупной курчавой головѣ. Повидимому французы комплектуютъ гарнизоны своихъ экваторіальныхъ колоній исключительно солдатами туземцами, такъ какъ въ Libreville'ѣ я не видѣлъ ни одного бѣлаго солдата или матроса. Въ рѣкѣ противъ городка стояла французская канонерская лодка „Alcion" постройки временъ Очакова и покоренія Крыма. Проходя мимо нея, мы обратили вни-

манія на ея матросовъ; это было прелюбопытное зрѣлище: бѣлыя пятна матросскихъ рубахъ и штановъ и въ нихъ — черныя, какъ сажа, лица, руки и ноги.

Блуждая по городу безо всякой цѣли, мы набрели на казарму мѣстнаго гарнизона. У открытыхъ воротъ ходилъ мѣрными шагами огромный черный часовой, державшій на плечѣ допотопное ружье. Я бы нисколько не удивился, если бы мнѣ сказали, что во французскомъ гарнизонѣ Libreville'я, во время посѣщенія его русской эскадрой, употреблялась еще команда „скуси патронъ!“ Съ этимъ ружьемъ какъ нельзя лучше гармонировали небольшія мѣдныя пушонки, стоявшія во дворѣ казармы, которыя, безъ сомнѣнія, являлись ровесницами упомянутой уже канонерской лодкѣ „Alcion“. Кто-то мнѣ говорилъ, что французы умышленно вооружаютъ свои колоніальныя войска допотопнымъ оружіемъ, чтобы въ случаѣ мятежа не встрѣтить серьезнаго врага въ лицѣ своихъ же войскъ. Да и то сказать: куда какъ было бы страшно, если бы эти гиганты-негры, превратившись въ одинъ прекрасный день изъ покорныхъ подданныхъ въ взбунтовавшихся рабовъ, были бы вооружены пулеметами и скорострѣльными и дальнобойными винтовками! Да и не одни только французы грѣшили и грѣшатъ страхомъ передъ своими колоніальными подданными. Одни только, кажется, русскіе цари не боялись вооружать своихъ иноплеменныхъ подданныхъ современнымъ оружіемъ и въ сформированныя изъ нихъ части назначать своихъ же офицеровъ-единоплеменниковъ!

Передъ съѣздомъ нашимъ на берегъ насъ предупредили, чтобы мы не вздумали предпринимать прогулокъ вглубь страны и вообще удаляться отъ города, говоря, что таково желаніе посѣтившаго нашего адмирала мѣстнаго французскаго губернатора, предупреждавшаго, что туземцы не прочь полакомиться чело-

вѣчиной и что будто бы даже незадолго до нашего прихода было съѣдено четыре нѣмца съ одного изъ германскихъ пароходовъ, отправившихся на охоту на слоновъ и превратившихся въ дичь для каннибаловъ-негровъ.

Крошечный городокъ Libreville, конечно, не ожидалъ такого единовременнаго наплыва знатныхъ иностранцевъ. Нагулявъ продолжительной прогулкой аппетитъ, я и два моихъ компаніона — мичманъ Сакеллари и еще одинъ офицеръ съ транспорта „Анадырь", — предвкушая удовольствіе знатно позавтракать на берегу, принялись стучаться въ имѣвшіеся въ городѣ немногочисленные рестораны и гостинницы, получая всюду одинъ и тотъ же отвѣтъ: въ ресторанѣ нѣтъ ничего, ибо все уже съѣдено ранѣе насъ пришедшими нашими же соотечественниками. Мы уже начали приходить въ отчаяніе при мысли, что придется проголодать до самаго возвращенія на корабль, когда, наконецъ, насъ впустили въ жалкій и грязный ресторанчикъ, гдѣ въ единственной и небольшой комнатѣ было поставлено нѣсколько столиковъ, между которыми сновали жирный бородатый французъ-хозяинъ и мальчишка-негръ. Всѣ столики, кромѣ одного въ дальнемъ углу комнаты, были заняты насыщавшимися русскими офицерами; въ ресторанѣ стоялъ гулъ русской рѣчи.

Занявъ единственный свободный столикъ, намъ удалось перехватить пробѣгавшаго мимо француза-хозяина и попросить его дать намъ позавтракать. Мальчишка-негръ положилъ на скатерть три ломтя черстваго хлѣба и передъ каждымъ изъ насъ поставилъ по пустой тарелкѣ, видъ которыхъ заставилъ никогда неунывающаго и жизнерадостнаго Сакеллари произнести самымъ серьезнымъ тономъ:

— Не смущайтесь, господа: здѣсь, въ Libreville'ѣ тарелки, повидимому, моются не руками, а ногами;

совѣтую вамъ, поэтому, послѣдовать моему примѣру.

Съ этими словами онъ вынулъ свой носовой платокъ и принялся усиленно тереть свою тарелку, которая, послѣ долгой и упорной работы, стала превращаться изъ матовой въ блестящую. Мы послѣдовали его примѣру и по окончаніи этой работы принялись терпѣливо ждать. Послѣ нѣсколькихъ напоминаній хозяину о своемъ присутствіи, онъ удосужился, наконецъ, обратить на насъ вниманіе и что то свирѣпо крикнулъ своему черному помощнику, послѣ чего на нашемъ столѣ появилось первое блюдо. Въ глубокой тарелкѣ, наполненной до краевъ какой то густой, жирной, неопредѣленнаго цвѣта жидкостью, плавало нѣсколько кусочковъ какого то тѣла: это не было мясомъ, не было это и рыбой, еще меньше походило на зелень. Для этого тѣла какъ нельзя больше подходило опредѣленіе — „чортъ знаетъ, что такое!“ Мы долго съ любопытствомъ разсматривали это блюдо, не рѣшаясь до него дотронуться и дѣлая самыя фантастическія предположенія. Сакеллари клятвенно завѣрялъ насъ, что это ни что иное, какъ тѣло боа-констриктора. Намъ снова удалось подозвать хозяина, который на этотъ разъ подбѣжалъ къ намъ съ самой любезной улыбкой, но на всѣ наши уговоры и мольбы сказать намъ откровенно, что это такое, онъ неизмѣнно лишь повторялъ:

— C'est bon, messieurs, c'est très bon!

Весьма возможно, что онъ и самъ не зналъ, что это такое и блюдо это было изобрѣтеніемъ такого же черномазаго повара, какъ и его шустрый Лепорелло. Никто изъ насъ не рѣшился отвѣдать этого загадочнаго блюда, и, несмотря на волчій голодъ, мы приказали убрать его и подавать слѣдующее. Этимъ слѣдующимъ блюдомъ оказался сыръ, который былъ съѣденъ въ мгновеніе ока и на радостяхъ была потребована бутылка вина. Но наши начинавшіе уже было

проясняться послѣ сыра лица вновь и уже окончательно вытянулись, когда смахнувъ со стола крошки хлѣба, хозяинъ этого единственнаго, навѣрное, въ своемъ родѣ ресторана заявилъ намъ со своей неизмѣнной улыбкой, что единственно, что онъ еще можетъ предложить намъ, это — съѣсть по манго, такъ какъ у него больше рѣшительно ничего не осталось.

Когда мы, голодные и злые, потребовали счетъ, онъ назвалъ такую цифру, что будучи самыми глубокими профанами въ финансахъ и экономикѣ, мы ясно поняли, почему Франція такъ богата.

Мы покидали Libreville безъ особеннаго сожалѣнія. Въ жалкихъ лавченкахъ города ничего нельзя было пріобрѣсти даже скромному въ своихъ потребностяхъ мичману. Остались довольны лишь филателисты, которые скупили, кажется, весь имѣвшійся въ мѣстной почтовой конторѣ запасъ марокъ самаго экзотическаго вида — съ ягуарами, слоновыми клыками и т. п., къ тому же необычайнаго размѣра.

Мнѣ, впрочемъ, посчастливилось передъ самой посадкой на пароходъ купить у какого то оборванца негра огромный заржавленный и зазубренный желѣзный мечъ въ деревянныхъ грубыхъ ножнахъ, нѣсколько копій и какой то музыкальный инструментъ. Заплативъ за все это богатство баснословно дешевую цѣну, много меньше того, что мы уплатили за голодный завтракъ изъ боа-констриктора, я имѣлъ возможность снова сдѣлать важное открытіе въ области экономики и понялъ причину безпросвѣтной бѣдности негровъ.

Когда я привезъ свою покупку на корабль и съ гордостью демонстрировалъ ее въ каютъ-компаніи, старые и много плававшіе офицеры принялись увѣрять меня, что эти мечи и копья выдѣлываются во всѣхъ портахъ экзотическихъ странъ спеціально и исключительно для наивныхъ туристовъ, сами же со-

временные намъ дикари знаютъ не хуже насъ, что такое Винчестеръ и Маузеръ, и, конечно, ни одинъ дуракъ такой дрянью, какъ пріобрѣтенные мною мечъ и копья — не пользуется. Но я не сомнѣвался, что въ нихъ говорило въ данномъ случаѣ чувство самой низменной зависти и остался при глубокомъ убѣжденіи, что моя покупка составила бы гордость любого этнографическаго музея.

Погрузивъ такой же огромный запасъ угля, какъ и въ Дакарѣ, эскадра наша покинула берега Конго и тронулась дальше на югъ, въ невѣдомую намъ, маленькимъ статистамъ, даль.

Въ Libreville'ѣ мы сдѣлали попытку освободить корабль отъ присутствія сумасшедшаго Титова, но безуспѣшно. Дома для умалишенныхъ въ городкѣ не оказалось, а отходившій въ Европу пассажирскій пароходъ наотрѣзъ отказался принять на свой бортъ столь безпокойнаго пассажира. Пришлось вести бѣднягу дальше. Временами онъ успокаивался, впадая въ глубокую, тихую меланхолію, смѣнявшуюся внезапными вспышками ярости, когда онъ начиналъ кричать истошнымъ крикомъ на весь броненосецъ, выпаливая безсмысленныя фразы, проклятія и ругательства, такъ что снова приходилось облекать его въ сумасшедшую рубаху и привязывать накрѣпко къ койкѣ.

Первымъ для насъ портомъ Южнаго полушарія явился Great Fisch Bay. Въ сущности говоря, тамъ не было никакого порта, а если былъ, то гдѣ нибудь въ глубинѣ огромной бухты, у входа въ которую мы стали на якорь, чтобы не нарушать священнаго нейтралитета Португаліи, которой принадлежали эти воды. Берега — голый песокъ; да и не мудрено, ибо край этотъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ пустыней Колохари.

Но даже въ этомъ дикомъ, точно Богомъ проклятомъ, мѣстѣ мы мозолили кому то глаза! Не успѣли мы стать на якорь, какъ откуда то появилась

маленькая канонерская лодка подъ огромнымъ португальскимъ флагомъ, бросившая якорь неподалеку отъ „Суворова“. Отъ насъ было видно, какъ отъ нея отвалила шлюпка и направилась къ флагманскому броненосцу. Визитъ, впрочемъ, былъ недолгій. Шлюпка вскорѣ же отвалила обратно и португальская лодка со смѣшнымъ названіемъ „Limpopo“ немедленно снялась съ якоря и направилась въ море. Въ тотъ же день мы узнали, что командиръ ея заявилъ отъ имени своего правительства протестъ противъ того, чтобы мы грузились углемъ въ португальскихъ территоріальныхъ водахъ, на что будто бы адмиралъ нашъ отвѣтилъ вопросомъ — не нужно ли его лодкѣ покрасить подводную часть и если да, то онъ немедленно же прикажетъ поднять ее стрѣлой своего броненосца.

Въ бухтѣ мы застали нашихъ пунктуальныхъ поставщиковъ угля нѣмцевъ и немедленно же приступили къ погрузкѣ. Погрузка производилась на этотъ разъ повахтенно. Свободные отъ вахты и погрузки матросы придумали оригинальное развлеченіе: бухта кишѣла акулами, но точно въ насмѣшку надъ ея названіемъ (Great Fisch Bay, по англійски, — „Заливъ Большой рыбы“), — акулами-карликами, размѣры которыхъ не превышали полуметра. Но зато въ бухтѣ ихъ водилось невѣроятное количество. Не успѣвалъ матросъ закинуть крючокъ, какъ на немъ уже болталась акулка. Такъ какъ рыба эта была рѣшительно ни для чего не пригодна за полной ея несъѣдобностью, команда наша придумала оригинальную и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно варварскую забаву: снявъ осторожно съ крючка пойманную акулу, привязывали ей крѣпкой бичевой къ хвосту большой кусокъ пробки и пускали вновь въ воду на волю. Полная еще силъ и сильно напуганная рыба уходила сначала на глубину, ослабѣвала и предательская пробка, въ концѣ

концовъ, появлялась на поверхности воды. За короткій промежутокъ времени масса такихъ пробокъ бродила по поверхности бухты „большой рыбы“, вызывая громкій смѣхъ жестокосердыхъ рыбаковъ.

Подгрузившись углемъ, мы на другой же день покинули негостепріимныя португальскія воды.

На этомъ переходѣ, еще въ очень малыхъ широтахъ южнаго полушарія, въ полныхъ, такъ сказать тропикахъ, начали мы мерзнуть. Причиной этого удивительнаго феномена было то, что мы плыли въ холодномъ Бенгуэльскомъ теченіи. Температура воздуха на самомъ дѣлѣ была далеко не низкой, колеблясь между 15° и 20° С., и въ привычныхъ условіяхъ плаванія въ Балтійскомъ морѣ почиталась бы самой, что ни на есть лѣтней погодой — „подъ китель“, но изнѣженные долгимъ пребываніемъ въ тепличномъ воздухѣ тропиковъ сѣвернаго полушарія, мы самымъ недвусмысленнымъ образомъ начали страдать отъ холода, кутаясь на вахтахъ въ пальто, а по ночамъ и въ мѣховыя тужурки.

У меня же и у моего сожителя мичмана Шупинскаго былъ еще и дополнительный согрѣвательный аппаратъ: это былъ пассажиръ нашей каюты — мартышка „Андрюшка“, который добросовѣстно дѣлилъ вахтенные часы и со мною и со своимъ хозяиномъ. Кто либо изъ насъ, собираясь на вахту, раньше, чѣмъ покинуть каюту, разстегивалъ на груди нѣсколько пуговицъ тужурки и приглашалъ мартышку занять свое мѣсто словами — „Андрюшка, по походному!“ „Андрюшка“ немедленно лѣзъ за пазуху, удобно тамъ располагался, высунувъ лишь изъ борта тужурки свою лукавую мордочку, и отправлялся съ однимъ изъ своихъ хозяевъ „править вахту“.

Увы, эта наша живая грѣлка существовала не долго. Однажды вечеромъ, зайдя въ каюту, мы застали нашего „Андрюшку“ бьющимся въ корчахъ и судо-

рогахъ. На губахъ у него выступила пѣна; животное грустно смотрѣло на насъ своими умными глазками и видимо сильно страдало. Было видно, что нашъ „Андрюшка“ чѣмъ то отравился. Гдѣ и какимъ ядомъ могъ раздобыться въ нашей каютѣ „Андрюшка“? — недоумѣвали мы, пока кто то изъ насъ догадался разжать ему ротъ и полѣзть пальцемъ въ его защечные мѣшки, ибо у него была обычная обезьянья привычка запихивать туда все, что только ни попадалось подъ руку. Загадка сразу же разрѣшилась, когда изо рта обезьянки мы извлекли довольно большое количество „блошекъ“. Эта общеизвѣстная дѣтская игра была пріобрѣтена кѣмъ то изъ насъ еще въ бытность корабля въ Россіи и заброшена до полнаго забвенія о ея существованіи еще задолго до этого трагическаго случая. Оставаясь одинъ въ каютѣ, „Андрюшка“ разыскалъ гдѣ то злополучную коробку съ „блошками“ и, вѣрный свой обезьяней привычкѣ, отправилъ добрую порцію красивыхъ кругляшекъ себѣ въ ротъ. Повидимому, одна изъ красокъ, въ которую выкрашены были „блошки“, оказалась ядовитой и, „Андрюшка“ отравился.

Не теряя ни минуты былъ приглашенъ къ намъ въ каюту нашъ милѣйшій Гаврила Андреевичъ, который и приступилъ къ подачѣ первой помощи отравившемуся животному. Добрый докторъ провозился съ умирающей обезьянкой цѣлую ночь, примѣняя всѣ существующія средства, чтобы спасти звѣрька, но все было напрасно и къ утру „Андрюшки“ не стало.

Пріютившая насъ Great Fisch Bay — Angra Pequeña, была послѣднимъ доступнымъ для насъ убѣжищемъ на западномъ берегу Африки. Бухта эта (земля Герреро) принадлежала нѣмцамъ, а дальше, вплоть до мыса Доброй Надежды, шли уже сплошь англійскія владѣнія. Предстоялъ намъ поэтому огромный переходъ: надо было спуститься къ югу вдоль

западнаго берега, обогнуть „Мысъ бурь“*) и затѣмъ подняться къ сѣверу вдоль восточнаго уже берега до французскихъ владѣній на островѣ Мадагаскарѣ. Въ виду этого намъ предстояло завалить углемъ не только обѣ нижнія палубы — жилую и батарейную, но и каютъ-компанію, и даже погрузить его въ мѣшкахъ на полуютѣ. Хотя то и другое находилось на высотѣ той же батарейной палубы, все же, когда объ этомъ распоряженіи адмирала стало извѣстно нашему корабельному инженеру Костенко, то обычное выраженіе озабоченности на его лицѣ смѣнилось уже непритворнымъ ужасомъ. Онъ попробовалъ было поискать сочувствія у прочихъ офицеровъ, безъ всякаго, однако, успѣха.

Какъ только онъ заикнулся о метацентрической высотѣ и прочихъ кораблестроительныхъ жупелахъ, какъ сейчасъ же послышался чей то иронической голосъ:

— Да, батенька, плаванье — это вамъ не фунтъ изюму. Поплавайте-ка и вы съ нами. А то вы привыкли, господа корабельные инженеры, — тяпъ-ляпъ, построилъ корабль съ метацентрической высотой съ комариную плѣшь, — все равно, не мнѣ, молъ, на немъ плавать. А вотъ, какъ сдѣлаетъ кто-нибудь изъ васъ вмѣстѣ съ нами поворотъ оверъ-киль**), тогда остальные научатся строить корабли какъ слѣдуетъ, особенно, если будутъ знать, что, построивъ корабль, они не останутся почивать на лаврахъ въ Петербургѣ, а получатъ предложеніе итти плавать на посудинѣ своей же постройки...

Не замѣчая явной издѣвки, нашъ молодой и талантливый корабельный инженеръ накалился отъ этихъ словъ до бѣлаго каленія.

*) Старинное названіе мыса Доброй Надежды.

**) Корабль сдѣлалъ поворотъ оверъ-киль — шутливое выраженіе — перевернулся.

— Да, поймите же вы, чортъ возьми, — закричалъ онъ, — что все имѣетъ свои предѣлы! Имѣете ли вы хотя бы отдаленное понятіе о наукѣ, именуемой теорія корабля?

— И даже очень. Меня, государь мой, этой наукѣ училъ въ корпусѣ самъ Бригеръ: у него будешь имѣть не только отдаленное понятіе.

— О чемъ же вы въ такомъ случаѣ со мною спорите и въ чемъ виноваты корабельные инженеры? — искренне изумился Костенко. — Разсудите-ка спокойно, что можетъ случиться, если корабль разсчитанъ на 1100 тоннъ полнаго запаса угля, а въ него запихиваютъ 2500, да еще большую часть этого сумасшедшаго количества накладываютъ выше ватерлиніи!

— Оттого и накладываютъ выше, что проектируя корабль, вы не оставили больше мѣста ниже, — спокойно возразилъ ему его оппонентъ съ самымъ простодушнымъ видомъ.

Тутъ инженерное сердце не выдержало и, плюнувъ въ сердцахъ, онъ ушелъ, чертыхаясь, изъ каютъ-компаніи и отправился искать утѣшенія у единственной сочувствующей ему души — у Арамиса.

Лишившимся каютъ-компаніи офицерамъ командиръ уступилъ свое помѣщеніе, которымъ онъ и такъ на походахъ не пользовался, переселясь въ штурманскую рубку подъ мостикомъ.

Ревѣлъ штормъ, когда мы входили въ Angra Pequeña. Въ плохо защищенную бухту входила съ океана крупная зыбь, на которой качались ожидавшіе уже насъ нѣмецкіе пароходы - угольщики. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что когда нашъ броненосецъ, отдавъ якорь на своемъ мѣстѣ по диспозиціи, сталъ разворачиваться, приходя на канатъ, его чувствительно кренило на подвѣтренный бортъ. Когда же, вытравивъ нужное количество якорнаго каната, попробовали его задержать, онъ, вытянувшись въ струну,

лопнулъ, какъ гнилая каболка. Бросивъ буекъ на мѣстѣ потеряннаго якоря, отдали немедленно второй и, только помогая ему машинами, удалось задержать сучившуюся цѣпь и положить стопора.

О погрузкѣ угля въ такихъ условіяхъ нечего, конечно, было и думать.

Къ вечеру вѣтеръ началъ стихать, но зыбь была еще довольно крупная. Адмиралъ приказалъ сигналомъ послать команды на свои угольщики съ тѣмъ, чтобы, захвативъ съ собою возможное количество пустыхъ угольныхъ мѣшковъ, они насыпали бы ихъ въ трюмахъ пароходовъ углемъ, приготовивъ все къ подъему, какъ только угольщики получатъ возможность ошвартоваться у борта своихъ броненосцевъ.

Съ большимъ трудомъ и рискомъ разбить зыбью шлюпки, спущены были на воду барказъ и паровой катеръ и я получилъ приказаніе отправляться съ назначенными людьми на пароходъ. Въ помощь мнѣ былъ данъ прапорщикъ Андреевъ-Калмыковъ. Процедура пристать къ пароходу и выгрузить на него людей оказалась еще труднѣе, ибо у парохода не было подвѣтреннаго борта: онъ имѣлъ отданными оба якоря и сильно ходилъ на нихъ, подставляя океанской зыбы то одинъ свой бортъ, то другой. И вотъ, когда та сторона, къ которой я присталъ со своими катеромъ и барказомъ, становилась навѣтренной, наступали для меня жуткіе моменты: барказъ и катеръ вскидывало на огромной зыбинѣ чуть ли не въ уровень съ верхней палубой парохода, затѣмъ обѣ мои шлюпки стремительно проваливались въ образующуюся подъ ними бездну и встревоженныя лица перегнувшихся черезъ бортъ своего парохода нѣмцевъ виднѣлись гдѣ то высоко, высоко надъ головой. Люди мои подымались по спущенному съ парохода штормъ-трапу*), операція, которая требовала большой ловко-

*) Штормъ-трапъ — веревочная лѣстница.

сти и представляла серьезную опасность оказаться съ переломанными ногами, если начать подыматься не во время и не успѣть уйти вверхъ отъ стремительно вскидываемой зыбью шлюпки.

Къ счастью, удалось продѣлать всю процедуру выгрузки благополучно, не покалѣчивъ людей и не разбивъ шлюпокъ, и, выбравшись послѣднимъ на палубу нѣмца, озябшій, мокрый и охрипшій, я съ радостнымъ сердцемъ и со вздохомъ облегченія приказалъ катеру отваливать съ барказомъ на броненосецъ, а затѣмъ, когда катеръ отвалилъ, мы долго еще наблюдали съ капитаномъ парохода жуткую картину, какъ эти двѣ скорлупки боролись съ разъяренной стихіей моря, то взлетая на пѣнистый гребень волны, то пропадая въ пропасти между двумя валами.

Озябшая на холодномъ вѣтру и вымокшая команда съ наслажденіемъ полѣзла въ теплые трюмы парохода и энергично принялась за работу, закончивъ ее задолго до того, какъ зыбь и вѣтеръ позволили намъ сняться съ якоря и идти къ броненосцу для погрузки.

Въ маленькой, но уютной каютъ-компаніи строго нѣмецкаго парохода было такъ пріятно сидѣть на мягкомъ диванѣ подъ качающейся керосиновой лампой и, попыхивая сигарой, бесѣдовать со старикомъ-капитаномъ, который, къ большой для меня радости, ибо я не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, — говорилъ по французски, хотя и съ трудомъ. Старикъ, видимо, не менѣе моего былъ радъ свѣжему человѣку и, если мы, въ количествѣ 25 человѣкъ, успѣли надоѣсть другъ другу за долгое плаваніе безъ внѣшнихъ впечатлѣній, то что же можно было сказать про маленькій нѣмецкій пароходъ, каютъ-компанію котораго составляли всего-то 5-6 членовъ. Старикъ-капитанъ до того расчувствовался, что въ концѣ ужина распорядился раскупорить бутылку шампанскаго, ко-

торую мы распили за успѣхъ нашего оружія. Было уже около полуночи, когда я съ наслажденіемъ вытянулся на узкой койкѣ отведенной мнѣ нѣмцемъ каюты и, усыпленный хмѣлемъ выпитаго шампанскаго и мѣрной качкой парохода, заснулъ глубокимъ сномъ.

Меня разбудилъ шумъ работающей лебедки. Пароходъ уже не качался. По доносившимся до меня звукамъ я понялъ, что нѣмецъ выбираетъ якорь. Быстро одѣвшись, я вышелъ на палубу и поднялся на мостикъ. Было чудное раннее утро, мертвый штиль; солнце еще не подымалось, но на рейдѣ все было въ движеніи, справа и слѣва одинъ за другимъ снимались съ якорей угольщики и направлялись къ своимъ кораблямъ. Вотъ подняли якоря и мы, и старикъ капитанъ далъ ходъ машинѣ. Вдругъ откуда то снизу раздался звучный, красивый голосъ и по заштилѣвшему рейду полилась безсмертная серенада Брага. Удивленіе мое возросло еще больше, когда я различилъ французскія слова.

— Кто это? — спросилъ я, пораженный, у капитана.

Старикъ весело улыбался, видимо, довольный произведеннымъ на меня эффектомъ.

— А это нашъ пароходный кокъ, французъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — онъ у меня всегда поетъ, когда разводитъ огонь въ камбузѣ*).

Это чудесное утро такъ ясно запечатлѣлось въ моей памяти, точно я его пережилъ вчера.

Грузили на этотъ разъ мы уголь не долго. Къ полудню вновь ревѣло, какъ наканунѣ, и пароходъ пришлось отпустить до ночи, когда опять заштилѣло. Такъ повторялось нѣсколько дней кряду: съ полудня — штормъ, съ полуночи — штиль. Благо, хозяева этихъ водъ — нѣмцы — насъ не тревожили и мы

*) Кокъ — поваръ, камбузъ — кухня.

могли стоять тамъ, сколько намъ вздумается. Наконецъ, погода установилась окончательно и мы докончили свою погрузку.

Какъ только позволила погода, былъ спущенъ водолазъ и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ потерянный нами якорь. Выбравъ конецъ оборваннаго каната въ клюзъ, мы приклепали его къ цѣпи и остались стоять на потерянномъ было якорѣ, поднявъ и убравъ второй.

Три дня плыли мы еще вдоль западнаго берега Африки, направляясь къ югу. Въ продолженіи всего этого пути имѣли крупную встрѣчную зыбь, которая все увеличивалась по мѣрѣ нашего приближенія къ мысу Доброй Надежды.

Въ Николинъ день, 6 декабря, шли уже въ виду этого знаменитаго мыса, тяжело зарываясь носомъ въ крупную зыбь, крейсера же наши качало уже свирѣпо.

Скверная погода не помѣшала намъ, однако, превесело провести этотъ торжественный день тезоименитства Государя Императора. Въ нашей каютъ-компаніи, къ тому же, изобиловали Николаи и, кромѣ командира, праздновали въ этотъ день свои именины пять офицеровъ.

Вечеромъ была зажжена традиціонная жженка и пропѣтъ весь репертуаръ сольныхъ и хоровыхъ номеровъ, подъ управленіемъ плававшаго у насъ большого музыканта и довольно извѣстнаго въ Россіи композитора, автора популярной баллады „Ермакъ“, — Добровольскаго, занимавшаго на эскадрѣ должность флагманскаго оберъ-аудитора и жившаго у насъ за неимѣніемъ свободнаго помѣщенія на „Суворовѣ“.

Ритуалъ приготовленія жженки строго соблюдался у насъ по разъ навсегда выработанному шаблону. Въ каютъ-компаніи ставилась на столъ ендова и наливалась наполовину соотвѣтствующими напитками. Поверхъ ендовы клались накрестъ два обнаженныхъ кортика и сверху нихъ головка сахару. Передъ ендовой становился лейтенантъ Славинскій, главный мастеръ по приготовленію жженки, вооруженный бутылкой коньяку. По бокамъ его — два ассистента-мичмана. Хоръ собирался вокругъ піанино, за которое садился Добровольскій. Онъ былъ торжественъ и серьезенъ. Раньше, чѣмъ начинать, онъ обычно читалъ намъ наставленіе о томъ, какъ именно нужно пѣть.

— Нужно оттѣнять, господа, смыслъ того, что вы поете, — говорилъ онъ, — а то у васъ все на одинъ ладъ выходитъ. Напримѣръ, вы, Николай Александровичъ, — обращался онъ къ мичману Сакеллари, — у васъ совершенно одинаково выходитъ, поете ли вы

Много лѣтъ, говорятъ,
Это было назадъ...

или же —

Это страшное мертвое тѣло...

— А это нужно пѣть такъ: — и аккомпанируя себѣ на піанино, онъ пѣлъ хриплымъ теноркомъ:

Это стрррашное мерррртвое тѣло...

Мы убѣждались въ томъ, что такъ выходитъ гораздо чувствительнѣе и, репетируя это мѣсто, для усиленія впечатлѣнія простирали руки со скрюченными пальцами и старались изображать на лицахъ выраженіе безграничнаго ужаса.

Наконецъ, репетиція закончена.

— Готово? — раздается нетерпѣливый голосъ лейтенанта Славинскаго.

— Готово!

Старики и безголосая публика, не подпускавшаяся къ піанино, усаживались по кресламъ и диванамъ. Наступала тишина. Послѣ этого тушился свѣтъ и подъ аккомпаниментъ хора, пѣвшаго что нибудь тихое и меланхолическое, начиналось священнодѣйствіе. Славинскій обливалъ голову сахару коньякомъ и поджигалъ его. Коньякъ вспыхивалъ таинственнымъ синеватымъ пламенемъ, которое онъ поддерживалъ непрерывно, подливая изъ бутылки. По мѣрѣ того, какъ разгоралось пламя жженки и все чаще и чаще слышалось шипѣніе падающихъ въ нее капель расплавленнаго сахара, хоръ переходилъ на все болѣе и болѣе бравурныя вещи. Когда же, вслѣдъ за послѣднимъ плескомъ коньяка, вся поверхность ендовы начинала пылать яркимъ синимъ пламенемъ и остававшійся небольшой кусокъ сахару съ громкимъ шипѣніемъ проваливался и исчезалъ въ морѣ огня, — хлопали въ потолокъ пробки шампанскаго, ассистенты Славинскаго, высоко поднявъ бутылки, заливали пѣной французскаго вина пожаръ ендовы, вновь включалось полностью все освѣщеніе, хоръ и піанино гремѣли мощными аккордами и усатые лейтенанты, взявшись за руки, какъ вѣдьмы въ шабашъ на Лысой горѣ, пускались въ плясъ вокругъ длиннаго стола.

— Имениннику — чарочку!

Мы еще не расходились, когда намъ сообщили съ вахты, что эскадра вступила въ Индійскій океанъ и легла на NO.

Этотъ новый океанъ встрѣтилъ васъ въ высшей степени негостепріимно: очень свѣжій SW, близкій по силѣ къ шторму, крупная волна, къ счастью для насъ — попутная. Мысъ Доброй Надежды не оправдалъ своего ласковаго названія.

Съ нашей точки зрѣнія, ему куда болѣе пристало бы сохранить свое древнее названіе „Мыса бурь“, ибо мы вступали въ Индійскій океанъ съ плохими предзнаменованіями. Передъ нашимъ уходомъ изъ Angra Pequeña по эскадрѣ распространился слухъ, что Портъ-Артуръ, а съ нимъ и наша I-ая Тихоокеанская эскадра доживаютъ свои послѣдніе дни; и точно въ подтвержденіе этой скверной вѣсти Индійскій океанъ насъ встрѣтилъ съ гнѣвомъ и яростью, точно не хотѣлъ пускать насъ дальше.

На другой день штормъ ревѣлъ уже во всю. Наши броненосцы высоко вскидывали свои кормы и уходили носами цѣликомъ въ воду, но боковая качка была невелика. Зато на наши крейсера и транспорты жалко было смотрѣть. Въ особенности жуткую картину представлялъ собой крошечный буксиръ „Русь“, но онъ мужественно держалъ свое мѣсто въ строю, взлетая, какъ пробка, на пѣнистый гребень волны и пропадая вдругъ совершенно изъ глазъ между двумя огромными валами.

Но это не было еще апогеемъ шторма; онъ наступилъ на слѣдующій день.

Океанъ представлялъ жуткую и величественную картину. Не только болѣе молодые офицеры признавались, что никогда не доводилось имъ видѣть такой огромной волны, но даже нашъ командиръ, старый морской волкъ, видавшій виды, плававшій по всѣмъ морямъ и океанамъ свѣта, признавался намъ откровенно въ томъ же. Красота картины усиливалась яркимъ солнцемъ на совершенно безоблачномъ небѣ. Выраженіе — „волны ходили, какъ горы“, было уже не фигуральнымъ, а вполнѣ отвѣчающимъ дѣйствительности. Когда между нами и впереди насъ идущимъ „Бородино“ вставала волна, мы съ мостика не видѣли даже его мачтъ; то же самое было и съ идущимъ позади насъ „Ослябей“, и это — несмотря

на короткое между нами разстояніе въ какихъ нибудь два кабельтова и на солидную высоту нашего передняго мостика надъ водой. На полуютъ нельзя уже было посылать людей, ибо мы брали уже ютомъ воду. Съ грустью смотрѣли мы, какъ безпощадное море слизывало мѣшокъ за мѣшкомъ сложенный на полуютѣ уголь, который мы еще не успѣли убрать въ ямы. Внутри броненосца повсюду ходила вода, переливаясь съ глухимъ рокотомъ съ борта на бортъ при размахахъ качки.

Послѣ смерти своего любимца „Андрюшки“ мой сожитель получилъ съ какого то корабля въ подарокъ и въ утѣшеніе отъ одного изъ своихъ друзей щенка, который занялъ опустѣвшія послѣ „Андрюшки“ мѣста въ нашей каютѣ и въ нашихъ сердцахъ. Зайдя зачѣмъ то въ каюту, я остолбенѣлъ отъ представившейся мнѣ картины: въ каютѣ, какъ и повсюду внутри корабля, было по щиколотку воды; въ тотъ моментъ, когда я открылъ дверь, броненосецъ сильно накренило, вода съ глухимъ рокотомъ полилась въ сторону крена и изъ подъ койки выплылъ огромный сапогъ Шупинскаго, за который судорожно цѣплялся, какъ за спасательный приборъ, нашъ щенокъ „Бобикъ“, о существованіи котораго мы совершенно забыли въ пылу горячей работы. „Бобикъ“ съ сапогомъ, сопровождаемые болѣе мелкими предметами, увлекаемые потоками воды, быстро проплыли мимо меня и очутились въ противоположномъ углу каюты въ ожиданіи, когда обратный размахъ броненосца снова загонитъ ихъ подъ койку. Я не сталъ, конечно, ожидать того же и извлекъ мокраго и дрожащаго щенка изъ компаніи сапогъ, туфель, щетокъ и прочихъ неодушевленныхъ предметовъ, которые могли продолжать плавать, сколько имъ было угодно. Вытеревъ и приласкавъ дрожавшую и жалобно повиз-

гивавшую собачку, я положилъ ее на койку, закутавъ въ старые брюки ея хозяина.

Не загляни я въ каюту, что легко могло случиться еще долгое время, „Бобикъ“ нашъ, безъ сомнѣнія, утонулъ бы. И это случилось бы еще раньше, не попадись ему подъ лапы гордость ихъ хозяина — знаменитые сапоги „Нансена“, которыми любилъ похвастать мичманъ Шупинскій. Это были дѣйствительно чудесные сапоги, въ которые нога уходила цѣликомъ, до бедеръ, теплые, непромокаемые, и въ которыхъ хозяинъ ихъ щеголялъ въ холодныя и сырыя вахты въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Онъ называлъ ихъ сапогами „Нансена“ потому, что видѣлъ гдѣ то на какой то фотографіи этого знаменитаго полярнаго путешественника точно въ такихъ же сапогахъ.

Работы въ тотъ день было всѣмъ по горло. Кромѣ непрерывной обычной уборки угля съ палубъ внизъ, надо было крѣпить пушечные порта, ставить подпоры, забивать клинья и т. п. Боже упаси, если бы волной вышибло хотя бы одинъ портъ! Корабль неминуемо бы погибъ. Нашъ Костенко съ озабоченнымъ лицомъ носился по броненосцу и по-часту совѣщался съ Арамисомъ.

Днемъ, стоя на вахтѣ, я имѣлъ случай воочію убѣдиться въ страшной силѣ океанской волны. У „Суворова“, высоко на боканцахъ, висѣлъ спасательный 14-весельный катеръ. Обычно на походѣ всѣ шлюпки убирались внутрь и ставились на рострахъ въ свои гнѣзда на спардекѣ. Оставлялась висѣть на шлюпъ-балкахъ лишь одна изъ шлюпокъ, чтобы ее можно было быстро спустить на воду въ случаѣ паденія человѣка за бортъ. И вотъ, такая дежурная шлюпка и висѣла высоко съ праваго борта „Суворова“. Вотъ я увидѣлъ, какъ подъ корму „Суворова“ подкатилъ огромный валъ, задралъ ему высоко корму и, пѣнясь и играя, понесъ громадину въ 15.000 тоннъ,

обгоняя его и постепенно облизывая его правый бортъ, — повидимому, рулевой не удержалъ на румбѣ и уклонился чуть вправо; вотъ пѣнистая верхушка волны уже подъ висящей шлюпкой, и въ слѣдующій затѣмъ моментъ мы ясно увидѣли, какъ въ воду посыпались мелкіе обломки, а на шлюпъ-балкахъ болтались только шлюпочные тали. Валъ же, точно сдѣлавъ нужное дѣло, весело бѣжалъ уже дальше. Черезъ нѣсколько мгновеній вдоль нашего праваго борта проплыли анкерки, весла, банки и просто деревянная щепа.

Я чуть не перекрестился, какъ деревенская баба, и мысленно проговорилъ: „Господи, спаси насъ и помилуй!“

Бѣднягѣ „Руси“ стало уже не въ моготу. Онъ испросилъ сигналомъ и получилъ разрѣшеніе адмирала увеличить ходъ и измѣнить нѣсколько курсъ, чтобы подойти ближе къ берегу и укрыться подъ нимъ отъ огромной зыби.

Передъ заходомъ солнца транспортъ „Малайя“, который на эскадрѣ иначе не называли, какъ „калѣкой“, изъ за постоянныхъ приключавшихся у него поломокъ, вѣрный себѣ, поднялъ сигналъ объ очередной поломкѣ въ его машинѣ и о необходимости для ея починки застопорить машину. На этотъ разъ, конечно, мы не стали его ожидать, какъ это дѣлали раньше, и предоставили его самому себѣ. Какъ сейчасъ вижу этотъ огромный транспортъ, освѣщенный багровыми лучами заходящаго солнца, вздыбленный на огромной зыбинѣ, стоящій съ застопоренной машиной между двумя колоннами проходящей мимо него эскадры. Онъ весь расцвѣтился какимъ то длиннымъ сигналомъ, а на бакѣ у него былъ поднятъ кливеръ, который, однако, несмотря на свирѣпый вѣтеръ, мало помогалъ ему, и несчастная „Малайя“ упорно стояла лагомъ къ зыби. Скоро она осталась далеко позади и постепенно скрылась въ быстро сгущающихся су-

меркахъ. Ей удалось присоединиться къ эскадрѣ лишь черезъ нѣсколько дней, когда мы стояли уже у Мадагаскара.

Къ ночи начало стихать и вѣтеръ задулъ порывами. Еще черезъ день или два стихло совершенно, но взбудораженное море долго еще ходило сердитыми валами, какъ бы все еще не желая успокоиться послѣ свирѣпой вспышки гнѣва.

На одиннадцатый день этого бурнаго плаванія мы плыли вдоль береговъ Мадагаскара, а еще черезъ день бросили свои омытые сѣдыми валами Индійскаго океана якоря между восточнымъ берегомъ этого острова и небольшимъ островкомъ S. Mary.

ГЛАВА VI.

Вѣсти, слухи и сплетни. Гдѣ Фелькерзамъ? Дозорная служба на Мадагаскарѣ. Я получаю невыполнимое порученіе. Бѣдный Гирсъ. Я арестованъ. Нѣтъ худа безъ добра. Переходъ въ Nossi-Bé. Болѣзнь командира. Мы учимся стрѣлять. Капитанъ 2 ранга К. и его статьи въ „Новомъ Времени". Какъ мы получили первую почту.

Съ каждой новой постановкой на якорь, какъ только начиналось сообщеніе между судами, немедленно же по эскадрѣ начинали циркулировать вѣсти достовѣрныя, слухи полудостовѣрные и сплетни — абсолютно невѣроятныя. Первыя получались путемъ чисто офиціальнымъ, приказами адмирала, сообщеніями командира и т. п. Вторые — путемъ неофиціальнымъ, черезъ попадающія иногда на корабль мѣстныя газеты или по разсказамъ офицеровъ, посѣщающихъ своихъ друзей и товарищей, служащихъ въ Штабѣ адмирала. Какъ возникаютъ третьи, — это извѣстно всѣмъ и каждому и лучше всего характеризуется поговоркой — „сорока на хвостѣ".

Съ приходомъ на Мадагаскаръ на насъ хлынула цѣлая лавина извѣстій всѣхъ трехъ родовъ. Къ числу сообщеній, къ несчастью абсолютно достовѣрныхъ, относилось извѣщеніе кораблей о гибели нашей I Тихоокеанской эскадры, разстрѣлянной японцами со взятой ими штурмомъ Высокой Горы.

Итакъ, мы становились одинъ на одинъ со всѣмъ японскимъ флотомъ! Судьба самой крѣпости Портъ-Артуръ послѣ этого переставала уже насъ интересовать. Это печальное извѣстіе сильно сгладило остроту впечатлѣнія отъ другого, также офиціально намъ сообщеннаго, что отрядъ японскихъ крейсеровъ про-

шелъ Малаккскій проливъ и появился въ Индійскомъ океанѣ. Базой этого отряда указывались Сешельскіе острова, принадлежащіе англичанамъ.

Общій вопросъ, который у всѣхъ былъ на устахъ — „а гдѣ же Фелькерзамъ?“

Въ первые дни нашего пребыванія на Мадагаскарѣ объ этомъ не зналъ даже самъ Рожественскій. На нашей эскадрѣ въ эти дни чувствовалась какая то безтолочь и даже растерянность. На наше несчастье стояли мы на якорѣ вдали отъ береговъ, въ очень широкомъ проливѣ между двумя островами и нигдѣ поблизости не было даже телеграфной станціи, при помощи которой мы могли бы сноситься съ остальнымъ міромъ. Хотя черезъ нѣсколько дней мы и перемѣнили якорное мѣсто и стали ближе къ берегу, это не измѣнило въ лучшую сторону нашего положенія полной оторванности отъ культурныхъ центровъ. Для сношеній по телеграфу адмиралъ посылалъ буксирный пароходъ „Русь“, который временами куда то уходилъ и снова возвращался къ эскадрѣ.

Всякій разъ съ приходомъ „Руси“ по эскадрѣ распространялась новая волна вѣстей и слуховъ. Въ разсказахъ офицеровъ начали фигурировать новыя, невѣдомыя намъ дотолѣ названія: Таматава, Тананарива, Діэго-Суарецъ... Наконецъ, стало очень часто повторяться какое то Nossi-Bé, оказавшееся, въ концѣ концовъ, мѣстомъ пребыванія отряда адмирала Фелькерзама. Кинулись къ картамъ и отыскали въ сѣверо-западномъ углу Мадагаскара это таинственное Nossi-Bé. Послѣ этого въ каютъ-компаніи усиленно сталъ дебатироваться вопросъ, пойдетъ ли гора къ Магомету, или же Магометъ къ горѣ, иначе говоря, — пойдемъ ли мы на присоединеніе къ Фелькерзаму, или же — онъ къ намъ.

Дурныя вѣсти съ театра войны, полная неизвѣстность даже ближайшаго будущаго, непрерывная

напряженная бдительность, просто физическая усталость отъ „полярно-тропическаго“ расписанія, усугубляемая парниковымъ воздухомъ Мадагаскара, — всѣ эти обстоятельства сильно отражались на нервахъ личнаго состава, въ особенности на командирахъ. Нашъ командиръ превратился въ какой то сплошной обнаженный нервъ, малѣйшее прикосновеніе къ которому вызывало сильное и подчасъ бурное раздраженіе. Такъ какъ въ близкомъ и непосредственномъ контактѣ съ этимъ нервомъ по роду занимаемаго имъ положенія на борту броненосца находился Арамисъ, то на немъ чаще всего и разражалась болѣзненная нервность командира. Бѣдный Арамисъ даже поблѣднѣлъ и осунулся. Мы, мелкая сошка, по мѣрѣ возможности, старались просто не попадаться на глаза командиру, хотя его настроеніе рикошетомъ, черезъ Арамиса, отражалось и на насъ: долженъ же былъ и Арамисъ отводить на комъ нибудь свою душу! Но это было еще съ полъ-бѣды.

Однако, отъ времени до времени доводилось и намъ попадать непосредственно подъ гнѣвную руку Юнга. Такой случай произошелъ со мной наканунѣ сочельника 1904 года.

Въ этотъ день выяснилось, что Магометъ не въ состояніи идти къ горѣ, ибо фелькерзамовская калѣчь стояла чуть ли не съ разобранными машинами, зачинивая многочисленныя поломки послѣ длительнаго перехода, и гора рѣшилась сама тронуться къ Магомету: эскадрѣ нашей приказано было готовиться къ походу въ Nossi-Bé, въ каковой походъ мы должны были двинуться утромъ слѣдующаго дня.

Къ заходу солнца на нашемъ кораблѣ все было готово къ походу: всѣ шлюпки были подняты и убраны на ростры, кромѣ дежурнаго миннаго катера, долженствующаго идти на ночь въ дозоръ. Ночная дозорная служба минныхъ катеровъ была одной изъ

мѣръ предосторожности противъ внезапной ночной атаки эскадры непріятелемъ. Съ полученіемъ извѣстія о проходѣ Малаккскаго пролива японскими крейсерами и о возможности существованія японской базы на Сешельскихъ островахъ, бдительность на эскадрѣ была удвоена.

На все время нашего пребыванія на Мадагаскарѣ былъ разъ навсегда заведенъ слѣдующій порядокъ: съ момента захода солнца корабли прекращали сообщеніе не только съ берегомъ, но и между собой; по пробитіи тревоги корабль приготовлялся къ отраженію минной атаки: къ орудіямъ подкатывались телѣжки со снарядами, орудія заряжались, усиливалась сигнальная служба, орудійная прислуга должна была спать у своихъ пушекъ, ставились сѣти Булливана.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались и мѣры внѣшняго охраненія, которыя заключались въ томъ, что на ночь посылался въ море дозоръ изъ четырехъ минныхъ катеровъ; они крейсировали всю ночь, каждый — въ отведенномъ ему раіонѣ у входа на рейдъ, на которомъ стояла эскадра, охраняя и наблюдая подходы къ рейду съ моря, и лишь со свѣтомъ возвращались на свои корабли. Обязанность катеровъ была контролировать идущія съ моря на рейдъ суда и, въ случаѣ появленія непріятеля — атаковать его.

Въ инструкцію офицера, назначаемаго командиромъ дозорнаго катера, входилъ, между прочимъ, пунктъ, согласно которому катеръ ни въ коемъ случаѣ и что бы ни случилось, не имѣлъ права, подъ страхомъ быть разстрѣляннымъ своими же, возвращаться ночью къ эскадрѣ. Этотъ параграфъ инструкціи слегка нервировалъ насъ (командирами катеровъ въ ночные дозоры ходили, конечно, мы, многострадальные мичмана) — въ особенности, когда погода была ненадежной и можно было ждать свѣжаго вѣтра. Крейсировать приходилось зачастую на открытомъ

плесѣ, гдѣ на просторѣ ходила океанская зыбь, и сознаніе, что ты лишенъ права укрыться раньше свѣта въ бухтѣ, даже въ случаѣ серьезной опасности быть поглощеннымъ разъяренной стихіей, — не могло не подымать настроенія.

Наканунѣ нашего ухода въ Nossi-Bé выпала моя очередь идти въ дозоръ. Незадолго до захода солнца катеръ мой былъ уже готовъ, покачиваясь у трапа и я внизу заканчивалъ послѣднія приготовленія, запасаясь кой-какой провизіей на ночь, когда меня вызвали наверхъ къ командиру. Поднявшись на верхнюю палубу я засталъ его совѣщавшимся о чемъ то съ Арамис'омъ и когда я подошелъ къ нему, приложивъ руку къ козырьку фуражки въ ожиданіи приказаній, онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Отправляйтесь сейчасъ же на дозорномъ катерѣ на „Орелъ“ (госпитальный) и привезите лейтенанта Гирса.

Я взглянулъ на совсѣмъ низко склонившееся надъ горизонтомъ солнце и увидѣлъ, что до его захода оставалось всего какихъ нибудь 10 минутъ. „Орелъ“ же стоялъ отъ насъ дальше всѣхъ прочихъ кораблей эскадры, подъ самымъ берегомъ, и я ясно видѣлъ, что мнѣ никакъ не успѣть сходить туда и вернуться обратно раньше, чѣмъ солнце скроется за горизонтомъ, моментъ, когда я долженъ былъ уходить въ дозоръ. Нашъ адмиралъ строго требовалъ, чтобы одновременно съ командой — „флагъ и гюйсъ спустить“, дозорные катера отваливали бы отъ своихъ кораблей и уходили по назначенію.

Я хотѣлъ было обратить вниманіе командира на это обстоятельство и навѣрное такъ и сдѣлалъ бы, несмотря на категорическій тонъ полученнаго приказанія и на рискъ быть оборваннымъ обычной фразой раздражительныхъ начальниковъ — „Исполняйте полученное вами приказаніе и не разсуждайте“, — если

бы мы были одни съ командиромъ. Но присутствіе молчавшаго Арамиса („онъ то видитъ, что мнѣ не успѣть до захода солнца дойти до «Орла» и вернуться обратно“, — думалъ я) заставило меня прикусить языкъ и отвѣтить лаконическимъ „есть“.

— Мое дѣло маленькое, — мелькало у меня въ головѣ, когда я сбѣгалъ по трапу въ катеръ, — долженъ дѣлать то, что приказано.

— Отваливай, на госпитальный „Орелъ“! — приказалъ я рулевому.

Высокій, худой и жилистый строевой унтеръ-офицеръ латышъ Ляосъ короткимъ крюкомъ оттолкнулъ корму катера отъ трапа и взялся за ручки штурвала.

— Впередъ! Полный! — и мы побѣжали въ глубину бухты. На сердцѣ у меня было неспокойно, точно въ предчувствіи недобраго. Проходя мимо судовъ эскадры, я видѣлъ у лѣвыхъ траповъ броненосцевъ стоявшіе уже наготовѣ дозорные катера и съ безпокойствомъ наблюдалъ за огромнымъ багровымъ дискомъ солнца, быстро опускающимся къ горизонту.

Лейтенантъ Гирсъ, нашъ второй артиллерійскій офицеръ, безъ котораго командиръ не хотѣлъ уходить въ море, въ день нашего прихода на Мадагаскаръ сильно повредилъ себѣ чѣмъ то руку и лѣчился на „Орлѣ“. Онъ находился на палубѣ госпитальнаго судна, когда я съ полнаго хода подошелъ къ его трапу и, еще издали завидѣвъ его высокую, сухощавую фигуру, крикнулъ ему:

— Скорѣе, Александръ Владиміровичъ, собирайтесь! Завтра утромъ уходимъ въ море и командиръ приказалъ вамъ возвращаться на броненосецъ.

Сборы Гирса были очень недолги. Это былъ настоящій морской офицеръ, не привыкшій копаться никогда и ни въ чемъ. Но если бы даже на его мѣстѣ былъ нашъ увалень-ревизоръ Бурнашевъ, одной

моей фразы — „командиръ приказалъ“ — было бы достаточно, чтобы заставить его собраться съ молніеносной быстротой.

Но, увы! Какъ ни торопился Гирсъ и какъ ни быстро спустился ко мнѣ въ катеръ, я былъ еще у трапа „Орла“, когда красный дискъ солнца скрылся за горизонтомъ, послалъ намъ свой прощальный зеленый лучъ, и на корабляхъ медленно и торжественно спустили флаги. Возвращаясь полнымъ ходомъ на броненосецъ, я видѣлъ, какъ уходили въ море дозорные катера. Гирсъ еще не совсѣмъ оправился и рука его, незадолго передъ тѣмъ оперированная, все еще была на перевязи. Будь онъ уже совершенно здоровымъ, я предложилъ бы ему раздѣлить со мною ночь въ дозорѣ и отъ „Орла“ пошелъ бы прямо въ море. Но какъ везти его съ перевязанной рукой, съ повышенной, какъ онъ мнѣ говорилъ, температурой, въ океанъ, гдѣ мой катеръ, на которомъ негдѣ было даже прилечь, всю ночь будетъ швырять, какъ щепку, на океанской зыби? Съ другой стороны, вѣдь я же получилъ точное и опредѣленное приказаніе привезти Гирса на броненосецъ.

Эти мысли роились въ моей головѣ, когда я полнымъ ходомъ возвращался на броненосецъ, съ безпокойствомъ взглядывая на быстро темнѣющее небо. Зная, что съ заходомъ солнца на кораблѣ поставлены уже сѣти, я шелъ подъ корму броненосца, разсчитывая высадить Гирса на балконъ командирскаго помѣщенія. Но не тутъ то было: когда мы были уже недалеко отъ броненосца, я увидѣлъ вдругъ бѣгущаго по полуюту къ кормѣ вахтеннаго начальника. Вотъ онъ подбѣжалъ къ поручнямъ и приставилъ къ губамъ рупоръ:

— Идите въ дозоръ! — донесся до меня его голосъ.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Гирса.

— Не обращайте, пожалуйста, вниманія и идите къ броненосцу, — сказалъ онъ мнѣ сердито. Повидимому, перспектива ночного дозора ему ни съ какой стороны не улыбалась. Я продолжалъ итти къ броненосцу. Вотъ до него остается какой нибудь десятокъ-другой саженъ, я уже собираюсь стопорить машину, какъ на спардекѣ появляется маленькая фигурка командира, который быстро сбѣгаетъ по трапу, ведущему на ютъ, и бѣжитъ къ кормѣ, воздѣвая руки къ небу. За нимъ поспѣшаетъ грузная фигура Арамиса. Они оба что то кричатъ мнѣ, что — я не могу разобрать, такъ какъ ихъ заглушаетъ голосъ вахтеннаго начальника, не перестающаго кричать въ рупоръ свое неизмѣнное — „идите въ дозоръ!“ Наконецъ, я различаю изступленный, рѣзкій крикъ командира — „кто вамъ разрѣшилъ вернуться?“... и рѣшаю, что дѣло Гирса окончательно проиграно. Я уже не смотрю на него вопросительно, а рѣшительно командую рулевому: — „лѣво на бортъ, самый полный ходъ, въ дозоръ!“

Проходя вдоль юта корабля, я все еще слышу изступленное тріо — командира, Арамиса и вахтеннаго начальника. Этотъ почему то раздражалъ меня болѣе всего: — ты-то чего кричишь теперь, мерзавецъ? — думалъ я, привѣтствуя, при проходѣ мимо, орущее начальство почтительнымъ отданіемъ чести и стараясь уже не слышать, что именно кричало мнѣ тріо, вполнѣ увѣренный, что ничего пріятнаго все равно не услышу. Слава Богу, ютъ остался позади, и тріо стихло. Прохожу вдоль моей средней батареи; сейчасъ пройду бакъ и корабль останется у меня за кормой, тогда могутъ себѣ кричать, сколько угодно. Вдругъ новыя вопли.

— Это еще что такое? — мелькаетъ въ моей головѣ недоумѣнная мысль, и въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе я вижу высунувшееся въ огромный иллю-

минаторъ лазаретной каюты исхудавшее лицо Титова, и вслѣдъ намъ несется истошный крикъ сумасшедшаго и безумный хохотъ:

— Поѣзжайте, господа, поѣзжайте! Ха-ха-ха-ха...

Только когда нашъ броненосецъ остался далеко позади, я рѣшился взглянуть на бѣднаго Гирса. Хотя совѣсть моя была совершенно спокойна и я отнюдь не считалъ себя въ чемъ либо передъ нимъ виновнымъ, все же я испытывалъ чувство какой то неловкости безъ вины виноватаго человѣка. Гирсъ сидѣлъ, мрачно вперивъ взоръ въ одну точку и молчалъ. Чтобы нарушить это тягостное молчаніе и нѣсколько отвлечь его мрачныя мысли, я спросилъ его:

— Успѣли вы хоть поужинать то?

— Кой чортъ успѣлъ! — съ раздраженіемъ отвѣтилъ онъ. — Мы какъ разъ должны были садиться ужинать, когда вы пришли за мной.

— Ну, это не бѣда, — утѣшилъ его я, — у меня найдется кое что закусить, а потомъ мы съ Ляосомъ придумаемъ вамъ и ложе, чтобы вы могли поспать. Оно, конечно, здѣсь не такъ, чтобы ужъ очень было удобно, будетъ вамъ немножко коротко, — и наградилъ же Богъ васъ ростомъ! — ну, да какъ нибудь скоротаемъ ночь. Погода, слава Богу, тихая и болтать будетъ не сильно.

Когда мы пришли на назначенное намъ мѣсто, было уже совсѣмъ темно. Ляосъ сервировалъ намъ нашъ незатѣйливый ужинъ, основу котораго составляло „тѣло покойнаго бригадира“*) и коробка сардинъ. На безоблачномъ небѣ взошла луна и по тихой поверхности моря до самаго горизонта легла и заиграла лунная дорожка. Море спокойно дышало ровной и пологой зыбью, на которую легко всходилъ, почти не качаясь, мой маленькій катеръ. Видимость была

*) Такъ во флотѣ въ шутку называли мясные консервы — corned beef.

отличная и все обѣщало тихую и спокойную ночь. Приказавъ рулевому ходить самымъ малымъ ходомъ и держаться ближе къ берегу, чтобы, укрываясь въ его тѣни, катеръ не такъ былъ бы замѣтенъ съ моря, я пригласилъ моего невольнаго спутника раздѣлить со мною мою скромную трапезу.

Царившая вокругъ насъ глубокая тишина, нарушаемая лишь глухимъ, монотоннымъ постукиваніемъ машины да тихой бесѣдой моихъ матросовъ и красота тропической ночи постепенно успокоили наши взбудораженные нервы. Густой и сочный басъ Гирса звучалъ все спокойнѣе и спокойнѣе, нотки раздраженія пропадали, содержаніе его рѣчи, изъ совершенно непечатнаго вначалѣ, становилось допустимымъ для ушей дѣтей все болѣе младшаго возраста и, наконецъ, могло уже смѣло появиться на страницахъ „Родного Слова“ Ушинскаго.

Намъ досаждала лишь страшная сырость. Все вокругъ насъ было не только влажно, но и мокро, точно только что смочено водой. Вскорѣ послѣ ужина Гирса начала трясти лихорадка и я уговорилъ его лечь. Съ большимъ трудомъ устроили мы съ Ляосомъ изъ подручнаго матеріала подобіе горизонтальной плоскости по діагонали кормового помѣщенія катера, но и діагональ оказалась короткой для длинноногаго Гирса. Но это уже было непоправимо — не прорубать же было въ борту дыру для его ногъ! A la guerre — comme à la guerre, и мой бѣдный пассажиръ, кряхтя и долго приспосабливая свое тощее и длинное тѣло и больную, на перевязи руку, кое какъ примостился, наконецъ, на своемъ прокрустовомъ ложѣ, послѣ чего я укрылъ его брезентовымъ пушечнымъ чехломъ, и больной задремалъ. Я же, взобравшись на машинный кожухъ неподалеку отъ рулевого, углубился въ свои мысли, посматривая въ даль, по направленію къ морю, откуда могъ появиться коварный врагъ.

Когда луна поблѣднѣла, какъ лицо Арамиса при вспышкѣ командирскаго гнѣва, посѣрѣлъ востокъ и одна за другой стали гаснуть звѣзды, я далъ полный ходъ машинѣ и направился къ броненосцу. Коротки тропическія сумерки: не успѣлъ я еще пристать къ трапу, какъ изъ за горизонта брызнули уже горячіе лучи и показалось солнце. Всѣ корабли сильно дымили и на нихъ замѣтна была суета, обычная передъ съемкой съ якоря. Когда мы съ Гирсомъ поднялись на палубу, насъ встрѣтилъ Арамисъ словами:

— Обождите спускаться. Сейчасъ выйдетъ командиръ. Онъ хочетъ съ вами говорить.

Разговоръ оказался краткимъ и лаконическимъ.

Когда, при появленіи командира, мы подняли руки къ козырькамъ фуражекъ, онъ быстрыми шагами подошелъ къ намъ и, не здороваясь съ нами, проговорилъ, обращаясь къ Гирсу:

— Объявляю вамъ строгій выговоръ за долгіе сборы. — И затѣмъ, обернувшись ко мнѣ:

— А васъ я арестовываю... — и, рѣзко повернувшись, пошелъ на мостикъ.

Мы молча пошли внизъ; Гирсъ, мрачно насупившись, я — съ трудомъ сдерживая... бурную радость. Во мнѣ молчали всѣ, столь естественныя въ такомъ положеніи чувства: не было даже намека ни на раздраженіе, ни на чувство оскорбленнаго самолюбія, не было мѣста даже простому недоумѣнію — за что? Въ мозгу сидѣла лишь одна безумно радостная мысль: „сейчасъ я лягу спать и буду спать сколько мнѣ угодно, сутки, двое, трое сутокъ!..“

Быстро спустившись къ себѣ въ каюту, я досталъ свою саблю и понесъ ее Арамису*). Онъ былъ у себя, когда я, постучавшись, вошелъ къ нему въ каюту.

*) У арестованнаго офицера отбирается его сабля, которая на кораблѣ хранится въ каютѣ старшаго офицера, пока длится арестъ.

Увидѣвъ меня съ саблей въ рукѣ, онъ выразилъ на своемъ лицѣ глубочайшее изумленіе.

— Я арестованъ командиромъ, Константинъ Леопольдовичъ, — сказалъ я, протягивая ему саблю.

Арамисъ еще болѣе вытаращилъ на меня глаза и, лишь послѣ долгой паузы и какъ то нерѣшительно, проговорилъ:

— Хорошо-съ. Поставьте саблю сюда, въ уголъ, и отправляйтесь къ себѣ въ каюту.

Недоумѣніе Арамиса мнѣ было вполнѣ понятно, ибо арестъ офицера въ условіяхъ нашего плаванія былъ полнѣйшимъ абсурдомъ. Это было уже не наказаніемъ, а скорѣе наградой. Обычно, главная непріятность ареста, оставивъ въ сторонѣ чисто моральную сторону наказанія, заключалась въ лишеніи офицера возможности съѣзда на берегъ. Въ то время же мы берега и такъ не видѣли; зато арестованный освобождался отъ непрерывной и днемъ и ночью работы и вахтенной службы и могъ отдыхать и спать сколько душѣ угодно.

Этотъ случай ареста офицера былъ первымъ на нашемъ кораблѣ. Его абсурдность и полная безпричинность ясно говорили, что въ психикѣ переутомленнаго и до крайности изнервничавшагося командира не все обстояло благополучно. Повидимому эти мысли и бродили въ головѣ Арамиса, когда онъ съ такимъ недоумѣніемъ и, какъ будто даже растерянностью, принималъ саблю. Я же самъ, въ то время, объ этомъ мало задумывался.

Въ мгновеніе ока я былъ уже у себя въ каютѣ, и, раздѣваясь, чтобы лечь въ койку, велъ слѣдующій разговоръ съ моимъ сожителемъ, мичманомъ Шупинскимъ:

— Ты что же это раздѣваешься? — удивленно спросилъ онъ меня: — вѣдь черезъ полъ-часа съемка съ якоря.

— Это ты будешь сниматься съ якоря, а я буду спать.

— Что это значитъ? Ты съ ума сошелъ?

— Кто то, повидимому, сошелъ съ ума дѣйствительно, только не я.

— Да объясни же, чортъ возьми, что все это значитъ?

— Это значитъ, что я арестованъ, вотъ и все.

Мой Андрей даже подскочилъ отъ изумленія на своей койкѣ, на которой онъ сидѣлъ, болтая ногами.

— Не можетъ быть! Съ пикой?*).

— Не знаю. Это меня совершенно не интересуетъ.

— Но за что же, все таки, тебя вонзили?

— А это я тоже не знаю, и въ данный моментъ, откровенно тебѣ говоря, это меня также не интересуетъ.

Андрей нѣкоторое время молча смотрѣлъ на меня, какъ бы что то соображая и, вдругъ, въ сердцахъ сплюнулъ и громко выругался.

— То есть чортъ знаетъ, какъ тебѣ везетъ! Недаромъ я всегда говорилъ, что ты феноменальнаго счастья человѣкъ! Нѣтъ, какъ вамъ это понравится: мы будемъ стоять вахты, грузить уголь и прочую дрянь, ходить въ дозоры, а ты будешь дрыхнуть.

— Да ужъ въ этомъ не сомнѣвайся, — сказалъ я, вытягиваясь съ наслажденіемъ на койкѣ: — скажи, голубчикъ, вѣстовому, чтобы разбудилъ меня въ 11 часовъ и принесъ бы мнѣ обѣдать въ каюту. И — кланяйся тамъ, на вахтѣ, нашимъ...

Дальнѣйшихъ гнѣвныхъ репликъ моего сожителя я уже не слышалъ, такъ какъ спалъ уже сномъ младенца.

---

*) „Съ пикой" — на мичманскомъ жаргонѣ — означаетъ съ приставленіемъ часового. Въ случаѣ серьезнаго проступка, къ каютѣ арестованнаго офицера приставляется часовой съ ружьемъ.

Въ обѣденный часъ меня съ трудомъ добудился вѣстовой. На столѣ моей каюты былъ накрытъ для меня приборъ. Я вскочилъ съ койки въ самомъ благодушномъ настроеніи духа. Подойдя къ иллюминатору, выглянулъ наружу. Мы были уже въ открытомъ морѣ, но эскадра стояла съ застопоренными машинами. — „Должно быть у кого нибудь произошла какая нибудь поломка“, — подумалъ я, увидѣвъ эту, столь обычную на походѣ картину. Въ иллюминаторъ мнѣ были видны нѣкоторые изъ кораблей нашей эскадры съ поднятыми подъ самыя реи конусами*); у нѣкоторыхъ, изъ предохранительныхъ клапановъ травился паръ — видимо эскадра только что передъ тѣмъ застопорила машины.

Вдругъ, среди столь привычныхъ силуэтовъ судовъ нашего отряда, я увидѣлъ одинъ, который не сразу смогъ распознать въ томъ ракурсѣ, въ которомъ корабль этотъ былъ къ намъ повернутъ; его медленно разворачивало теченіемъ и, наконецъ, я увидѣлъ стройный силуэтъ красавицы „Свѣтланы“ — крейсера изъ отряда адмирала Фелькерзама. Зашедшій въ это время въ каюту Шупинскій сообщилъ мнѣ, что мы только что встрѣтились въ морѣ съ высланными, повидимому, намъ навстрѣчу адмираломъ Фелькерзамомъ „Свѣтланой“ и двумя миноносцами.

— Чего же мы стоимъ?

— Транспорты берутъ миноносцы на буксиръ.

Наскоро пообѣдавъ, я снова принялъ горизонтальное положеніе, и прежде чѣмъ эскадра дала ходъ машинамъ, вновь спалъ глубокимъ сномъ. Когда я проснулся въ слѣдующій разъ, было уже темно. Надо мной стоялъ вѣстовой и предлагалъ мнѣ поужинать. Ужинъ занялъ еще меньше времени, нежели обѣдъ, и перерывъ въ моемъ непробудномъ снѣ оказался поэтому еще короче, нежели днемъ. Былъ снова яркій

*) Знакъ, что у корабля застопорена машина.

солнечный день, когда меня разбудилъ громкій стукъ въ двери моей каюты.

— Войдите! — крикнулъ я весело, но лицо мое сразу же приняло серьезное выраженіе, когда въ дверяхъ каюты показалась фигура Арамиса. Усы его гнѣвно шевелились и глаза метали молніи.

— Что это значитъ, — ледянымъ тономъ спросилъ онъ меня: — почему вы не на вахтѣ?

— Я не имѣю права выходить изъ каюты, Константинъ Леопольдовичъ, вѣдь я же арестованъ.

— Все это ваши фантазіи, — гнѣвно перебилъ онъ меня, — никто и не думалъ васъ арестовывать. Немедленно же извольте одѣваться и вступить на вахту, — прибавилъ онъ и вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Быстро одѣваясь, — тропическій туалетъ въ морѣ такъ несложенъ, — я понималъ во всей этой исторіи только одно, что прошли веселые дни Аранжуэца, и даже не дни, а всего одинъ, коротенькій денекъ.

Командиръ былъ на мостикѣ, когда я поднялся туда, чтобы смѣнить мичмана Бубнова. Завидѣвъ меня, Юнгъ подошелъ ко мнѣ и, протягивая мнѣ руку, сказалъ мягкимъ тономъ:

— Вы меня не поняли: я васъ лишь предупредилъ, что за подобный проступокъ я васъ арестую... въ слѣдующій разъ. А вы взяли, да сами себя и арестовали. Ну, какъ же жъ можно... — прибавилъ онъ укоризненнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковымъ тономъ свою любимую фразу — ну, какъ же жъ можно.

Пожавъ молча протянутую мнѣ руку, я почелъ за лучшее не спрашивать его, какой именно поступокъ онъ имѣлъ въ виду, и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Опять потянулись для меня сѣрые будни, хотя день этотъ отнюдь не былъ ни сѣрымъ, ни будничнымъ: календарь въ каютъ-компаніи яркой красной цифрой показывалъ 25 декабря, а съ безоблачнаго неба ослѣпительно сверкало жгучее африканское солнце, отъ

жестокихъ лучей котораго спасалось и укрывалось все живое.

Къ входу въ Nossi-Bé мы подошли лишь къ вечеру слѣдующаго дня и, проведя ночь въ морѣ, чтобы не входить въ темнотѣ на незнакомый рейдъ, соединились съ отрядомъ контръ-адмирала Фелькерзама лишь утромъ 27-го декабря. Съ этого дня началось наше долгое и изнурительное „носибейское стояніе", продолжавшееся два слишкомъ мѣсяца. Истинныхъ причинъ столь долгаго пребыванія нашего въ этомъ гибломъ мѣстѣ, въ то время, никто, конечно, кромѣ самого адмирала Рожественскаго и нѣсколькихъ лицъ его Штаба, — не зналъ.

За это время эскадра нѣсколько разъ готовилась къ походу: на корабли разсылались подробныя диспозиціи походнаго строя эскадры, порядокъ погрузки угля съ транспортовъ въ океанѣ, корабли принимали полный запасъ провизіи, воды и угля; но затѣмъ дни шли за днями, а мы все еще продолжали оставаться въ этомъ дѣйствительно горячемъ уголкѣ земного шара.

Въ этомъ убійственномъ для европейца климатѣ даже выносливость русскаго человѣка начинала сдавать. Появились случаи теплового удара, случаи, кончавшіеся обычно смертью. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы въ море не выходилъ дежурный миноносецъ съ приспущеннымъ флагомъ: мы хоронили своихъ покойниковъ въ морѣ. Людей изнуряла не столько жара, сколько ужасающая влажность воздуха. Трудно было даже сказать, какіе дни были хуже — солнечные или пасмурные, когда легкія, вмѣсто воздуха, вбирали въ себя буквально одни лишь водяные пары. Конечно, на эскадрѣ сохранялось въ полной силѣ „полярно-тропическое" расписаніе и работы и ученья шли полнымъ и непрерывнымъ ходомъ.

Отъ долгаго ли пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ, отъ монотонности ли рейдовой жизни, или же, наконецъ, отъ этого убійственнаго климата, но мадагаскарскія воспоминанія сохранились у меня въ памяти какими то отдѣльными обрывками, безъ какой-либо хронологической связи.

Однимъ изъ крупныхъ событій на борту моего корабля, вскорѣ же послѣ нашего прихода въ Nossi-Bé, была серьезная болѣзнь нашего командира и временное вступленіе въ командованіе кораблемъ капитана 1 ранга Клапье-де-Колонгъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ, уже упомянутыхъ мною, періодовъ усиленнаго приготовленія къ походу. По приказанію адмирала, были посланы команды съ большихъ кораблей для перегрузки угля съ тѣхъ германскихъ пароходовъ, на которыхъ его оставалось уже мало, на наши транспорты. Моему броненосцу досталась задача грузить пароходъ добровольнаго флота „Кіевъ“ и я былъ командированъ съ нашей командой для производства этой операціи, причемъ мнѣ пришлось пробыть въ отсутствіи болѣе сутокъ. Когда я вернулся на свой корабль, то сразу же замѣтилъ, что за время моего отсутствія на броненосцѣ произошло что-то серьезное: въ каютъ-компаніи царило какое-то подавленное настроеніе, офицеры собирались къ вечернему столу сумрачные и насупившіеся, піанино молчало.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я Шупинскаго.

— Какъ, ты еще не знаешь? Да вѣдь часъ тому назадъ увезли на госпитальный „Орелъ“ нашего командира. Представь себѣ, выскакиваетъ онъ вдругъ сегодня на палубу и начинаетъ благимъ матомъ кричать на Арамиса и вахтеннаго начальника — „Что вы дѣлаете! Реветъ штормъ, а у васъ всѣ шлюпки на водѣ! Ну какъ же можно! Да подымайте же ихъ немедленно!“ — Схватился затѣмъ за голову и давай биться

ею объ рубку. А кругомъ — мертвый штиль, тишь, гладь, да Божья благодать... Довелъ таки себя до галлюцинацій! Я ужъ и не знаю, какъ удалось Гаврилѣ Андреевичу уговорить его пойти внизъ, а часъ тому назадъ Македонтовичъ*) повезъ его въ госпитальный „Орелъ“.

— Когда же уберутъ, наконецъ, отъ насъ Титова? Вѣдь отъ однихъ его криковъ можно сойти съ ума! Помилуй Богъ, скоро ужъ два мѣсяца, какъ мы таскаемъ его съ собою на броненосцѣ, — сказалъ я.

— Мнѣ говорилъ Македонтовичъ, что командиръ нашъ ѣздилъ въ Штабъ и такъ и заявилъ адмиралу, что если, молъ, отъ насъ не уберутъ Титова, то онъ не ручается, что на его кораблѣ начнутъ сходить съ ума другіе. Ты не думай, что это не заразительно. Да, легко сказать: убрать. Куда его уберешь?

Но вскорѣ судьба сжалилась и надъ нами и надъ несчастнымъ Титовымъ, котораго дѣйствительно некуда было дѣвать, такъ какъ пассажирскіе пароходы продолжали категорически отказываться брать такого пассажира для доставки его въ Европу или хотя бы въ ближайшій крупный портъ, гдѣ можно было найти больницу для душевно-больныхъ. Во время нашей стоянки на Мадагаскарѣ адмиралъ рѣшилъ отказаться отъ услугъ причинявшаго намъ постоянно массу хлопотъ нашего калѣки-транспорта „Малайя“, приказалъ разгрузить ее, а ей самой приготовиться къ возвращенію въ Россію. Когда транспортъ былъ готовъ къ уходу, адмиралъ приказалъ отправить на него всѣхъ, подлежащихъ отправкѣ на Родину, главнымъ образомъ, хроническихъ и душевно-больныхъ, которыхъ на эскадрѣ къ тому времени набралось уже нѣсколько человѣкъ. Въ ихъ число былъ включенъ и нашъ безпокойный пассажиръ — прапорщикъ Титовъ. Отправ-

*) Николай Македоновичъ Марковъ — нашъ второй судовой врачъ.

ляя его на „Малайю“, наши безсердечные мичмана не безъ ехидства зубоскалили, что если на этомъ транспортѣ такихъ пассажировъ наберется хотя бы съ десятокъ, то командиру его, безъ сомнѣнія, предстоитъ самое веселенькое плаваніе, которое только можно себѣ представить.

Что касается нашего командира, то врачи госпитальнаго „Орла“ опредѣлили сильнѣйшую неврастенію на почвѣ общаго переутомленія, предписавъ ему, одновременно съ соотвѣтствующимъ леченіемъ, полнѣйшій покой и отдыхъ. Н. В. Юнгъ остался на госпитальномъ суднѣ, а на время его болѣзни временно командующимъ нашимъ броненосцемъ, приказомъ адмирала, назначенъ былъ Начальникъ его Штаба капитанъ 1 ранга Клапье де Колонгъ.

Впрочемъ, нашего новаго командира мы почти не видѣли. Пока корабль стоялъ на якорѣ, онъ у насъ даже не показывался, предоставивъ распоряжаться всецѣло Арамису.

За этотъ періодъ времени эскадра наша нѣсколько разъ выходила въ море на практическую стрѣльбу. И вотъ, когда нужно было сниматься съ якоря и итти въ море, у насъ появлялся Клапье де Колонгъ, отправлявшійся къ себѣ на „Суворовъ“ немедленно же по возвращеніи нашемъ на рейдъ. Это былъ человѣкъ совершенно иного характера, нежели нашъ командиръ, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться въ первый же нашъ выходъ въ море.

Одновременно со стрѣльбами адмиралъ пользовался нашими выходами, чтобы упражнять корабли въ производствѣ эволюцій. И вотъ, во время какого то сложнаго перестроенія, „Ослябя“ едва-едва не протаранилъ нашу корму. Увидѣвъ несущійся большимъ ходомъ прямо намъ въ корму броненосецъ, когда у присутствующихъ на мостикѣ захватило уже духъ въ ожиданіи казавшагося неизбѣжнымъ столк-

новенія, нашъ новый командиръ такимъ спокойнымъ тономъ, не повышая ни на іоту своего ровнаго голоса, скомандовалъ — „Лѣво на бортъ, самый полный впередъ“, — что сразу завоевалъ наши симпатіи и восхищеніе.

Мы отнюдь не сомнѣвались, что и нашъ Николай Викторовичъ также съ честью вышелъ бы изъ опаснаго положенія, но это стоило бы и ему и его окружающимъ такой серьезной встряски нервовъ, что объ этомъ у насъ толковали бы цѣлый день. Влетѣло бы всѣмъ: и вахтенному начальнику, не доложившему во-время, что „Ослябя“ идетъ быстро намъ на сближеніе, и вахтенному офицеру, который не вахту правитъ, а воронъ ловитъ, и рулевому — за то, что вяло кладетъ руля на бортъ, и даже вахтенному механику — за то, что машина не такъ быстро дала самый полный, какъ то слѣдовало въ такой моментъ.

Что касается нашей артиллерійской стрѣльбы, то самъ Господь Богъ избавилъ нашего перваго больного командира отъ присутствія на этомъ зрѣлищѣ. Это было бы такимъ жестокимъ испытаніемъ для его больныхъ нервовъ, что если бы до этого ему еще не было бы необходимости въ леченіи, то послѣ первой же нашей стрѣльбы ему неминуемо потребовался бы госпиталь. Да и можно ли было ожидать иного? Корабль, укомплектованный въ большинствѣ новобранцами и запасными, стрѣлялъ въ первый разъ въ своей жизни! Мы себѣ ясно представляли, что долженъ былъ испытывать нашъ бѣдный адмиралъ, самъ — прекрасный артиллеристъ, бывшій до войны Начальникомъ учебно-артиллерійскаго отряда, — при видѣ такого искусства въ стрѣльбѣ эскадры, которую онъ велъ въ бой, и съ кѣмъ же? Съ противникомъ, неизмѣримо сильнѣе его, натренированнымъ въ бояхъ съ нашей первой эскадрой, которая по своей подготовкѣ была не чета нашей; съ

противникомъ, окрыленнымъ побѣдой и защищающимъ берега своей Родины!

Послѣ первой стрѣльбы вскорѣ послѣдовала вторая, которая прошла уже значительно лучше первой, доказавъ воочію, какъ намъ необходимы были эти практическія стрѣльбы. Была ли у насъ третья, я не помню, но зато съ увѣренностью могу сказать, что не было четвертой, и не потому, что намъ не хватало на нее времени, — за мадагаскарское стояніе мы успѣли бы сдѣлать не только четвертую, но и десятую и двадцатую стрѣльбы. Причина къ тому была болѣе существенная: у насъ изсякли снаряды для практическихъ стрѣльбъ; тратить же нашъ боевой запасъ мы, естественно, не могли.

А въ это время, въ далекомъ, холодномъ Петербургѣ, въ уютномъ кабинетѣ, сидѣлъ солидный господинъ, въ сюртукѣ морского офицера, съ блестящими погонами капитана 2 ранга, и писалъ. Большой мастеръ слова и пера, онъ писалъ горячія и краснорѣчивыя статьи, въ которыхъ убѣждалъ русское общественное мнѣніе въ томъ, что, несмотря на гибель первой тихоокеанской эскадры, у Россіи имѣлось еще много шансовъ выйти побѣдительницей на морѣ. Статьи эти печатались въ „Новомъ Времени“ и лили цѣлительный бальзамъ на души страдавшихъ за русскій флотъ и за судьбу войны патріотовъ. Онъ не просто убѣждалъ всѣмъ вѣсомъ своего авторитета, какъ моряка и спеціалиста въ вопросахъ морской тактики. Нѣтъ, онъ доказывалъ. Доказывалъ ясно, неоспоримо, съ цифрами въ рукахъ, при помощи точнѣйшей изъ наукъ — математики. А что можетъ быть краснорѣчивѣе цифръ и убѣдительнѣе четырехъ дѣйствій ариѳметики?! А онъ именно манипулировалъ цифрами и аргументировалъ сложеніемъ и вычитаніемъ. Онъ изобрѣлъ точнѣйшій способъ опредѣленія боевой силы корабля при помощи коэффиціентовъ,

разобравъ каждый корабль по косточкамъ и оцѣнивъ коэффиціентомъ каждую косточку. Съ уничтожающей силой логики онъ доказывалъ, что артиллеріи въ зависимости отъ количества пушекъ и ихъ калибра принадлежитъ такой то коэффиціентъ, бронѣ — такой то, скорости хода — такой то и т. д. Затѣмъ приводились подробныя данныя нашей несчастной эскадры и японскаго флота. Выписывались коэффиціенты и ставились знаки плюсъ. Евтушевскій, помоги! Ура, итоги подведены и вотъ ужъ можно сравнивать. Боже, какъ все было ясно и просто! Но вѣдь все геніальное всегда просто!

Но, что это? Какъ будто у японцевъ получалась сумма коэффиціентовъ значительно превышающая нашу! Но читатель успокаивался сообщеніемъ, что въ слѣдующемъ номерѣ „Новаго Времени“ онъ узнаетъ, какъ выйти изъ этого затрудненія. На слѣдующее утро россійскій патріотъ лихорадочно разворачивалъ пахнущій еще свѣжей типографской краской номеръ газеты и, за стаканомъ горячаго кофе съ филиповскимъ калачомъ, густо намазаннымъ масломъ, узнавалъ, что адмиралъ Рожественскій забралъ съ собою далеко не все, что имѣлось въ Балтійскомъ морѣ. Приводился подробный списокъ старыхъ калѣкъ, преступно оставленныхъ нашимъ адмиралтействомъ дома; снова — небольшое упражненіе въ ариѳметикѣ. И... ура! Всѣ сомнѣнія и страхи разлетались, какъ дымъ: Россіяне ясно видѣли, что стоитъ дослать Рожественскому нѣсколько старыхъ посудинъ (только бы дошли, чортъ бы ихъ побралъ!), чтобы сумма коэффиціентовъ его армады почти не уступала японцамъ. Затѣмъ — легкое усиліе хотя бы одного изъ святыхъ покровителей русскаго флота, и... „громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый россъ!“

Такъ писалъ этотъ крупный авторитетъ въ военно-морскихъ вопросахъ и эта страшная и, подчасъ

слѣпая сила, именуемая общественнымъ мнѣніемъ, заработала полнымъ ходомъ. И вотъ, мы, на далекомъ югѣ, подъ палящими лучами мадагаскарскаго солнца, дострѣливая неопытными руками свой жалкій запасъ практическихъ снарядовъ, узнаемъ, что во льдахъ Балтійскаго моря усиленнымъ темпомъ готовятся итти намъ въ догонку нѣсколько плавучихъ калѣкъ, въ возрастѣ почтенныхъ родителей придумавшаго эту посылку мудреца, для того, чтобы, доставивъ адмиралу Рожественскому недостающіе ему коэффиціенты, обезпечить ему разгромъ японскаго флота.

Сейчасъ, четверть вѣка спустя, когда Цусима отошла уже въ далекое прошлое, когда русскій флотъ блестяще выдержалъ, въ обоихъ своихъ моряхъ — Балтійскомъ и Черномъ, — страшный экзаменъ міровой войны, доказавъ справедливость русской поговорки — „за битаго двухъ небитыхъ даютъ", сейчасъ, когда я задумываюсь надъ этой удивительной страницей исторіи русскаго флота, мнѣ кажется совершенно непостижимымъ одно обстоятельство: какимъ образомъ и чѣмъ удалось автору этой абсурдной ереси о коэффиціентахъ замутить головы своихъ соотечественниковъ и внушить имъ несбыточныя надежды? Какимъ образомъ не нашлось не только ни одного морского офицера, но просто здравомыслящаго человѣка, который написалъ бы ему немного, но уничтожающихъ словъ? — „Послушайте, г-нъ К.: допуская, что ваши коэффиціенты абсолютно точны въ смыслѣ оцѣнки боевой силы корабля, они все же совершенно не пригодны для оцѣнки боевой мощи двухъ эскадръ, ибо вы упустили изъ виду самый важный — коэффиціентъ моральный и степени подготовки личнаго состава*), абсолютно не поддающійся какому бы то ни было предварительному математическому учету. Вашъ способъ

*) За короткій періодъ времени, протекшій между русско-японской и Великой войнами, русскій флотъ продѣлалъ ги-

прогноза былъ бы очень пригоденъ, если бы русская эскадра вдругъ раздѣлилась бы на двѣ части, которыя и вступили бы въ бой другъ съ другомъ, или, если бы тоже самое продѣлалъ японскій флотъ. Тогда, съ помощью вашихъ коэффиціентовъ, можно было бы съ огромной степенью достовѣрности предсказать побѣду той или иной части. Но сравнивать при помощи бездушныхъ коэффиціентовъ двѣ столь разнородныя въ личномъ составѣ эскадры, какъ вторая тихоокеанская русская и японская, это, г-нъ К., абсурдъ, и абсурдъ въ высшей степени вредный для вашей Родины!"

Но увы! Такихъ отрезвляющихъ словъ въ то время въ печати не появлялось. Критика „коэффиціентовъ" появилась въ печати уже послѣ Цусимы, когда было уже поздно.

гантскую работу, которая привела къ тому, что по подготовкѣ личнаго состава флотъ нашъ не уступалъ ни одному флоту міра, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ морского дѣла не имѣлъ соперниковъ. Когда одинъ изъ русскихъ морскихъ офицеровъ (к. 2 р. С. А. Изенбекъ), прикомандированный къ англійскому флоту во время міровой войны, передъ отъѣздомъ въ Россію былъ съ прощальнымъ визитомъ у командующаго 1-й эскадрой адмирала Madden, послѣдній сказалъ ему: „Ваше самолюбіе можетъ быть удовлетворено — Grand Fleet стрѣляетъ по русскимъ методамъ стрѣльбы".

Что касается миннаго дѣла, то нѣмцы въ своихъ оффиціальныхъ трудахъ откровенно признаютъ русскихъ *„истинными мастерами"*, а англичане вынуждены были просить насъ прислать имъ наши мины загражденія, ихъ чертежи и *инструкторовъ минеровъ для обученія ихъ минному дѣлу.*

Что касается же *духа* русскаго флота, нѣмцы оцѣнивали его такъ высоко, что для прорыва въ Рижскій заливъ ими было сосредоточено 11 дреднаутовъ, 7 броненосцевъ, 11 крейсеровъ и 69 миноносцевъ. Такъ какъ нѣмцы въ то время не знали о вступленіи уже въ строй 4-хъ нашихъ дреднаутовъ, то выставляли столь мощныя силы противъ всего лишь 4-хъ нашихъ устарѣлыхъ, слабыхъ броненосцевъ, 9 такихъ же крейсеровъ и дивизіи миноносцевъ.

Газеты съ этими знаменитыми статьями (послужившими главной причиной отправки намъ въ догонку старыхъ калѣкъ адмирала Небогатова, а это, въ свою очередь, задержало насъ болѣе, чѣмъ на два мѣсяца въ нашемъ движеніи впередъ, что японцамъ, конечно, было только на руку) — были получены на эскадрѣ во время стоянки ея на Мадагаскарѣ и вызвали цѣлую бурю. Гипнозъ авторитета имени ихъ автора былъ такъ великъ, что даже среди части офицеровъ нашей эскадры нашлись горячіе защитники его ереси. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что защитниками коэффиціентовъ являлись, большею частью, молодые офицеры; старики же, въ лучшемъ случаѣ, задумчиво кусали усъ, большинство же, по образному выраженію мичмановъ, „крыли“ ихъ автора, не стѣсняясь крѣпостью выраженій.

Можно себѣ ясно представить душевное состояніе адмирала Рожественскаго при чтеніи этихъ статей — его гнѣвъ и безсильную ярость. Не въ одинъ ли изъ такихъ моментовъ получилъ онъ одно изъ самыхъ своихъ популярныхъ на эскадрѣ прозвищъ — „тигра въ аксельбантахъ?“*).

Эти, недоброй памяти, газеты доставилъ намъ присоединившійся къ намъ на Мадагаскарѣ нашъ военный транспортъ „Иртышъ“. Онъ же доставилъ намъ и нашу первую изъ Россіи почту, которой мы не получали три мѣсяца**).

Я ясно вспоминаю этотъ знаменательный день. Когда въ каютъ-компаніи появились огромные, перевязанные бичевкой, пакеты съ корреспонденціей, съ подписью „На броненосецъ ‹Орелъ›“, на почтенное собраніе господъ офицеровъ нашло какое то безуміе: всѣ,

*) Вице-адмиралъ Рожественскій, по званію генералъ-адъютанта, носилъ аксельбанты.

**) Эскадра вышла изъ Либавы 2 окт. 1904 г.; „Иртышъ“ присоединился къ эскадрѣ въ бухтѣ Носи-бе 26 февр. 1905 г.

схвативши́сь за пакеты, стали испускать дикій, нечеловѣческій ревъ, какое то безсмысленное — „А-а-а-а“, — заставившее ринуться въ каютъ-компанію офицеровъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ каютъ, ибо ревъ этотъ былъ слышенъ во всѣхъ углахъ корабля. Вбѣгавшій съ встревоженнымъ лицомъ офицеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединялъ свой радостный вопль къ общему реву, который все разростался по мѣрѣ появленія новыхъ членовъ каютъ-компаніи, пока не появился, прибѣжавшій изъ какого то угла корабля, Арамисъ, разомъ прекратившій безумі́е.

Придвинувъ къ себѣ пакеты (на военномъ кораблѣ почту разбираетъ всегда старшій офицеръ), онъ, не спѣша, методически, началъ вскрывать ихъ одинъ за другимъ, медленно, точно дразня и испытывая терпѣніе, читая адреса. Но онъ, зачастую, не успѣвалъ произносить фамилію, какъ столпившіеся вокругъ него офицеры, слѣдившіе, не отрываясь, за появлявшимися въ его рукахъ конвертами, вырывали ихъ у него изъ рукъ, узнавая съ перваго же взгляда написанное знакомымъ и дорогимъ почеркомъ. Въ дверяхъ каютъ-компаніи, не смѣя войти внутрь, уже сгрудилась команда, съ неменьшимъ нетерпѣніемъ ожидая получить вѣсточку съ далекой Родины. На газеты и журналы, въ первое время, никто не обращалъ вниманія и они отшвыривались прочь, образуя на дальнемъ концѣ стола цѣлую гору.

Но вотъ, всѣ пакеты разобраны и каютъ-компанія сразу же опустѣла. Каждый направился въ свою каюту, сжимая въ рукахъ кучу писемъ. Каждому хотѣлось углубиться безъ помѣхи въ оставленный далекій міръ дорогихъ сердцу близкихъ, откуда эти полученные клочки бумаги принесли вдругъ цѣлую волну любви, заботы, ласки и привѣта.

ГЛАВА VII.

Hellville. Прибытіе новыхъ „коэффиціентовъ“. Миноносецъ „Грозный“ и его четверорукіе обитатели. Выздоровленіе командира. Наши развлеченія. „Тигръ въ аксельбантахъ“. Преступленіе мичмана Шупинскаго. Нашъ конфликтъ со Штабомъ адмирала. Арамисъ — между Сциллой и Харибдой. Неожиданная развязка. Прощай, Африка!

Nossi-Bé, большая и удобная бухта, защищаемая отъ океанской зыби нѣсколькими островами, самый большой изъ которыхъ — высокій и лѣсистый островъ Nossi-Comba. Въ самой глубинѣ бухты расположенъ окруженный буйной тропической растительностью небольшой городокъ Hellville, скорѣе даже мѣстечко, а не городъ, ибо, если я не ошибаюсь, онъ не былъ даже соединенъ съ внѣшнимъ міромъ телеграфомъ. Большинство его обитателей составляли туземцы, знаменитые мальгаши, прославившіеся своимъ мужествомъ и свирѣпостью, покореніе которыхъ въ свое время стоило французамъ довольно дорого. Бѣлое населеніе городка состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ французовъ; это были представители административной власти, коммерческій міръ и чиновники агентства французской пароходной компаніи „Messagerie Maritime“.

Два, три жалкихъ кафе, гдѣ собиралось мѣстное общество по окончаніи трудового дня, когда спадала дьявольская жара, были единственными мѣстами развлеченія Хельвиля. Но какъ только выяснилось, что наша эскадра задерживается въ Nossi-Bé на неопредѣленное время, жизнь городка закипѣла, какъ въ

котлѣ: почти ежедневно въ городкѣ открывались новые магазины, рестораны, кафе (одно изъ которыхъ называлось даже гордо „кафе-шантаномъ“), игорные дома и т. п. Любители быстрой и легкой наживы торопились использовать рѣдкій случай появленія въ этомъ глухомъ уголкѣ земного шара такой массы людей, не знающихъ, куда дѣвать деньги. Скаредные и расчетливые французы прямо таки обезумѣли отъ щедрости и тароватости русскихъ.

Впрочемъ, жажда быстрой и легкой наживы привлекла въ Hellville не однихъ только французовъ. Вскорѣ же послѣ нашего прихода въ Nossi-Bé, прогуливаясь по немногочисленнымъ уличкамъ городка, я вдругъ, къ великому своему удивленію, увидѣлъ надъ одной изъ довольно жалкихъ хижинъ огромную вывѣску, на которой было выведено по русски:

СКОПЕЛИТИСЪ
поставщикъ флота.

Откуда появился этотъ почтенный потомокъ Фемистокловъ и Леонидовъ — такъ мнѣ и не довелось узнать.

Однажды, во время производства эскадрой тактическихъ маневровъ въ морѣ, къ намъ присоединился задержавшійся въ Россіи отрядъ изъ крейсеровъ „Олегъ“, „Изумрудъ“, „Ріонъ“ и „Днѣпръ“ и миноносцевъ „Грозный“ и „Громкій“. Первые два крейсера и оба миноносца были вновь построенными кораблями, крейсера же „Ріонъ“ и „Днѣпръ“ — вооруженными пароходами Добровольнаго Флота. Меня чрезвычайно обрадовалъ приходъ миноносца „Грозный“, на которомъ плавалъ мой большой другъ и однокашникъ — мичманъ Сафоновъ.

Въ первый же свободный день я навѣстилъ моего друга, съ которымъ не видѣлся съ самаго выпуска изъ Морского Корпуса.

На миноносцѣ вся жизнь проходила на верхней палубѣ, потому что внизу въ каютахъ, каютъ-компаніи и жилой командной палубѣ жара была совершенно непереносима. Вдоль всего миноносца былъ протянутъ тентъ, подъ которымъ, какъ подъ крышей, жили и работали: офицеры на ютѣ, команда на бакѣ и шкафутѣ.

Я засталъ моего пріятеля занятымъ писаніемъ какихъ то вѣдомостей за простымъ деревяннымъ столомъ съ отнюдь не горизонтальной поверхностью, ввиду горбатости палубы миноносца. Едва я успѣлъ усѣсться на предложенный мнѣ табуретъ, какъ почувствовалъ, что что то мягкое усѣлось сначала на одну мою ногу и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ на другую, и, бросивъ взглядъ подъ столъ, увидѣлъ двухъ обезьянъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ торопливо расшнуровывавшихъ мои ботинки.

— Тебѣ некуда ногъ поставить? — спросилъ меня Сафоновъ, видя, что я смотрю подъ столъ на свои ноги.

— Нѣтъ, мнѣ очень удобно, — отвѣтилъ я, смѣясь, — надѣюсь только, что твои обезьяны ограничатся расшнурованіемъ моихъ ботинокъ и не станутъ дѣлать попытокъ снять съ меня и штаны...

Не успѣлъ я докончить моей, хотя и ироническої, но самымъ добродушнымъ тономъ произнесенной фразы, какъ Сафоновъ, быстро нагнувшись, ловко схватилъ обѣихъ обезьянъ за хвосты, отодралъ ихъ отъ моихъ ногъ, приподнялъ на воздухъ, всыпалъ имъ лежащей подлѣ него палкой нѣсколько горячихъ ударовъ и отшвырнулъ ихъ подальше. Оба звѣрька огромными прыжками пустились на утекъ.

— Проклятыя обезьяны! — пробурчалъ онъ, вновь усаживаясь на свое мѣсто. — Ни минуты нѣтъ отъ нихъ покою! Представь себѣ, у насъ на мино-

носцѣ ихъ три штуки: двѣ мартышки и этотъ мерзавецъ павіанъ, который сидѣлъ на твоей правой ногѣ.

— Я вижу, что они не пользуются твоими особенными симпатіями.

— Симпатіями? Да будь моя воля, я бы ихъ ни минуты не сталъ бы держать на миноносцѣ, близко бы не подпускалъ. Но что я могу подѣлать, когда въ нихъ влюбленъ мой командиръ! Ты не можешь себѣ представить, что это за мошенники и воры! И удивительнѣе всего то, что самъ же командиръ больше всѣхъ отъ нихъ страдаетъ. Знаешь, какъ мы зовемъ нашего павіана? Сначала онъ былъ просто „Гришкой“, а съ нѣкоторыхъ поръ превратился въ „Гришку-иконоборца“...

— Это почему?

— Потому что забрался какъ то въ командирскую каюту, стащилъ его образъ, висѣвшій у него надъ койкой, и выбросилъ его за бортъ.

— Ну, а какъ реагировалъ на это командиръ?

— Да ничего особеннаго: въ первый моментъ разсвирѣпѣлъ, схватилъ Гришку за хвостъ и швырнулъ его вслѣдъ за образомъ тоже за бортъ. Но этотъ подлецъ плаваетъ, какъ рыба; выкупался, приплылъ обратно, вылѣзъ гдѣ то на бакѣ, нѣкоторое время старался не попадаться командиру на глаза, пока у того не отлегло отъ сердца. Тѣмъ дѣло и кончилось. Это еще что! Этотъ же мерзавецъ „Гришка“ выкинулъ у насъ штуку посерьезнѣе. Какъ то на стоянкѣ комендоры чистили пушки. Какъ всегда, разобрали замокъ, разложили всѣ части тутъ же на брезентѣ и перетираютъ себѣ и смазываютъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, вылетѣли всѣ три чорта сразу, налетѣли на комендоровъ, схватили каждый по разной штукѣ — и на утекъ. „Дуньку“ съ „Ванькой“ поймали, а „Гришка“, схватившій прицѣлъ, уронилъ его за бортъ и утопилъ. Спускали водолаза, но такъ

и не могли найти. Хорошо, что нашелся на „Камчаткѣ“ запасный прицѣлъ, а то я ужъ и не знаю, какъ вышелъ бы изъ этого положенія командиръ, — вѣдь это ни больше, ни меньше, какъ вышла бы пушка изъ строя!

Этотъ „Гришка-иконоборецъ“ сдѣлался въ скоромъ времени знаменитостью на всей эскадрѣ. Когда до слуха экипажей ближайшихъ къ „Грозному“ кораблей доносились съ этого миноносца душу раздирающіе крики, всѣ уже знали, что „Гришка“ совершилъ очередное преступленіе и получаетъ отъ Андржеевскаго (командиръ миноносца) внушеніе дѣйствіемъ. Наконецъ, мы узнали, что даже безграничный запасъ терпѣнія этого любителя обезьянъ изсякъ окончательно и „Гришка“ перешелъ къ другому такому же любителю этой звѣриной породы — лейтенанту Леонтьеву, флагманскому минному офицеру на „Суворовѣ“.

Впрочемъ, пребываніе „Гришки“ на „Суворовѣ“ было довольно кратковременнымъ, такъ какъ на флагманскомъ кораблѣ разыгрался грандіозный скандалъ, главнымъ героемъ котораго оказался этотъ неугомонный павіанъ.

Однажды „Гришка“ прогуливался по рѣшеткѣ сѣтей Булливана, которая приходилась подъ самыми каютными иллюминаторами, и, конечно, по свойственному каждой порядочной обезьянѣ любопытству, заглядывалъ во всѣ каюты. Наскучивъ бродить по рѣшеткѣ, онъ забрался сквозь открытый иллюминаторъ въ одну изъ каютъ, въ которой въ этотъ моментъ никого не было. На его несчастье каюта оказалась принадлежащей человѣку, находившемуся въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ съ его хозяиномъ, обстоятельство, сыгравшее въ дальнѣйшемъ большую роль въ рѣшеніи Гришкиной участи: каюта принадлежала

лейтенанту С., старшему флагъ-офицеру Штаба, завѣдывавшему всей секретной корреспонденціей адмирала.

Очутившись въ каютѣ, „Гришка“ сразу же увидѣлъ, что развлеченій въ офицерской каютѣ неизмѣримо больше, нежели на забортной рѣшеткѣ сѣтей Булливана, и, имѣя за спиной надежный путь отступленія черезъ огромный открытый иллюминаторъ, приступилъ прежде всего къ ревизіи большого письменнаго стола лейтенанта С. Принимая во вниманіе количество и характеръ чернильныхъ пятенъ на столѣ и бумагахъ, обнаруженныхъ по приходѣ хозяина къ себѣ въ каюту, — красныя чернила понравились „Гришкѣ“ неизмѣримо болѣе черныхъ. Что же касается шифрованныхъ телеграммъ, то никакихъ не могло быть сомнѣній въ томъ, что павіанъ считалъ ихъ не только безполезными, но даже вредными, ибо скомканные обрывки ихъ были найдены разбросанными по всей каютѣ. Вотъ книги, это дѣло другое: бѣдной обезьянѣ не всякій день представляется случай выдирать безъ помѣхи листы изъ толстой, да еще переплетенной книги!..

Если хозяинъ каюты, войдя къ себѣ, не покончилъ самоубійствомъ отъ представившейся ему картины, то это можно объяснить только тѣмъ, что лейтенантъ С. лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой на эскадрѣ, зналъ, что предстоящій въ недалекомъ будущемъ бой нашей эскадры съ японской есть то же самоубійство и не пожелалъ ускорить и безъ того неминуемое событіе.

Это не значитъ, конечно, что онъ примирился съ постигшимъ его несчастьемъ, и категорически потребовалъ, чтобы „Гришка“ немедленно былъ убранъ съ корабля. Лейтенантъ Леонтьевъ попробовалъ запротестовать, настаивая на томъ, что вина въ происшедшемъ всецѣло лежитъ на лейтенантѣ С., оставившемъ

открытымъ иллюминаторъ своей каюты. Дѣло кончилось вмѣшательствомъ самого адмирала и судьба „Гришки“ была рѣшена: ему пришлось разстаться со своимъ вторымъ хозяиномъ.

Раздавшіеся въ одинъ прекрасный день знакомые, душу раздирающіе крики съ крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, возвѣстили всѣмъ знакомымъ „Гришки-иконоборца“ о его новомъ мѣстожительствѣ. На чью долю выпала неблагодарная задача пороть и воспитывать этого разбойника, мнѣ узнать не довелось. Будучи уже въ плѣну, въ Японіи, я узналъ дальнѣйшую судьбу этого павіана: онъ прожилъ на „Нахимовѣ“ до самаго Цусимскаго боя и пошелъ вмѣстѣ съ этимъ кораблемъ на дно Японскаго моря.

Между тѣмъ, здоровье нашего командира медленно возстанавливалось и, наконецъ, госпитальные врачи разрѣшили ему вернуться на броненосецъ съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ предписанный ими курсъ леченія, въ каковой входили, между прочимъ, обязательныя утреннія прогулки на берегу, выполняемыя Юнгомъ съ присущей ему пунктуальностью. Онъ съѣзжалъ на берегъ обычно очень рано, когда еще солнце не успѣло показаться изъ-за острова Nossi-Comba и когда, въ мадагаскарскомъ, конечно, масштабѣ, температура воздуха могла почитаться прохладной, приглашая одного изъ насъ, мичмановъ, составить ему компанію, что мы дѣлали весьма охотно, ибо на берегу онъ ничѣмъ не напоминалъ свирѣпаго командира, наводившаго на кораблѣ панику на своихъ подчиненныхъ. Мнѣ также нѣсколько разъ пришлось совершить съ нимъ эти прогулки. Съѣхавъ на берегъ, мы, не задерживаясь, проходили черезъ городокъ. За городомъ дорога шла сначала мимо ванильныхъ плантацій и затѣмъ углублялась въ дѣвственный лѣсъ; красная, благодаря особому составу почвы,

она извивалась между двумя непроходимыми стѣнами тропическаго лѣса, густая листва котораго была полна гомономъ тысячъ невиданныхъ породъ птицъ, съ самымъ разнообразнымъ и живописнымъ опереніемъ. Влажный воздухъ былъ напоенъ ароматомъ невѣдомыхъ цвѣтовъ и растеній. Командиръ бывалъ во время этихъ прогулокъ въ отличномъ настроеніи духа и болталъ безъ умолку, вспоминая свои многочисленныя плаванія по всѣмъ морямъ и океанамъ Божьяго свѣта, точно стараясь наговориться послѣ продолжительнаго и угрюмаго молчанія въ своемъ командирскомъ одиночествѣ на кораблѣ.

Когда на красномъ гравіи дороги начинали играть солнечныя пятна, давая намъ знать, что солнце поднялось уже высоко, мы возвращались обратно и, проходя черезъ городокъ, дѣлали короткую остановку въ одномъ изъ кафе, чтобы выпить лимонаду или содовой воды. На пристани насъ ожидалъ уже паровой катеръ или командирскій вельботъ, который быстро доставлялъ насъ на броненосецъ, гдѣ работы уже кипѣли полнымъ ходомъ, согласно неизмѣнному полярно-тропическому расписанію.

Въ праздничные и воскресные дни, свободные отъ вахтенной службы или какой либо срочной работы, офицеры съѣзжали на берегъ. Такъ какъ съѣздъ на берегъ происходилъ въ послѣобѣденные, самые горячіе часы дня, то прогулки въ эту дьявольскую жару ничего привлекательнаго уже не представляли. Нѣкоторые фанатики-спортсмены, пользуясь любезнымъ приглашеніемъ владѣльцевъ единственнаго въ Hellville'ѣ лаунъ-тенниса — чиновниковъ агентства „Messagerie Maritime", предоставившихъ свою площадку въ полное наше распоряженіе, предавались игрѣ въ теннисъ, съ серьезнымъ рискомъ умереть отъ солнечнаго удара.

Большинство же заполняло многочисленныя уже кафе и, поглощая неимовѣрное количество прохладительныхъ напитковъ и пива, сражалось въ карты. Денегъ у всѣхъ было много и дѣвать ихъ было некуда. Не съѣзжая съ кораблей до прихода на Мадагаскаръ почти въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, большинство сохранило почти неприкосновеннымъ все свое содержаніе за это время. Да и сами деньги въ нашихъ глазахъ сильно потеряли въ то время свою цѣнность.

— Къ чему мнѣ эти деньги, — думалъ молодой офицеръ, — когда черезъ какой нибудь мѣсяцъ, много черезъ два, меня, по всей вѣроятности, отправятъ къ праотцамъ? И баккара и „желѣзка“ привлекали съ каждымъ разомъ все больше адептовъ. На игорныхъ столахъ, иной разъ, можно было видѣть настоящія горы золота. И надо сказать правду, что большинство игроковъ привлекала къ игорному столу вовсе не жажда наживы, а лишь самая процедура игры, какъ времяпрепровожденіе, ибо, повторяю, золото, въ то время, сильно потеряло въ нашихъ глазахъ свою цѣну.

Зачастую можно было наблюдать картину, какъ какой нибудь офицеръ, проигравъ послѣдній свой фунтъ*), спокойно, съ полнымъ хладнокровіемъ и равнодушіемъ отходилъ отъ стола, и единственную жалобу, которую можно было услышать изъ его устъ, это — „что же мнѣ теперь дѣлать, чортъ побери! Въ этомъ проклятомъ Хельвилѣ можно съ тоски повѣситься!“ И, насвистывая какой нибудь веселенькій мотивчикъ, несчастливецъ отправлялся слоняться по раскаленнымъ улицамъ городка или смотрѣть на мучениковъ тенниса, въ ожиданіи часа отхода очередной шлюпки, чтобы вернуться на свой корабль.

---

*) Заграницей мы получали содержаніе въ фунтахъ стерлинговъ, золотой монетой.

Что же касается нашихъ работъ и служебныхъ занятій, то эти были много разнообразнѣе нашихъ береговыхъ развлеченій. Кромѣ уже описанныхъ въ предыдущихъ главахъ, многочисленныя обязанности мичмановъ увеличились на Мадагаскарѣ еще одной: — дежурствомъ, по очереди, на флагманскомъ кораблѣ. Дежурный корабль высылалъ въ распоряженіе Штаба, на все время своего дежурства, т. е. на 24 часа, паровой катеръ съ офицеромъ.

Однажды, когда выпала очередь моего дежурства, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ страшной ярости нашего адмирала и убѣдиться воочію въ справедливости его прозвища „тигра въ аксельбантахъ“.

Я уже упоминалъ, что въ Танжерѣ къ нашему отряду присоединился и сопровождалъ его до самаго Мадагаскара пароходъ-рефрижераторъ „Espérance“, груженый мороженымъ мясомъ и иными продуктами. Пароходъ этотъ, зафрахтованный у одной иностранной компаніи, былъ подъ французскимъ флагомъ и укомплектованъ французской командой.

До самаго прихода на Мадагаскаръ на этомъ пароходѣ все обстояло благополучно. Но съ переходомъ нашимъ въ воды Индійскаго океана, особенно послѣ того, какъ по эскадрѣ распространилась вѣсть о появленіи въ тѣхъ же водахъ японскихъ крейсеровъ, съ нашимъ „Espérance“ начало твориться что то неладное: аваріи и поломки въ его холодильныхъ машинахъ слѣдовали одна за другой и при томъ самаго таинственнаго и необъяснимаго происхожденія. Едва исправлялась одна поломка, какъ ей на смѣну слѣдовала другая, болѣе серьезная. Мороженое мясо — главный его грузъ — начало портиться, и мы неоднократно видѣли „Espérance“ выходящимъ въ море, чтобы выбросить за бортъ испорченный грузъ цѣлыми десятками тоннъ. Продѣлывалъ онъ эту процедуру, не давая себѣ труда отойти подальше въ открытое

море; съ первымъ же приливомъ туши гнилого мяса выплывали обратно въ бухту, сопровождаемыя стаями акулъ, которыхъ привлекало столь обильное и роскошное пиршество. Бухта Nossi-bé буквально кишѣла этими хищниками.

Техническія комиссіи изъ инженеръ-механиковъ флота, назначаемыя адмираломъ для разслѣдованія причинъ столь частыхъ аварій холодильныхъ машинъ парохода „Espérance“, не могли дать удовлетворительнаго объясненія ихъ происхожденія, давая этимъ все больше и больше основаній для подозрѣній въ злоумышленныхъ дѣйствіяхъ экипажа парохода.

Однажды, дежуря на „Суворовѣ“, я получилъ приказаніе отъ дежурнаго флагъ-офицера привезти къ адмиралу капитана парохода „Espérance“. Приставъ къ пароходу и поднявшись по его крутому трапу на палубу, я былъ встрѣченъ толстымъ, пожилымъ человѣчкомъ, съ розовымъ лицомъ, холеными усами и бородкой, подстриженной à la Henri IV, въ элегантномъ штатскомъ костюмѣ, готовомъ, повидимому, съѣхать на бережишко.

— Могу ли я видѣть капитана? — спросилъ я его.

— Весь къ вашимъ услугамъ, я — капитанъ „Espérance“, — отвѣтилъ мнѣ толстякъ съ самой обворожительной улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ, капитанъ, прошу васъ незамедлительно послѣдовать со мною на броненосецъ „Князь Суворовъ“, такъ какъ васъ приглашаетъ къ себѣ адмиралъ Рожественскій.

Обворожительная улыбка при этихъ словахъ сразу же исчезла съ лица любезнаго француза, которое вдругъ приняло какое то растерянное выраженіе, но онъ быстро овладѣлъ собой и, вновь расплывшись въ улыбку, проговорилъ:

— Весь и всецѣло въ распоряженіи Его Превосходительства.

Пока мы шли на катерѣ на „Суворовъ“, французъ поддерживалъ самую непринужденную, веселую болтовню, точно мы съ нимъ отправлялись къ своимъ закадычнымъ друзьямъ или же на веселую пирушку. Посматривая на своего веселаго и жизнерадостнаго собесѣдника, я, не безъ злорадства, думалъ:

— Какъ то ты будешь выглядѣть на обратномъ пути...

Что же касается самого француза, если онъ и предчувствовалъ ожидающую его непріятность, то во всякомъ случаѣ великолѣпно владѣлъ собою.

Прибывъ на „Суворовъ“, я передалъ моего пассажира дежурному флагъ-офицеру, который повелъ его къ адмиралу, самъ же я остался на палубѣ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Прошло томительныхъ двѣ-три минуты, какъ вдругъ изъ открытаго люка адмиральскаго помѣщенія послышались крики, но какіе крики! Ихъ дѣйствительно можно было сравнить съ ревомъ тигра. Отъ того мѣста, гдѣ я находился, разобрать отдѣльныхъ словъ было нельзя, но я сомнѣваюсь, что ихъ могъ разобрать въ этомъ ревѣ раненаго тигра и самъ виновникъ адмиральскаго гнѣва, хотя въ первое время слышались иногда какія то робкія реплики бѣднаго француза, вызывая всякій разъ новый и сильнѣйшій взрывъ криковъ. Впрочемъ, въ скоромъ времени французъ замолчалъ совершенно и уже окончательно. На броненосцѣ все какъ бы замерло и одно время слышался лишь ревъ адмиральскаго голоса... Вдругъ настежь распахнулась дверь штабной рубки, выходящей на палубу, и оттуда вылетѣлъ, какъ бомба, несчастный капитанъ парохода, но, Боже, въ какомъ видѣ: красный, какъ ракъ, съ крупными каплями пота на лбу, съ вытаращенными отъ ужаса глазами. За нимъ въ дверяхъ рубки появилась разъяренная физіономія адмирала, который увидѣвъ меня, крикнулъ мнѣ:

— Выбросите этого... (совершенно не печатное слово) на берегъ!

Я молча поднялъ руку къ козырьку фуражки и, указывая французу рукой на трапъ, у котораго стоялъ мой катеръ, проговорилъ.

— S'il vous plait, monsieur, asseyez-vous...

Обратный путь прошелъ у насъ въ глубокомъ молчаніи. Мы уже не болтали, а мой пассажиръ уже не улыбался. Онъ, печально понурясь, сидѣлъ на кормовомъ сидѣньи катера, вперивъ взоръ въ кончики своихъ элегантныхъ ботинокъ, и глубоко вздыхалъ...

На одномъ изъ слѣдующихъ дежурствъ нашего парового катера на „Суворовѣ“ произошло событіе, надѣлавшее много шуму въ нашей каютъ-компаніи. Дежурнымъ отъ насъ офицеромъ былъ на этотъ разъ мичманъ Шупинскій. Когда окончился срокъ его дежурства, онъ вернулся на броненосецъ мрачнѣе тучи и на мои разспросы о причинѣ его мрачнаго настроенія, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Вчера вечеромъ получилъ я приказаніе вахтеннаго флагъ-офицера отвести на госпитальный „Орелъ“ лейтенанта С. (флагъ-офицеръ адмирала Рожественскаго, жертва описанной продѣлки „Гришки-иконоборца“). Прекрасно. Сѣлъ онъ въ катеръ и мы отвалили. Я, какъ всегда, сталъ подлѣ рулевого. Вдругъ онъ обращается ко мнѣ и, указывая рукой на штурвалъ, говоритъ: — „На руль, пожалуйста“. Въ первый моментъ я даже не сообразилъ, что ему отъ меня нужно и переспросилъ его, что ему нужно. — „Пожалуйста, — говоритъ, — правьте рулемъ“. — Какъ тебѣ это понравится? Это ему захотѣлось, видишь ли, подкатить къ трапу „Орла“, какъ важная персона, съ офицеромъ на рулѣ; шикнуть передъ сестрами!

— Ну, а ты что ему на это сказалъ?

— Что? А я ему просто сказалъ: нѣтъ, господинъ лейтенантъ, я на руль не стану. На это у меня есть рулевой. — „Тогда — говоритъ — „къ трапу, пожалуйста“. И когда мы снова пристали къ трапу „Суворова“, сказалъ мнѣ — „Можете быть свободны“. Я вышелъ, а онъ отправился на „Орелъ“ одинъ.

— И прекрасно! Я бы такъ же поступилъ на твоемъ мѣстѣ. Что же тебя такъ озабочиваетъ?

— Что же ты думаешь, что онъ это дѣло такъ и оставитъ? Я увѣренъ, что онъ уже подалъ рапортъ адмиралу.

— Этого не можетъ быть! — воскликнулъ я, кривя душой, такъ какъ и самъ не сомнѣвался въ томъ же, — вѣдь это было бы верхомъ подлости!

— А вотъ увидишь...

И, конечно, я увидѣлъ и не позже, какъ въ тотъ же вечеръ, когда были получены на кораблѣ приказы Командующаго эскадрой. Одинъ изъ этихъ приказовъ гласилъ:

„Мичманъ Шупинскій съ эскадреннаго броненосца «Орелъ» демонстративно проявилъ сегодня свою недисциплинированность, отказавшись исполнить приказаніе флагъ-офицера моего Штаба. Лишь снисходя къ его молодости, не предаю его суду и ограничиваюсь на первый разъ наказаніемъ дисциплинарнаго порядка. Приказываю командиру названнаго корабля арестовать мичмана Шупинскаго строгимъ арестомъ...“ далѣе указывался срокъ ареста.

Это происшествіе вызвало въ каютъ-компаніи нашего корабля общій взрывъ негодованія по адресу его главнаго виновника — лейтенанта С. Закипѣли негодованіемъ даже наши „Серафимы“ — всегда тихіе и невозмутимые старшіе артиллеристъ и штурманъ, присоединивъ свои голоса и поддержавъ предложеніе молодежи не оставить этого дѣла такъ и проучить достойнымъ образомъ лейтенанта С.

Послѣ долгихъ дебатовъ было рѣшено написать ему отъ имени всей каютъ-компаніи письмо. Что же касается насъ, мичмановъ, то мы, кромѣ того, вынесли постановленіе, по отбытіи Шупинскимъ своего ареста, вычеркнуть его изъ списка дежурящихъ на „Суворовѣ“ мичмановъ, чтобы не подвергать его риску вновь очутиться въ распоряженіи лейтенанта С.

Послѣ безконечныхъ исправленій, дополненій и сокращеній, письмо, наконецъ, было составлено и отправлено по назначенію.

Письмо это съ полнымъ правомъ могло бы фигурировать въ ряду самыхъ тонкихъ дипломатическихъ документовъ — я, конечно, не смогъ бы его процитировать по памяти, тѣмъ болѣе послѣ столькихъ лѣтъ, протекшихъ послѣ описываемаго памятнаго событія, но я прекрасно помню его общій смыслъ. Въ выраженіяхъ изысканно вѣжливыхъ, наша каютъ-компанія писала лейтенанту С., что офицеры эскадреннаго броненосца „Орелъ“ отнюдь не собираются оспаривать незыблемость его позиціи съ точки зрѣнія юридической и правъ, даваемыхъ ему Морскимъ Уставомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каютъ-компанія броненосца не можетъ отказать и себѣ въ правѣ осудить моральную сторону его поступка съ однимъ изъ ея членовъ. Требованіе лейтенанта С., предъявленное имъ на катерѣ мичману Шупинскому, отнюдь не вызывалось необходимостью службы, будучи вызвано простымъ капризомъ съ его стороны, безполезное и даже вредное, ибо легко могло разбить карьеру молодого и блестящаго офицера. Такимъ образомъ, поведеніе лейтенанта С. въ этомъ грустномъ инцидентѣ явно противорѣчитъ всѣмъ товарищескимъ традиціямъ, установленнымъ въ Россійскомъ Императорскомъ Флотѣ съ незапамятныхъ временъ, внѣ всякой зависимости отъ чиновъ и занимаемаго положенія. И т. д., въ томъ же духѣ.

Написанное и исправленное письмо было прочтено Арамису, чтобы получить и его одобреніе и благословеніе на его посылку по адресу, каковое, хотя и было получено въ концѣ концовъ, но не безъ ворчанія и кислыхъ словъ. Онъ долго колебался, прежде чѣмъ объявить свою солидарность съ мѣрой, предпринимаемой каютъ-компаніей въ защиту одного изъ самыхъ младшихъ ея членовъ, потому что сильно опасался, что дѣло посылкой этого письма не окончится, а вѣрнѣе всего вызоветъ новый конфликтъ, быть можетъ болѣе серьезный нежели первый, съ мичманомъ Шупинскимъ.

Какъ увидимъ далѣе, Арамисъ былъ глубоко правъ, но ничего не могъ подѣлать: рѣшенія каютъ-компаніи было единодушнымъ и непоколебимымъ и его несогласіе не могло бы ничего измѣнить, ибо его два голоса*), поданные „противъ“, утонули бы въ огромномъ большинствѣ поданныхъ „за“, вызвавъ лишь противъ себя недовольство всей каютъ-компаніи. Такимъ образомъ, и Арамисъ, хотя и скрѣпя сердце, благословилъ насъ на этотъ шагъ, и письмо было послано.

Не прошло и двухъ дней послѣ этого, какъ мрачныя предсказанія Арамиса полностью подтвердились: дежурный катеръ съ флагманскаго корабля привезъ письмо, адресованное Арамису.

Прочитавъ его, Арамисъ нахмурился какъ туча и, спустившись въ каютъ-компанію, протянулъ его, ни слова не говоря, группѣ сидѣвшихъ тамъ офицеровъ.

Дѣло принимало новый оборотъ. Въ лицѣ лейтенанта С. мы встрѣтили серьезнаго и умнаго противника. Получивъ наше письмо, онъ понялъ, что борьба

*) Въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ въ каютъ-компаніи большинствомъ голосовъ, старшему офицеру, какъ предсѣдателю ея, принадлежитъ два голоса, или вѣрнѣе, — въ случаѣ равенства голосовъ, принимается рѣшеніе, за которое голосуетъ старшій офицеръ.

съ цѣлой группой офицеровъ будетъ не по силамъ даже любимому флагъ-офицеру адмирала Рожественскаго и рѣшилъ направить свои удары противъ одного, хотя и старшаго въ чинѣ, а именно — противъ Арамиса. Вотъ что онъ писалъ нашему старшему офицеру:

— Я получилъ оскорбительное для меня коллективное письмо г.г. офицеровъ эскадреннаго броненосца „Орелъ“. Такъ какъ предсѣдателемъ каютъ-компаніи военнаго корабля является старшій офицеръ, то я обращаюсь къ вамъ, какъ къ лицу, отвѣтственному за коллективныя выступленія офицеровъ...

Далѣе, онъ протестовалъ противъ квалификаціи его поведенія передъ мичманомъ Шупинскимъ какъ „капризъ“, объясняя и оправдывая его цѣлью поддержанія дисциплины, съ еще большей категоричностью протестовалъ противъ допустимости посылки коллективныхъ оскорбительныхъ писемъ и заканчивалъ ультиматумомъ: въ случаѣ неполученія по истеченіи опредѣленнаго срока отъ Арамиса, какъ предсѣдателя каютъ-компаніи, удовлетворительнаго для него извиненія за себя и за каютъ-компанію, онъ почтетъ себя принужденнымъ вновь просить вмѣшательства Командующаго Флотомъ, при чемъ дѣлалъ вполнѣ ясный намекъ на то, что въ этомъ случаѣ дѣло для Арамиса можетъ окончиться довольно печально.

Письмо было очень длинное и заканчивалось въ меланхолическомъ тонѣ о нашемъ тяжеломъ положеніи вообще, о неопредѣленномъ и темномъ будущемъ эскадры и т. п.

Не будь въ этомъ письмѣ ясныхъ и опредѣленныхъ угрозъ по адресу бѣднаго Арамиса, мы бы сочли себя болѣе чѣмъ удовлетворенными имъ, ибо весь тонъ письма показывалъ, что всѣ наши удары больно ударили по цѣли, и сидящій „съ пикой“ мичманъ Шупинскій можетъ считать себя отмщеннымъ. Но пока

висѣлъ дамокловъ мечъ надъ головой Арамиса, мы не имѣли права, умывши руки, почить на лаврахъ, такъ какъ никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что лейтенантъ С. не ограничится одной угрозой и приведетъ ее въ исполненіе, если не получитъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта.

Первое, что мы сдѣлали, это — постарались успокоить Арамиса.

— Не безпокойтесь, Константинъ Леопольдовичъ, — сказали ему наши заправилы, — не отвѣчайте ему ничего на это письмо и предоставьте намъ написать ему снова.

— Дѣлайте, какъ знаете, — махнулъ рукой Арамисъ, — одно только васъ прошу, это — покончить съ этой непріятной исторіей безъ благосклоннаго участія адмирала. — И бѣдный Арамисъ печально вышелъ изъ каютъ-компаніи.

Задача, которую предстояло намъ рѣшить, была не изъ легкихъ. Объ извиненіяхъ съ нашей стороны — не могло быть, конечно, и рѣчи, дабы не уподобиться нашей каютъ-компаніи безсмертной гоголевской унтеръ-офицерской вдовѣ. Въ то же время мы считали своимъ священнымъ долгомъ во что бы то ни стало выгородить Арамиса и избавить его отъ риска подвернуться подъ гнѣвную руку адмирала, отлично понимая, что лейтенантъ С. не зря предупреждалъ Арамиса о возможныхъ для него печальныхъ послѣдствіяхъ адмиральскаго вмѣшательства.

Послѣ долгихъ споровъ и обсужденій мы пришли къ заключенію, что въ создавшихся условіяхъ, самое главное, было постараться выиграть время; для этого необходимо было послать лейтенанту С. какой бы то ни было отвѣтъ на его письмо ранѣе истеченія поставленнаго имъ срока.

Сказано — сдѣлано: снова было написано письмо, опять таки отъ имени всей каютъ-компаніи, но

на этотъ разъ въ значительно болѣе мягкихъ тонахъ, нежели первое; въ немъ совершенно не упоминалось объ инцидентѣ съ Шупинскимъ, давая этимъ понять, что инцидентъ этотъ мы уже считаемъ исчерпаннымъ.

Въ самыхъ спокойныхъ и мирныхъ тонахъ мы лишь оспаривали его точку зрѣнія на всю полноту отвѣтственности Арамиса въ посылкѣ ему нашего перваго письма. Мы писали, что онъ не можетъ не понимать, что разъ посылка письма была рѣшена большинствомъ голосовъ каютъ-компаніи, то Арамисъ не могъ бы ей воспрепятствовать своими двумя голосами, поданными противъ, и дѣлали даже намекъ, что именно голосъ Арамиса высказывался противъ таковой посылки.

Отредактированное нѣсколько разъ письмо было отправлено на „Суворовъ“ въ самый послѣдній моментъ передъ истеченіемъ даннаго въ ультиматумѣ срока, послѣ чего мы съ большимъ волненіемъ начали ожидать дальнѣйшаго развитія событій, въ особенности Арамисъ, которому борьба одинъ на одинъ съ любимымъ флагъ-офицеромъ Рожественскаго была совсѣмъ не по душѣ.

Прошелъ цѣлый день. Съ „Суворова“ не приходило никакихъ извѣстій. Наступилъ день слѣдующій, который принесъ намъ вѣсть, хотя и не имѣющую никакого отношенія къ нашему инциденту съ лейтенантомъ С., но аннулирующую въ корнѣ всѣ инциденты, или, по меньшей мѣрѣ, откладывающую ихъ разрѣшеніе на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Вѣсть эта была — приказъ адмирала: *„Эскадрѣ приготовиться къ походу въ 24-часовой срокъ“*.

Приказъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе своевременъ и не только въ нашемъ, частномъ случаѣ, поставивъ точку на нашемъ, въ сущности, пустяшномъ инцидентѣ съ лейтенантомъ С., но и въ смыслѣ болѣе общемъ.

Съ каждымъ лишнимъ днемъ нашей длительной стоянки на Мадагаскарѣ духъ и настроеніе личнаго состава эскадры замѣтно падали. Если къ моменту ухода нашего изъ этого гиблаго мѣста и нельзя еще было произнести страшнаго слова „деморализація“, то мы уже во всякомъ случаѣ были недалеко отъ нея, и тогда — даже желѣзная воля адмирала Рожественскаго не смогла бы ничего подѣлать и, подобравъ вожжи, надѣть вновь на людей стальной намордникъ дисциплины. Случаи открытаго неповиновенія и преступленій повторялись на эскадрѣ все чаще и чаще. Начинало явно сказываться небрежное и легкомысленное комплектованіе кораблей командами.

Не говоря о томъ, что большой процентъ командъ составляли новобранцы и запасные, но и послужившіе на дѣйствительной службѣ матросы, если и могли почитаться отборными, то скорѣе въ смыслѣ отрицательномъ, а не положительномъ. Экипажные командиры точно нарочно сплавляли на корабли своихъ „архаровцевъ“.

Еще въ Кронштадтѣ, когда фельдфебеля привозили къ намъ изъ 14-го экипажа партіи назначаемыхъ къ намъ на корабль матросовъ, Арамисъ, просмотрѣвъ выписки на нихъ изъ штрафного журнала, зачастую хватался за голову и кричалъ возмущеннымъ голосомъ:

— Да этимъ негодяямъ давно пора быть въ дисциплинарномъ батальонѣ, а они намъ ихъ на корабль назначаютъ!

И такъ было не только съ нашимъ кораблемъ, но и повсюду на эскадрѣ. Пробовали жаловаться

высшему начальству и даже самому высшему, занявшему вскорѣ постъ морского министра, но оно оставалось глухо къ воплямъ командировъ и, заикаясь (оно страдало этимъ порокомъ), неизмѣнно отвѣчало:

— Ни-и-и-чего. Въ мо-о-о-рѣ и-и-спра-а-вятся!..

На Мадагаскарѣ мы увидѣли во-очію, какъ они дѣйствительно „въ мо-о-о-рѣ и-и-спра-а-вились". Въ февралѣ мѣсяцѣ уже рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы на томъ или иномъ кораблѣ не взвивался на мачтѣ гюйсъ, сопровождаемый пушечнымъ выстрѣломъ — церемоніалъ, выполняемый во время засѣданія суда особой комиссіи.

Нашъ композиторъ, піанистъ и регентъ — В. Э. Добровольскій уже не училъ насъ, какъ нужно пѣть „Это стррашное мерртвое тѣло", — ему было не до насъ; онъ пропадалъ цѣлыми днями, часто навѣщалъ адмирала и работалъ какъ негръ.

На нашемъ кораблѣ паденіе дисциплины также сильно давало о себѣ знать.

За нѣсколько дней до нашего ухода изъ Мадагаскара мнѣ пришлось разгружать барказами нѣмецкій пароходъ-угольщикъ, который нужно было освободить отъ остающагося у него небольшого запаса угля. Большая часть данной въ мое распоряженіе команды работала въ трюмахъ, насыпая мѣшки. Работа уже подходила къ концу; уголь еще оставался лишь въ кормовомъ трюмѣ, да и то на самомъ днѣ его, ибо обнажилась уже труба гребного вала. Вдругъ, къ великому моему изумленію, я сталъ замѣчать среди людей моихъ, и именно работающихъ въ трюмѣ, какую то ненормальную, повышенную веселость: изъ трюма поминутно доносились взрывы громкаго хохота. Спустившись со спардека, откуда я руководилъ работой, я подошелъ къ краю трюма и, заглянувъ туда, сразу разгадалъ причину царящаго тамъ веселья:

большинство моихъ молодцовъ было пьяно, какъ на хорошей свадьбѣ.

— Что за чудеса въ рѣшетѣ? — подумалъ я, — откуда, подлецы, раздобыли спиртное? Ни одинъ мальгашескій катамаракъ*) и близко не подходилъ къ пароходу. Къ тому же всѣ мои люди, работающіе наверху и на барказахъ, трезвы, какъ стеклышко, а пьяны только тѣ, что въ трюмѣ. Не въ углѣ же, чортъ возьми, они раскопали спиртной кладъ?!

Продолжать разгрузку съ полу-пьяной командой было уже рискованно: сильно потрепанные мѣшки зачастую срывались при подъемахъ съ гака пароходной стрѣлы и тогда пятипудовый мѣшокъ со страшной высоты летѣлъ обратно въ трюмъ, гдѣ работали люди; тутъ и трезвому — дай Богъ увернуться!

— Стопъ грузить! Вылѣзай, ребята, наверхъ! — крикнулъ я внизъ. Черные какъ негры отъ угольной пыли, съ перехваченными бичевой рукавами и штанами рабочаго платья, съ чехлами вмѣсто фуражекъ на головахъ, полѣзли мои полу-пьяные „ребята“ наверхъ по скобкамъ вертикальнаго желѣзнаго трапа, ведущаго на палубу съ самаго днища трюма. Одинъ изъ этихъ молодцовъ, по фамиліи Племьяновъ, былъ пьянъ до такого состоянія, что пускать его подыматься самостоятельно было болѣе чѣмъ рискованно: онъ неминуемо бы сорвался и разбился. Я рѣшилъ поднять его стрѣлой. Но для этого его надо было предварительно связать.

— Эй, вы, тамъ внизу, красавцы, — крикнулъ я остававшимся еще въ трюмѣ, — свяжите Племьянова, чтобы я могъ поднять его стрѣлой!

Дружный взрывъ хохота послышался мнѣ въ отвѣтъ изъ глубины трюма. Никто и пальцемъ не пошевельнулъ, чтобы исполнить мое приказаніе, а

*) Туземная пирога.

самъ Племьяновъ, чувствуя себя героемъ и центромъ вниманія и внѣ моей досягаемости у себя въ преисподней, разставилъ широко ноги, подбоченился и, поднявъ кверху свою вымазанную углемъ, черную рожу, принялся изощрять надъ моей персоной свое пьяное остроуміе, подбадриваемый одобрительными возгласами и взрывами хохота своихъ, такихъ же черномазыхъ пріятелей.

Положеніе мое становилось не изъ пріятныхъ. На спардекѣ парохода собралась кучка нѣмцевъ изъ пароходной администраціи, съ живѣйшимъ любопытствомъ набюдавшихъ за этой веселой сценкой. На мое счастье, какъ я уже говорилъ, не вся моя команда была пьяна: работавшіе наверху были совершенно трезвы. Этимъ я и воспользовался. Отобравъ трехъ, поздоровѣе, молодцовъ, я далъ имъ конецъ и стропъ и лично отдалъ имъ приказаніе спуститься немедленно въ трюмъ и связать Племьянова по рукамъ и ногамъ. Мѣра оказалась быстрой и радикальной, ибо мои молодцы, подстрекаемые, повидимому, чувствомъ зависти и обиды, что спиртнымъ раздобылись низовые, а имъ наверху не очистилось, что называется, ни синь-пороху, — очень охотно и съ изумительной быстротой исполнили мое приказаніе. Не прошло и пяти минутъ, какъ Племьяновъ изображалъ уже собою куль, аккуратно перевязанный и остропленный, и я уже командовалъ машинисту на лебедкѣ:

— Выбирай, по малу, на лебедкѣ!

Но едва тѣло Племьянова отдѣлилось отъ днища трюма и стало медленно подыматься на Божій свѣтъ, какъ настроеніе его, какъ это часто бываетъ съ сильно пьяными людьми, вдругъ рѣзко перемѣнилось: вмѣсто шутокъ и остротъ изъ устъ его полилась неудержимымъ потокомъ отборнѣйшая матросская ругань, перемѣшанная пьяными слезами и всхлипываніями. Пока онъ сдѣлалъ довольно длинное воздуш-

ное путешествіе съ днища парохода до надежнаго мѣста подъ банками ошвартовленнаго у его борта моего барказа, я успѣлъ наслушаться немало смачныхъ комплиментовъ не только по собственному своему адресу, но и по адресу всѣхъ г. г. офицеровъ эскадреннаго броненосца „Орелъ“ до его командира включительно.

Отправивъ пьянаго Племьянова на броненосецъ съ краткой объяснительной запиской для вахтеннаго начальника, я приступилъ къ опросу вылѣзшихъ изъ трюма людей, чтобы выяснить, какимъ образомъ и откуда раздобылись они спиртнымъ, однако, — безуспѣшно. Всѣ они, повидимому, сговорившись, отвѣчали одно и то же:

— Такъ что, не могу знать. Мнѣ далъ выпить такой-то. — И одинъ указывалъ на другого. Я махнулъ въ концѣ концовъ рукой и приказалъ имъ садиться въ шлюпки.

— Ладно, тамъ на броненосцѣ разберемся. Садись, красавцы, въ шлюпки. Кто попьянѣе — ложись подъ банки.

Въ тотъ же вечеръ загадка разъяснилась. Съ нѣмецкаго парохода обшарпанная шлюпка съ грязными гребцами привезла на имя нашего командира пакетъ. Въ немъ оказалось письмо командира парохода и довольно длинный счетъ на вина и коньяки, по которому командиръ парохода убѣдительно просилъ уплатить подателю пакета — его буфетчику. Оказалось, что пароходная кладовая своей задней, почему то деревянной, стѣнкой выходила въ кормовой трюмъ. Мои молодцы, повидимому, чутьемъ, сквозь доски, почуяли за тонкой перегородкой спиртное и, отодравъ нѣсколько досокъ, проникли въ кладовую. Счетъ оказался довольно солиднымъ. Но — „noblesse oblige“, — и ревизору было приказано уплатить по нему полностью.

Когда я, спустя нѣкоторое время, спрашивалъ участниковъ пиршества: — „Когда это вы, подлецы, успѣли вылакать этакое количество винища?“ — участники пира клялись, что нѣмецъ насъ нагло обманулъ и что они и половины не выпили того, что фигурировало въ счетѣ.

Описанное происшествіе отнюдь не являлось случаемъ изъ ряда вонъ выходящимъ. Скорѣе обратно: сравнивая съ происшествіями, имѣвшими мѣсто на другихъ корабляхъ эскадры, нашъ случай можно было отнести къ малозначущимъ и несерьезнымъ. На иныхъ же корабляхъ имѣли мѣсто преступленія, караемыя по законамъ военнаго времени смертной казнью. Но, несмотря на свою желѣзную волю и кажущуюся свирѣпость, за весь нашъ долгій походъ адмиралъ не казнилъ ни одного человѣка. Онъ отлично зналъ, что, начиная съ него самого, большинство его соплавателей уже были приговорены къ смерти.

Читатель пойметъ, съ какой радостью, начиная отъ мичмановъ и кончая командирами, былъ принятъ на эскадрѣ приказъ „приготовиться къ походу“. Куда мы шли? Никто, конечно, этого не зналъ, да никто и не спрашивалъ. По приготовленіямъ знали главное, что идемъ черезъ океанъ, т. е. — впередъ. И всѣ ликовали, что покидаемъ окончательно Мадагаскаръ съ его дьявольской жарой, тропическими ливнями, игорными домами, поставщиками флота и осточертѣлымъ Хельвилемъ!

ГЛАВА VIII.

Въ Индійскомъ океанѣ. Погрузка угля. Ловля акулы. Печальное происшествіе и невѣрный діагнозъ. Судовой врачъ сердится. Въ Малакскомъ проливѣ. Вдоль индокитайскихъ береговъ. Приходъ въ Камрангъ.

3-го марта, послѣ полудня эскадра начала сниматься съ якоря. Для этой процедуры понадобилось не мало времени, ибо русская эскадра, покидавшая столь опротивѣвшую всѣмъ Nossi-Bé, состояла уже изъ 45 кораблей.

Когда всѣ корабли вытянулись, наконецъ, изъ бухты и дали ходъ машинамъ, эскадра наша представляла незабываемую картину настоящаго плавучаго города. Но, увы! Среди этого множества кораблей, самыхъ разнообразныхъ типовъ, лишь очень немногіе заслуживали названія дѣйствительно боевыхъ кораблей! Большинство же этой громады составляли транспорты и прочія суда вспомогательнаго назначенія, столь необходимые намъ на нашемъ крестномъ пути. Если до Мадагаскара намъ уже пришлось преодолѣть столько препятствій, которыя воздвигали намъ всѣ, кому только не лѣнь, то что же мы могли ожидать впереди, по мѣрѣ приближенія нашего къ театру военныхъ дѣйствій!

По румбу, взятому эскадрой въ первый же день нашего ухода изъ Мадагаскара, уже можно было догадаться о намѣреніи адмирала вести эскадру къ Зондскому архипелагу. На долгое время должно было

лишь оставаться для насъ загадкой — какой проливъ изберетъ нашъ Командующій для обхода Зондскихъ острововъ: — Малакскій или Зондскій? Но это уже было для насъ, для статистовъ разыгрывающейся драмы и не такъ ужъ важно. Главное мы уже знали: курсъ нордъ-остъ, навстрѣчу врагу. Но до него было еще очень не близко, и до встрѣчи съ нимъ намъ предстояло побѣдить другого врага — безграничный Индійскій океанъ, протянувшійся передъ нами на протяженіи болѣе трехъ тысячъ миль.

Для этого огромнаго перехода, никакого, даже самаго сумасшедшаго запаса угля, взятаго на корабли, было бы недостаточно, и volens-nolens мы должны были приготовиться къ тому, чтобы подгрузить топливо нѣсколько разъ на протяженіи этого плаванія. Но какъ и гдѣ? Только съ нашихъ же транспортовъ, въ открытомъ океанѣ. Выполнить же эту задачу было далеко не просто. Мы и мечтать не смѣли о томъ, что намъ удастся швартоваться бортъ о бортъ съ нашими транспортами, такъ какъ даже въ самую благопріятную погоду, въ мертвый штиль, океанъ не бываетъ спокоенъ и вѣчно дышитъ пологой, мертвой зыбью, которая не позволяетъ швартоваться большимъ судамъ, безъ риска причинить взаимно серьезныя поврежденія. Такимъ образомъ, намъ не оставалось иного способа грузиться углемъ, какъ перевозя его съ транспорта на корабль судовыми шлюпками. Въ предвидѣніи этого, идущіе съ эскадрой транспорты съ углемъ были уже заранѣе распредѣлены между кораблями. Для нашего броненосца предназначался транспортъ „Китай“.

На четвертый или пятый день по выходѣ нашемъ изъ Nossi-Bé была произведена впервые погрузка угля этимъ способомъ.

Какъ только разсвѣло, на „Суворовѣ“ взвился сигналъ: „начать погрузку угля“.

По этому сигналу эскадра застопорила машины, кромѣ вспомогательныхъ крейсеровъ, у которыхъ запасъ топлива былъ достаточенъ для перехода черезъ весь океанъ. На нихъ была возложена обязанность охраны эскадры на то время, пока длится погрузка угля. Какъ ни мала была вѣроятность встрѣчи съ непріятелемъ въ обширномъ океанѣ, эта мѣра предосторожности была совершенно необходима, ибо пока происходила погрузка, эскадра оставалась совершенно беззащитной: корабли перемѣшивались между собою безъ какого бы то ни было даже намека на строй и порядокъ, съ орудіями, закрытыми чехлами, съ большими партіями командъ, отправленными на транспорты для погрузки угля въ мѣшки, со шлюпками, спущенными на воду и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, въ случаѣ внезапной тревоги, требовалось довольно продолжительное время для приведенія эскадры въ порядокъ вообще, а въ боевой въ особенности.

Поэтому, съ поднятіемъ сигнала о началѣ погрузки угля, наши вспомогательные крейсера расходились по разнымъ, заранѣе назначеннымъ каждому, частямъ горизонта, чтобы имѣть возможность во-время предупредить эскадру о появленіи чего бы то ни было подозрительнаго.

Застопоривъ машины, мы приступили къ спуску на воду нашихъ крупныхъ шлюпокъ, т. е. барказовъ и полубарказовъ и одного парового катера, въ то время какъ нашъ транспортъ „Китай“ направлялся къ намъ, чтобы стать возможно ближе. Какъ только были спущены шлюпки, туда попрыгала заранѣе назначенная команда, отправившаяся подъ командой офицера на транспортъ. Задача этихъ людей была насыпать углемъ мѣшки, которые потомъ грузились въ барказы, а эти уже буксировались паровымъ катеромъ къ броненосцу.

Этотъ способъ погрузки, естественно, не могъ дать блестящихъ результатовъ въ смыслѣ быстроты пріемки топлива, но въ нашихъ условіяхъ плаванья у насъ не было иного выбора.

Въ первый день погрузки намъ удавалось грузить всего по 20-25 тоннъ въ часъ, но въ слѣдующіе разы цифра эта стала расти, достигнувъ вскорѣ до 40 и даже переваливъ за нее послѣ того, какъ мы натренировались въ этой работѣ. Быстротѣ погрузки много содѣйствовалъ также и духъ соревнованія между кораблями, поддерживаемый адмираломъ, установившимъ денежныя награды командѣ опередившаго въ погрузкѣ своихъ однотипныхъ кораблей судна. Въ нашей серіи броненосцевъ первый призъ почти постоянно доставался „Александру III“, за которымъ никакъ не могли угнаться ни мы, ни „Суворовъ“, ни „Бородино“. Какъ ни гладко шла наша погрузка, какъ ни надрывалась команда, рѣдкій часъ намъ удавалось показать цифру большую показанной „Александромъ“, а въ общемъ итогѣ мы всегда оказывались позади.

— Гдѣ-жъ за нимъ угнаться! — съ отчаяніемъ въ голосѣ говорили наши матросы: — развѣ жъ на ёмъ люди? То-жъ — лошади!*).

Въ дни погрузки угля въ океанѣ наша эскадра представляла очень живописную картину: разбросанные въ безпорядкѣ отъ горизонта до горизонта корабли и между этими громадами снующіе по всѣмъ направленіямъ маленькіе паровые катера съ барказами и шаландами на буксирѣ.

На первой погрузкѣ мнѣ пришлось ходить на паровомъ катерѣ, буксируя отъ транспорта къ броненосцу и обратно наши барказы и катера. Странное

*) Броненосецъ „Александръ III“ былъ гвардейскаго экипажа, комплектуемаго въ то время самыми крупными людьми, даже по сравненію съ пѣхотными полками всей прочей гвардіи.

и слегка волнующее чувство испытывалъ я, очутившись впервые на маленькой скорлупкѣ, какой представлялся мнѣ мой паровой катеръ, на мощной груди океана, который спокойно дышалъ огромной пологой зыбью. Когда мой катеръ спускался въ провалъ между двумя валами, вся эскадра скрывалась изъ моихъ глазъ, такъ что я видѣлъ лишь голубое, бездонное небо надъ собой и два зеленоватыхъ, прозрачныхъ холма воды впереди и сзади. Но вотъ моя скорлупка ползетъ уже куда то вверхъ, и вскорѣ я уже на самой вершинѣ зыби, откуда мнѣ видны, всѣ до одного, столь хорошо знакомые силуэты кораблей нашей эскадры, повернутые носами въ разные стороны горизонта, медленно подымаемые и опускаемые мощнымъ дыханіемъ океана.

Но самымъ волнующимъ моментомъ было безъ сомнѣнія приставаніе къ борту броненосца, который съ застопоренными машинами былъ, обычно, повернутъ лагомъ къ зыби. Въ эти моменты надо было быть на чеку, такъ какъ выступающая отъ борта броненосца рѣшетка сѣтей Булливена представляла серьезную опасность: зыбь то подымала мой катеръ высоко надъ рѣшеткой, то опускала его подъ нее, сама же рѣшетка — то сильно вздымалась надъ водой, то уходила подъ воду. Зазѣвайся крючковые и не успѣй во время оттолкнуться отъ борта и катастрофа неминуема, что и случилось въ одну изъ первыхъ же погрузокъ съ паровымъ катеромъ „Сысоя Великаго“. Зыбь взметнула катеръ кверху, крючковые не успѣли оттолкнуться, рѣшетка легла на фальшбортъ катера, ушла вмѣстѣ съ нимъ подъ воду, катеръ хлюпнулъ, и... только его и видѣли. Къ счастью, обошлось безъ человѣческихъ жертвъ, ибо команда его успѣла перескочить на броненосецъ, избѣжавъ двойной опасности — утонуть и попасть на зубы кровожаднымъ акуламъ Индійскаго океана, изобиловавшимъ въ проходимыхъ нами широтахъ.

Солнце еще не скрылось за горизонтомъ, какъ адмиралъ пріостановилъ погрузку угля. Нужно было засвѣтло успѣть привести все въ порядокъ и разбросаннымъ кораблямъ вновь занять свое мѣсто въ походномъ строѣ. На все это нужно было не мало времени.

Плаваніе наше по Индійскому океану протекало довольно гладко, безъ какихъ либо крупныхъ, выдающихся изъ ряда обычныхъ, событій. Погода намъ благопріятствовала. Насъ задерживали лишь частыя аваріи въ машинахъ то на томъ, то на другомъ кораблѣ, что заставляло всю эскадру уменьшать ходъ, чтобы дать возможность произвести нужныя исправленія. Отъ времени до времени лопался буксиръ какого либо изъ миноносцевъ, которыхъ, для сохраненія ихъ хрупкихъ машинъ, вели на буксирахъ транспорты. Тогда вся эскадра вовсе стопорила машины, ожидая, пока вновь заведутъ буксиры.

Такъ шли дни за днями въ однообразномъ плаваніи по безбрежному океану и эскадра медленно, но вѣрно приближалась къ Зондскому архипелагу.

Во время одной изъ очередныхъ погрузокъ угля я былъ назначенъ съ командой на транспортъ „Китай“. Свободная отъ работы и вахты транспортная команда развлекалась ловлей акулы. На солидный крюкъ былъ нацѣпленъ большой кусокъ солонины и на длинномъ, крѣпкомъ концѣ вытравленъ за бортъ далеко за корму. Черезъ нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія конецъ нѣсколько разъ сильно дернулся и, наконецъ, натянулся и задрожалъ, какъ струна. Послышались радостные, возбужденные голоса:

— Готово! Пошелъ на лебедкѣ! Выбирай!

На сценѣ появился, принявъ на себя руководительство работой, пароходный боцманъ, уже пожилой, дюжій мущина съ мускулистыми руками и кулачищами съ добрую дѣтскую голову. Лебедка, на кото-

рую былъ взятъ конецъ, начала выбирать его малымъ ходомъ. Вскорѣ, за кормой, по тому направленію, куда уходилъ конецъ съ крюкомъ, въ прозрачной зеленоватой глубинѣ показалось огромное сѣрое пятно. Это была медленно подтягиваемая къ борту акула. Конецъ то ослабѣвалъ, то вдругъ дергался со страшной силой и вытягивался въ струнку. Когда акула была подтянута къ самому борту, боцманъ остановилъ лебедку и не раньше пустилъ ее вновь въ ходъ, какъ замѣтилъ по силѣ и частотѣ натяженія конца, что акула въ достаточной степени ослабѣла. Наконецъ, изъ воды показалась огромная плоская голова акулы.

— Топоръ! — коротко бросилъ боцманъ, и когда ему подали топоръ, приказалъ: — отойди немного, ребята. — Вотъ голова акулы подошла уже почти вровень съ фальшбортомъ.

— Стопъ на лебедкѣ! — крикнулъ боцманъ и, поднявъ топоръ, нанесъ одинъ за другимъ нѣсколько страшныхъ ударовъ по головѣ чудовища. Акула бѣшенно задергалась на крѣпко державшемъ ее концѣ. По мѣрѣ того, какъ боцманъ наносилъ ей удары, движенія акулы дѣлались все слабѣе и, наконецъ, замерли совершенно; акула повисла безжизненнымъ, огромнымъ тѣломъ вдоль пароходнаго борта.

— Вотъ теперь вира, полный ходъ! — крикнулъ боцманъ. Лебедка весело заработала, тѣло акулы поднялось надъ фальшбортомъ, стрѣла повернулась и опустила акулу на палубу. Это былъ отличный экземпляръ этого морского хищника, не менѣе пяти метровъ длины. Какъ только акула очутилась на палубѣ, къ ней сразу хлынули матросы, чтобы разсмотрѣть ее поближе, но были остановлены предостерегающимъ возгласомъ боцмана:

— Поберегись, ребята, очень близко то подходить; може она и жива еще! — И точно въ подтвержденіе его словъ, акула вдругъ дернулась и съ такой

страшной силой ударила нѣсколько разъ хвостомъ по палубѣ, что всѣ любопытные сразу же шарахнулись отъ нея на почтительное разстояніе.

— Ахъ ты дьяволъ, не хочешь подыхать?! — разсвирѣпѣлъ боцманъ и, подскочивъ къ акулѣ, нанесъ ей такой страшный ударъ, на этотъ разъ уже остріемъ топора, что акула дернулась въ послѣдній разъ и замерла уже навѣки.

— Теперь вали, ребята, дѣлай съ ней, что хочешь, — сказалъ боцманъ, отдуваясь. Но „ребята“ на этотъ разъ подходили уже съ большой опаской и долго еще недовѣрчиво посматривали на могучій акулій хвостъ, хотя уже не могло быть никакихъ сомнѣній въ смерти чудовища.

Наслышавшись и начитавшись легендъ о невѣроятной прожорливости акулы и о самыхъ неожиданныхъ и даже невѣроятныхъ находкахъ въ ея брюхѣ, меня интересовало лишь содержаніе ея желудка. Но, увы, меня ожидало жестокое разочарованіе: изъ всего того, что удалось извлечь изъ брюха акулы, самымъ интереснымъ было довольно большое количество грязной пакли, пропитанной машиннымъ масломъ, выбрасываемой въ изобиліи машинистами съ кораблей. Бѣдная акула! Это было все, чѣмъ удалось ей попользоваться, сопровождая эскадру изъ 45 кораблей; когда же въ прозрачной океанской водѣ появилось нѣчто болѣе соблазнительное, въ видѣ солиднаго куска доброй матросской солонины, то въ немъ оказался предательски скрытъ смертоносный крюкъ, который безжалостно вытащилъ ее изъ родной стихіи на палубу русскаго транспорта „Китай“.

Нѣсколько дней спустя, на слѣдующей погрузкѣ угля, мнѣ вновь пришлось ходить на паровомъ катерѣ, буксируя наши барказы между транспортомъ и броненосцемъ. Погода была прекрасная. Команда, уже натренированная, быстро и споро работала и катеръ мой безъ передышки циркулировалъ между обоими кораблями, едва успѣвая справляться со своей работой.

Въ одинъ изъ моихъ рейсовъ къ транспорту, когда я подходилъ къ нему съ порожнимъ барказомъ на буксирѣ, то еще издали, къ большому моему удивленію, замѣтилъ, что на шлюпкѣ, стоявшей у борта „Китая“, вмѣсто горы мѣшковъ съ углемъ, сгрудилась на доскахъ, настланныхъ поверхъ банокъ, кучка матросовъ. Люди усиленно жестикулировали, что то горячо обсуждая, видимо чѣмъ то сильно взволнованные. Подойдя поближе, откуда могъ быть слышенъ мой голосъ, я крикнулъ:

— Въ чемъ дѣло? Почему пріостановили погрузку?

— Такъ что, Захарова убило! — отвѣтило мнѣ сразу нѣсколько голосовъ.

— Какъ убило? Какимъ образомъ?

— Мѣшокъ сорвался со шкентеля и упалъ въ аккуратъ на Захарова!..

Подойдя къ барказу, я прыгнулъ на доски, гдѣ лежало всего нѣсколько подъемовъ. Команда разступилась и пропустила меня впередъ. Одна изъ досокъ, служившихъ настиломъ на банкахъ барказа, была сломана; на днѣ шлюпки лежалъ матросъ, съ ногъ до головы покрытый угольной пылью; подъ нимъ — черная лужица, не то крови, не то воды — разобрать было нельзя, ибо все было черно отъ угля. Матросъ еще дышалъ, но былъ безъ сознанія.

— Чего же вы, болваны, кричали „убило“, когда онъ дышетъ? — разсердился я.

— Такъ мы-жъ не говорили, что онъ ужъ померъ. Опять же, все одно скоро помретъ, ужъ больно здорово его кокнуло. Мѣшокъ сорвался ажъ изъ подъ самаго нока стрѣлы...

— Куда его ударило?

— Въ аккуратъ по головѣ. — Дѣйствительно, лицо Захарова было залито кровью.

— Ладно, давайте его мнѣ на катеръ. Подходи, ребята, живо. Осторожно голову... Бери его за руки и за ноги...

Когда, слѣдуя моимъ указаніямъ, матросы подняли Захарова со дна барказа, я взялъ на себя обберегать его раненую голову и, поддерживая ее осторожно, пачкая руки въ крови и углѣ, помогъ перенести его на паровой катеръ и, уложивъ его на днѣ кормового помѣщенія, полнымъ ходомъ пошелъ къ броненосцу. Подходя къ кораблю, я всталъ на машинный кожухъ и, взявъ семафорные флажки, просемафорилъ на броненосецъ:

„Везу тяжело раненаго. Прошу доктора принять его съ командирскаго балкона".

Еще раньше, нежели мнѣ успѣли подать бакштовъ, на командирскомъ балконѣ показался Гаврила Андреевичъ въ сопровожденіи фельдшера и двухъ санитаровъ съ носилками.

— Что случилось? — крикнулъ мнѣ докторъ. — Кто и куда раненъ?

— Матросъ Захаровъ, въ голову, сорвавшимся со шкентеля мѣшкомъ съ углемъ. Онъ безъ сознанія.

Хотя и пологая, но крупная зыбь сильно затрудняла операцію выгрузки раненаго, тѣмъ болѣе, что онъ продолжалъ быть въ обморочномъ состояніи. Съ большимъ трудомъ, тщательно оберегая его голову отъ толчковъ, намъ удалось, наконецъ, передать безжизненное тѣло незадачливаго матроса на броненосецъ, послѣ чего я, со вздохомъ облегченія и съ

чувствомъ удовлетворенія отъ сознанія исполненнаго долга и проявленной мною распорядительности, пошелъ къ транспорту за очередной партіей угля.

Въ тотъ же вечеръ, въ каютъ-компаніи, садясь за ужинъ, я обратился къ Гаврилѣ Андреевичу:

— Ну, что, Гаврила Андреевичъ, какъ нашъ Захаровъ?

— Ничего-съ, — отвѣтилъ докторъ сухо и смотря на меня злыми глазами, — благодаря вамъ, состояніе его довольно неважное и, можно даже сказать, очень неважное...

Менѣе всего на свѣтѣ я ожидалъ такого отвѣта. Даже больше того: я уже приготовился скромно отклонить восторженный панегирикъ доктора по своему адресу за проявленныя мною быстроту дѣйствій и распорядительность. И вдругъ — я же оказываюсь въ чемъ то виноватымъ.

— Я ничего не понимаю, Гаврила Андреевичъ. Объясните мнѣ, Бога ради, въ чемъ вы считаете меня виновнымъ? Вѣдь его ударило мѣшкомъ въ мое отсутствіе, а я имъ тысячу разъ говорилъ не стоять подъ подъемомъ, когда выбираютъ шкентель...

— Дѣло совсѣмъ не въ томъ, — съ сильнымъ раздраженіемъ въ голосѣ перебилъ меня докторъ. — Скажите мнѣ, пожалуйста, какой идіотъ сказалъ вамъ, что у Захарова ранена голова? Ну, такъ знайте, что голова у него цѣла и здорова, не считая пустяковой царапины, но зато въ двухъ мѣстахъ сломана нога. А вы его таскали за ноги и тщательно оберегали цѣлую голову! Объясните, пожалуйста, теперь вы мнѣ: какъ это вы, таская его за ноги, не почувствовали, что одна нога у него сломана, да еще въ двухъ мѣстахъ?

— Но клянусь вамъ, Гаврила Андреевичъ, что я ни разу даже и не дотронулся до его рукъ и ногъ и поддерживалъ только его голову! А мои дураки,

повидимому, считали вполнѣ нормальнымъ, что человѣческая нога можетъ сгибаться въ трехъ мѣстахъ, вмѣсто одного!..

— А мнѣ кажется, что обязанность офицера въ такихъ серьезныхъ случаяхъ, какъ случай съ Захаровымъ, не принимать на вѣру того, что говорятъ глупые и ничего не смыслящіе матросы, а лично изслѣдовать дѣло и сообразно съ этимъ и поступать. Да-съ. И вотъ теперь, когда у Захарова одна нога окажется на нѣсколько вершковъ короче другой, онъ будетъ благодарить только васъ и никого больше...

Произнеся эту тираду, Гаврила Андреевичъ съ шумомъ придвинулъ свой стулъ къ столу и, продолжая ворчать что то себѣ подъ носъ, занялъ свое мѣсто подлѣ Арамиса, я же направился на мичманскій конецъ стола, „на бакъ", совершенно уничтоженный и сокрушенный до не́льзя.

Мнѣ рѣдко приходилось видѣть нашего, всегда добродушнаго, старшаго доктора въ такомъ раздраженіи. Что касается меня, то меня мучили сильныя угрызенія совѣсти всякій разъ, какъ я вспоминалъ, съ какой безцеремонностью таскали мы несчастнаго Захарова за его сломанную ногу.

Въ моей памяти не сохранилась дальнѣйшая судьба матроса Захарова. Кажется, онъ былъ переправленъ на госпитальный „Орелъ" и такъ и не успѣлъ вернуться къ намъ на броненосецъ до конца нашей эскадры.

Около трехъ недѣль переплывали мы океанъ, къ концу этого періода вновь пересѣкли экваторъ, вернувшись на родное сѣверное полушаріе, и, наконецъ, подошли къ Малакскому проливу. Нашъ входъ въ проливъ, хотя и очень широкій со стороны Индійскаго океана, сразу же почувствовался нами, ибо благодаря близости земли, раскаленной тропическимъ

солнцемъ, температура воздуха замѣтно скакнула на повышеніе. Измѣнился и цвѣтъ воды: кристально чистая лазурь бездоннаго океана смѣнилась желтизной не очень глубокихъ водъ.

Въ продолженіи всего нашего долгаго плаванія океаномъ, мы ни разу не видѣли ни паруса, ни дымка встрѣчныхъ судовъ, но съ перваго же дня, какъ наши неугомонные и неутомимые винты начали буравить воды Малакскаго пролива, этой большой дороги съ Дальняго Востока въ Европу, мы начали встрѣчать и обгонять, а то насъ самихъ обгоняли, суда всѣхъ видовъ, величинъ и національностей.

Необходимо было принять самыя серьезныя мѣры предосторожности на все время плаванія проливомъ, въ которомъ условія для минной атаки были болѣе чѣмъ благопріятными.

Проливъ, все съуживавшійся по мѣрѣ удаленія отъ Индійскаго океана и приближенія къ выходу въ Китайское море, тянулся на много миль, пробѣжать которыя наша эскадра могла лишь въ три или четыре дня; въ него вливалось множество другихъ глубокихъ проливовъ, чрезвычайно удобныхъ для засадъ атакующихъ судовъ.

Поэтому, войдя въ проливъ, эскадра измѣнила свой строй и порядокъ: транспорты были взяты внутрь эскадры подъ охрану военныхъ судовъ; чтобы дать имъ большую свободу маневрированія и не задерживать эскадру долгими заводами часто лопающихся буксировъ, миноносцы пошли въ проливѣ подъ своими собственными машинами; крейсера шли въ авангардѣ и арьергардѣ эскадры.

Въ послѣдній день плаванія по проливу мы проходили въ виду Сингапура, вѣрнѣе даже, по его рейду, ибо проливъ въ томъ мѣстѣ такъ узокъ, что во всю его ширину можетъ считаться рейдомъ Сингапура. Простымъ глазомъ былъ виденъ большой городъ,

раскинутый на низкомъ желтомъ берегу, подъ нимъ цѣлый лѣсъ мачтъ судовъ всѣхъ видовъ, между которыми въ бинокль можно было различить нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей.

У насъ на кораблѣ, и офицеры, и команда на верхней палубѣ и мостикахъ, не отрываютъ взоровъ отъ далекаго города. Общее настроеніе — радостное и гордо-хвастливое; на лицѣ каждаго и офицера и матроса написанъ гордый вызовъ англичанамъ: „любуйся и знай нашихъ!“

А похвастаться дѣйствительно было чѣмъ: позади насъ уже было болѣе четырехъ тысячъ миль безбрежнаго и свирѣпаго Индійскаго океана, пройденныхъ огромной эскадрой съ мелкими судами, безъ единой стоянки въ пути, не потерявъ ни одного судна, не оставивъ ни одного отсталаго! Пройденъ и страшный, безконечно длинный Малакскій проливъ, гдѣ насъ такъ легко могли „ущучить“ японскіе миноносцы. Теперь, когда мы были уже въ виду Сингапура, онъ намъ былъ уже не страшенъ: не успѣетъ зайти солнце, какъ мы будемъ уже на просторѣ Китайскаго моря.

Проходя траверзъ Сингапура, мы увидѣли небольшой пароходикъ, идущій отъ города на пересѣчку нашего курса. На его мачтѣ развѣвался огромный флагъ россійскаго консула. Съ нашей стороны отдѣлился одинъ изъ миноносцевъ и пошелъ ему навстрѣчу. Видно было, какъ съ пароходика, когда къ его борту подошелъ миноносецъ, что то передали ему на бортъ, послѣ чего они разошлись, а пароходикъ, догнавъ „Суворова“, нѣкоторое время шелъ рядомъ съ нимъ, послѣ чего вновь повернулъ и пошелъ по направленію къ Сингапуру.

Въ скоромъ послѣ этого времени наши сигнальщики приняли отъ передняго маталота слѣдующее извѣстіе, переданное по семафору:

„Съ «Суворова», передать по линіи: нѣсколько дней тому назадъ въ Сингапурѣ приходили японскіе крейсера. Весьма возможно, что непріятельская эскадра находится у сѣвернаго берега острова Борнео".

Вѣсть эта еще болѣе оживила и порадовала насъ. Наши старики въ каютъ-компаніи весело потирали руки и приговаривали:

— Прозѣвали голубчики... Ищи, свищи, теперь, вѣтра въ полѣ, а насъ — въ Китайскомъ морѣ...

У всѣхъ было ощущеніе одержаннаго крупнаго успѣха. Этотъ день, день выхода эскадры изъ Малакскаго пролива въ Китайское море, былъ однимъ изъ самыхъ бодрыхъ и радостныхъ дней за все время нашего долгаго похода. Такого высокаго подъема духа не приходилось наблюдать ни до, и увы, ни послѣ, до самой уже гибели эскадры...

По выходѣ на просторъ Южно-Китайскаго моря, въ нашей каютъ-компаніи вновь сталъ обсуждаться давно уже не дебатированный вопросъ — „куда идемъ", вѣрнѣе — „какъ идемъ?" Натренировавъ насъ въ Индійскомъ океанѣ на погрузкѣ угля въ открытомъ морѣ, не поведетъ ли насъ адмиралъ прямо во Владивостокъ, никуда уже не заходя? Долженъ сказать, что эта идея встрѣчала у большинства самое горячее одобреніе.

— Къ чорту якорныя стоянки и иностранные порты! Обойдемся и безъ нихъ! Вотъ это будетъ номеръ: однимъ духомъ махнуть съ Мадагаскара во Владивостокъ, безъ единой якорной стоянки, съ транспортами и миноносцами! Что то ты скажешь тогда, владычица морей, гордый Альбіонъ, чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки!

Столь бодрыя восклицанія можно было слышать въ нашей каютъ-компаніи въ этотъ знаменательный день при обсужденіи вопроса о нашемъ дальнѣйшемъ движеніи впередъ. День проходилъ за днемъ, мы плыли

уже вдоль береговъ Индо-Китая, подымаясь на сѣверъ, ничто не предвѣщало близкой якорной стоянки, все, казалось, подтверждало наши смѣлыя предположенія.

Наконецъ, наступилъ моментъ, когда предположенія эти превратились уже въ увѣренность, когда на третій или четвертый день по выходѣ нашемъ въ Китайскія воды, на разсвѣтѣ, адмиралъ поднялъ сигналъ: „начать погрузку угля“. Сомнѣній не оставалось уже ни у кого, даже у самыхъ злостныхъ скептиковъ. Ясно, что адмиралъ идетъ впередъ и впередъ, не думая пока о якорной стоянкѣ, иначе — зачѣмъ грузиться углемъ въ открытомъ морѣ?

Съ давно невиданной энергіей и жаромъ приступили къ погрузкѣ угля. Въ разгарѣ погрузки, среди дня, адмиралъ приказалъ вдругъ сигналомъ: — „кораблямъ показать точное количество имѣемаго запаса топлива“. Приблизительное количество адмиралъ зналъ, ибо корабли ежедневно, передъ подъемомъ флага, показывали сигналомъ въ числѣ прочихъ, даваемыхъ ежедневно свѣдѣній, и количество остающагося топлива. Во время же погрузки корабли показывали количество принимаемаго угля ежечасно. Въ чемъ же дѣло? Почему ему теперь понадобилась точная цифра имѣемаго на судахъ запаса? Вопросъ этотъ заинтересовалъ всѣхъ въ высшей степени. Одно было ясно: адмиралъ, повидимому, принималъ какое то важное рѣшеніе, которое зависѣло, главнымъ образомъ, отъ имѣемаго на корабляхъ запаса угля. Онъ прекрасно зналъ, что показываемая въ утреннихъ рапортахъ цифра всегда грѣшитъ въ сторону уменьшенія дѣйствительнаго запаса угля, и теперь ему для чего то понадобилось знать точную и вѣрную цифру.

Нашъ старшій механикъ высчиталъ точное количество имѣемаго у насъ запаса по обмѣру угольныхъ ямъ и черезъ нѣкоторое время сигналъ подъ нокомъ рея указывалъ цифру, на добрую сотню тоннъ большую

той, которая получалась отъ сложенія показанной въ утреннемъ рапортѣ съ принятымъ уже за день новымъ запасомъ. Тотъ же результатъ дали всѣ прочіе корабли эскадры, кромѣ одного: любимецъ адмирала Рожественскаго, броненосецъ „Императоръ Александръ III“, неоспоримый чемпіонъ эскадры по быстротѣ погрузки угля, долгое время не подымалъ своего сигнала. Когда же, наконецъ, и на его мачтѣ затрепыхались сигнальные флаги, показанная имъ цифра оказалась на нѣсколько сотъ тоннъ меньше, нежели на всѣхъ прочихъ, однотипныхъ съ нимъ корабляхъ.

— Такъ вотъ въ чемъ секретъ твоихъ постоянныхъ рекордовъ и первыхъ призовъ въ состязаніяхъ по погрузкѣ! — раздавались у насъ негодующіе голоса, — а мы то ломали голову, — почему это за тобой не угнаться, сколько ни надрывайся! Этакъ не штука быть чемпіономъ! Мы всѣ, какъ дураки, показывали постоянно меньше принимаемаго, а ты — прибавлялъ да и прибавлялъ себѣ по немножку!..

Результатъ этой провѣрки оказался довольно неожиданнымъ, адмиралъ приказалъ пріостановить погрузку и, приведя себя въ порядокъ, эскадра вновь дала ходъ.

На слѣдующій, двадцать девятый день по уходѣ из Nossi-Bé, эскадра вошла въ глубокую бухту Камрангъ и стала на якорь.

Много времени спустя мы узнали, что дѣйствительно погрузка угля въ открытомъ морѣ наканунѣ нашего прихода въ Камрангъ была вызвана рѣшеніемъ адмирала вести эскадру впередъ, не заходя уже ни въ какіе порты и лишь случай съ „Александромъ III“, обнаруженная на немъ огромная и столь неожиданная нехватка топлива, нарушила всѣ разсчеты адмирала и заставила его принять рѣшеніе войти въ Камрангъ.

Войдя въ нейтральный портъ, Рожественскій уже не могъ не извѣстить объ этомъ свое правительство. Когда же въ Петербургѣ вошли въ телеграфный контактъ съ адмираломъ, ему было приказано не двигаться дальше и ожидать присоединенія къ его эскадрѣ недостающихъ ему „коэффиціентовъ“, которые форсированнымъ маршемъ велъ уже къ нему контръ-адмиралъ Небогатовъ.

Насколько легче было воевать въ былыя времена, когда не существовало еще телеграфа и кабинетные мудрецы не имѣли возможности управлять арміями и флотами, за тысячу верстъ, изъ своихъ кабинетовъ! И не правъ ли былъ отчасти дядя Ваня, питая ненависть и отвращеніе къ завоеваніямъ цивилизаціи?!

ГЛАВА IX.

Въ Индо-Китаѣ. Береговыя впечатлѣнія. На миноносцѣ „Буйный". Штурмъ „Эридана". Глубокое разочарованіе. Наше присутствіе начинаетъ безпокоить японцевъ. Ванъ-Фонгъ. Игра съ адмираломъ de-Jonguières. Приходъ эскадры адмирала Небогатова. Приготовленія къ послѣднему походу.

Обширная и глубокая бухта Камрангъ могла бы дать убѣжище флоту еще болѣе многочисленному, нежели нашъ. Ея высокіе, лѣсистые берега удивительно живописны; въ особенности красивы и поэтичны многочисленныя бухточки, въ тихихъ водахъ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются группы пальмъ самыхъ разнообразныхъ породъ, сбѣгающихъ по береговымъ склонамъ къ самой водѣ. Въ глубинѣ бухты, на ея сѣверномъ берегу, не видимая съ моря за складкой мѣстности, расположилась небольшая анамитская деревушка, въ которой оказалась даже почтово-телеграфная контора, ибо черезъ Камрангъ проходила Кохинхинская дорога въ Сайгонъ, и небольшая лавочка, въ которой можно было достать все, что можетъ понадобиться анамиту, и очень мало изъ того, что нужно европейцу.

За долгое плаваніе океаномъ мы успѣли поотвыкнуть отъ береговой жары и, ставъ на якорѣ между двумя высокими берегами бухты, которые защищали насъ отъ освѣжающаго морского вѣтерка, мы вновь начали испытывать муки грѣшниковъ, ввергнутыхъ въ чистилище, ни чуть не менѣе, нежели въ памятные дни мадагаскарскаго стоянія.

Въ первую же мою поѣздку на берегъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ любопытной сценки, разыгравшейся на почвѣ дьявольской индо-китайской жары.

Приставъ на гребной шлюпкѣ къ небольшой деревянной пристани у поселка, я поднялся на берегъ, чтобы сдѣлать въ лавочкѣ кое-какія покупки, взявъ съ собою двухъ гребцовъ со шлюпки. На кораблѣ и на шлюпкахъ команда наша ходила обычно босикомъ; босы были и оба сопровождавшихъ меня матроса.

Войдя въ лавочку, я засталъ крошечное ея помѣщеніе набитымъ покупателями, исключительно почти офицерами съ эскадры. Я сейчасъ же вернулся къ выходу и, обратившись къ моимъ матросамъ, сказалъ имъ:

— Знаете что, ребята, вы ужъ лучше въ лавку не лѣзьте, — тамъ и такъ народу столько, что не протолкаться. А вы побудьте здѣсь у входа, я вамъ вынесу свои покупки и вы понесете ихъ на шлюпку

Получивъ въ отвѣтъ дружное традиціонное „есть“ я повернулся, чтобы вновь войти въ лавочку, какъ вдругъ замѣтилъ, что оба мои молодца въ припрыжку побѣжали куда то въ сторону.

— Куда же вы бѣжите, чортъ возьми? — разсердился я, — я же вамъ сказалъ ожидать меня здѣсь.

— Такъ что, не извольте безпокоиться, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, танцуя на мѣстѣ: — мы далеко не убѣжимъ, а только стоять на мѣстѣ никакъ невозможно, — ужъ больно песокъ жжется. Вы себѣ покупайте, что вамъ надо и позычьте насъ, какъ выйдете, а мы здѣсь, пока что, побѣгаемъ.

Я махнулъ рукой и направился въ лавку, а оба молодца въ припрыжку побѣжали дальше. Они были правы: даже я, сквозь толстую подошву башмака, чувствовалъ жаръ раскаленнаго песка, который не могъ не пронять даже грубую матросскую пятку. На

ихъ несчастье, было около полудня, солнце бросало свои каленыя стрѣлы съ самаго зенита и нигдѣ на улицѣ не было и намека на тѣнь.

Впрочемъ, я не заставилъ долго страдать моихъ молодцовъ, бѣгая по горячей улицѣ Камранга: единственная лавочка поселка оказалась такимъ убожествомъ, что я могъ отлично обойтись безъ спеціальныхъ носильщиковъ моихъ покупокъ и, выйдя быстро изъ лавки, я крикнулъ бѣгуновъ и направился съ ними обратно на шлюпку.

По пути намъ изрѣдка попадались туземцы-анамиты, съ любопытствомъ разглядывавшіе насъ изъ подъ своихъ огромныхъ коническихъ шляпъ, сплетенныхъ изъ грубой соломы.

Всякій разъ, при встрѣчѣ съ анамитомъ, я замѣчалъ, что между идущими сзади меня двумя матросами подымался о чемъ то, въ полголоса, горячій споръ.

— О чемъ вы спорите? — не удержался я, наконецъ, чтобы не спросить ихъ.

— А мы то споримъ, — смѣясь отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, — чи то баба, чи мужикъ? Потому никакъ невозможно отличить одну отъ другого. Всѣ они на одинъ ладъ: у мужика — ни тебѣ усовъ, ни бороды, бабы — опять же въ штанахъ, у всѣхъ — косы. Какъ ихъ тутъ разберешь, ваше благородіе?

— Да, можетъ быть, мы еще ни одной бабы то не встрѣтили, а все видимъ лишь мужиковъ? — замѣтилъ я.

— Э, нѣтъ, ваше благородіе, — засмѣялся другой, — пока вы были въ лавкѣ, такъ мы въ одной хатѣ — дверь то была открыта — видѣли, какъ мальчонка у такого мужика грудь сосалъ...

Матросы были правы: всѣ видѣнные нами анамиты принадлежали, казалось, къ одному, неопредѣленному полу — не то женскому, не то мужскому.

И по фигурѣ, и по костюму, и по лицу — всѣ были на одинъ ладъ.

Возвращаясь на броненосецъ, я думалъ о томъ, что нашъ матросъ зачастую бываетъ гораздо наблюдательнѣе офицера.

Во время нашего пребыванія въ Камрангѣ мѣры предосторожности отъ внезапныхъ атакъ, особенно ночью, были удвоены, ввиду полученія извѣстія о присутствіи японскихъ военныхъ судовъ въ китайскихъ водахъ.

Кромѣ обычныхъ мѣръ, уже описанныхъ въ предыдущихъ главахъ, адмиралъ приказалъ усилить сторожевую ночную службу, высылая въ ночной дозоръ уже не только минные катера, но и миноносцы. Съ заходомъ солнца дежурные миноносцы выходили въ море въ крейсерство, каждый въ своемъ районѣ охраняя подступы къ Камрангу, и возвращались съ разсвѣтомъ на рейдъ. Въ началѣ высылалось на ночь по четыре миноносца, но затѣмъ, когда стоянка наша въ Индо-Китаѣ затянулась и хрупкіе механизмы миноносцевъ стали пошаливать отъ напряженной работы, число это было сокращено до двухъ.

Кромѣ миноносцевъ, у входа въ бухту ставились на якорь два крейсера: одинъ — подъ сѣвернымъ, другой — подъ южнымъ берегами бухты. Они всю ночь свѣтили прожекторами, образуя свѣтовую завѣсу, сквозь которую долженъ былъ проходить атакующій.

Ввиду усиленной службы миноносцевъ, для усиленія его ограниченнаго офицерскаго состава, броненосцамъ было приказано наряжать по одному офицеру на каждый уходящій въ дозоръ миноносецъ. Конечно, для этого могъ годиться только все тотъ же мученикъ-мичманъ.

Мои товарищи по несчастью, собираясь иногда у меня въ каютѣ, глухо ворчали.

— Повидимому, насъ собираются совершенно уже отучить отъ привычки ложиться спать, — говорилъ одинъ.

— Да, но я очень опасаюсь, — заявлялъ другой, — что насъ ожидаетъ та же участь, которая постигла знаменитаго осла, котораго его хозяинъ рѣшилъ пріучить обходиться безъ пищи, уменьшая ему ежедневно его порцію сѣна, и который сдохъ, когда ему оставалось уже совсѣмъ мало, чтобы пріучиться обходиться вовсе безъ пищи.

— А извѣстно ли вамъ, господа, — вставлялъ свое слово третій, — что Наполеонъ, во время походовъ, спалъ всего по два часа въ сутки и, принимая во вниманіе, что почти вся его жизнь прошла въ походахъ...

— Къ чорту твоего Наполеона и тебя вмѣстѣ съ нимъ! — прерывали его возмущенные голоса, и митингъ продолжался въ томъ же стилѣ, но рѣдко доходилъ до естественнаго конца.

Обычно, въ самый разгаръ его, пріоткрывъ дверь, въ нее просовывалась голова Арамиса и слышался его сердитый голосъ:

— Ахъ, чортъ возьми! Я то ихъ ищу по всему кораблю и не могу найти ни одного мичмана, а они, оказывается, изволятъ здѣсь пріятно проводить время въ свѣтскихъ бесѣдахъ, когда на кораблѣ столько дѣла!

И послѣ этого обычнаго вступленія слѣдовало немедленное распредѣленіе мучениковъ по самымъ разнообразнымъ пунктамъ назначенія.

Пришла своевременно моя очередь отправиться на дозорный миноносецъ. Я получилъ приказаніе явиться передъ заходомъ солнца на миноносецъ „Буйный“, тотъ самый знаменитый „Буйный“, который

мѣсяцъ спустя совершилъ трудный подвигъ, приставъ подъ огнемъ непріятеля, на зыби, къ изуродованному борту горящаго какъ жаровня, агонизирующаго „Суворова“ и снявъ съ него тяжело раненаго адмирала Рожественскаго и уцѣлѣвшіе остатки его Штаба.

Въ назначенный часъ я явился на миноносецъ и представился его командиру — капитану 2 ранга Н. Н. Коломейцеву, извѣстному во флотѣ сподвижнику и участнику арктической экспедиціи несчастнаго барона Толля.

Съ заходомъ солнца снялись съ якоря и вышли въ море съ тремя другими миноносцами, назначенными въ ночной дозоръ. Придя на назначенное намъ мѣсто, уменьшили ходъ и стали бродить взадъ и впередъ въ назначенномъ намъ секторѣ. Мнѣ, конечно, пришлось стоять „собаку“*). Впрочемъ, на этотъ разъ вахта выдалась не такой ужъ тяжелой и непріятной: во первыхъ, режимъ на миноносцѣ далеко не былъ такимъ суровымъ, какъ на нашемъ кораблѣ, и вахтенный начальникъ имѣлъ право даже курить — о, роскошь! — на вахтѣ, а, во вторыхъ, мое одиночество дѣлилъ такой интересный собесѣдникъ, какъ командиръ миноносца — капитанъ 2 ранга Коломейцевъ; ночь къ тому же была очень свѣтлая, тихая, видимость отличная.

Н. Н. Коломейцевъ, бывшій командиръ „Зари“**), разсказывалъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ послѣ того, какъ судно это потерпѣло крушеніе въ Ледовитомъ океанѣ.

Когда выяснилось тяжелое положеніе корабля и неизбѣжность зимовки, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ судно было затерто льдами, рѣшено было попытаться

*) Вахта отъ 12 ч. ночи до 4 ч. утра.

**) „Заря“ — судно полярной экспедиціи барона Толля было затерто льдами въ Ледовитомъ океанѣ неподалеку отъ устья рѣки, если не ошибаюсь, Енисея.

добраться до ближайшаго поселенія, откуда можно было бы дать знать о тяжеломъ положеніи экспедиціи и просить помощи. Тогда возникъ горячій споръ между начальникомъ экспедиціи — барономъ Толлемъ и командиромъ судна относительно того маршрута, который слѣдовало избрать экспедиціи, посылаемой съ этой цѣлью. Коломейцевъ предлагалъ итти вдоль берега океана и, дойдя до устья рѣки, подыматься по льду ея вверхъ по теченію до ближайшаго на рѣкѣ поселка. Баронъ Толль настаивалъ на томъ, чтобы экспедиція шла напрямикъ черезъ тундру. Ни тому, ни другому не удалось убѣдить противную сторону стать на свою точку зрѣнія и дѣло кончилось открытымъ разрывомъ между начальникомъ экспедиціи и командиромъ его корабля. Въ результатѣ — оба тронулись въ путь, каждый по избранному имъ маршруту.

Коломейцевъ пустился въ путь въ сопровожденіи одного лишь казака, погрузивъ на сани, везомыя собаками, инструменты и провизію. Послѣ невѣроятныхъ трудовъ и приключеній въ стилѣ романовъ Джека Лондона, на сороковой день послѣ того, какъ онъ покинулъ „Зарю“, Коломейцевъ благополучно добрался до ближайшаго населеннаго пункта. Что же касается барона Толля, то этотъ исчезъ безслѣдно въ необозримыхъ тундрахъ. Нѣсколько экспедицій, отправленныхъ на поиски несчастнаго путешественника, вернулись ни съ чѣмъ, не найдя никакихъ слѣдовъ его.

Съ первыми лучами солнца миноносецъ вернулся въ Камрангъ и я перебрался къ себѣ на корабль.

Въ одну изъ слѣдующихъ ночей мнѣ пришлось итти въ ночной дозоръ уже на нашемъ минномъ катерѣ. Задача катеровъ въ Камрангѣ не ограничивалась однимъ лишь дозоромъ въ заранѣе отведенномъ мѣстѣ при входѣ въ бухту; прежде чѣмъ стать на сторожевой постъ, катера должны были обойти и

тщательно обслѣдовать многочисленныя бухточки, которыми были изрѣзаны берега большой бухты.

Дозорная ночь въ Камрангѣ запечатлѣлась у меня въ памяти благодаря одному любопытному происшествію, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Мы совершали обычный обходъ береговыхъ бухточекъ, торопясь дойти до назначеннаго намъ мѣста у выхода изъ бухты до наступленія полной темноты, чтобы успѣть засвѣтло оріентироваться и осмотрѣться. Слѣдомъ за нами бѣжалъ минный катеръ съ „Бородино".

Наступили уже короткія тропическія сумерки, когда мы, закончивъ осмотръ послѣдней глубокой бухты, вышли оттуда и направились уже прямо къ выходу въ море.

Идущій за нами бородинскій катеръ въ это время входилъ въ ту же бухту и вскорѣ скрылся за прикрывшимъ его высокимъ, лѣсистымъ мыскомъ.

Въ отличіе отъ прежнихъ дозоровъ, ввиду серьезности положенія и близости непріятеля, въ Камрангѣ въ ночные дозоры на катерахъ ходило по два офицера. На этотъ разъ со мной былъ мичманъ Бубновъ. Мы сидѣли съ нимъ на машинномъ кожухѣ, любуясь красотой тропическаго вечера и экзотическими пейзажами, открывавшимися передъ нашими взорами точно на кинематографическомъ экранѣ. Мы уже довольно далеко отошли отъ послѣдней бухточки, какъ вдругъ Бубновъ насторожился и, мгновеніе спустя, спросилъ меня:

— Ты слышалъ выстрѣлъ?

Я отвѣтилъ, что не слышалъ никакого выстрѣла, но Бубновъ продолжалъ настаивать, что онъ отчетливо слышалъ выстрѣлъ.

— Но откуда, по какому направленію? — спросилъ я.

— Какъ разъ позади, по тому направленію, гдѣ осталась бухточка и гдѣ долженъ быть бородинскій катеръ.

— Въ такомъ случаѣ, не случилось ли чего съ бородинцами? Что они тамъ дѣлаютъ до сихъ поръ? Вѣдь они давно уже должны были выйти изъ бухточки!

— Надо вернуться, — рѣшительно сказалъ Бубновъ и, не ожидая моего на то согласія, будучи старше меня, отдалъ приказаніе рулевому, и мы побѣжали обратно.

Когда мы вновь вошли въ незадолго передъ тѣмъ покинутую бухту, то увидѣли въ сумеркахъ догоравшаго дня бородинскій катеръ крѣпко усѣвшимся на мели и разбивающуюся объ его корму волну прибоя. Голая команда работала въ водѣ, кто по грудь, кто по горло, стараясь стащить катеръ съ мели.

Осторожно, чтобы не сѣсть самимъ, мы подошли къ нему, насколько намъ позволяла глубина, послѣ чего одинъ изъ бородинскихъ матросовъ вплавь доставилъ намъ конецъ со своего катера. Получивъ буксиръ, мы закрѣпили его у себя за кормой и, развивая постепенно ходъ до полнаго, стащили ихъ на чистую воду при громкихъ крикахъ „ура“ бородинской и нашей командъ.

Ставъ бортъ о бортъ съ бородинскимъ катеромъ, мы ожидали, пока онъ приведетъ все у себя въ порядокъ и слушали разсказъ его командира о томъ, какимъ образомъ онъ усѣлся такъ плотно на мели.

— Спасибо вамъ за вашу помощь, — заключилъ онъ свой разсказъ, — не приди вы, я ужъ и не знаю, какъ и выцарапался бы изъ бѣды. Что я не предпринималъ, ничего не помогало; а на несчастье начался и отливъ. Пришлось бы до завтрашняго дня лежать на пескѣ...

— Хорошо, что я услышалъ вашъ выстрѣлъ, — замѣтилъ Бубновъ, — вѣдь мы уже были далеко отъ васъ, когда повернули.

— Какой выстрѣлъ? — удивился бородинскій офицеръ.

— Какъ какой? Да вашъ же.

— Да мы и не думали стрѣлять. Когда я убѣдился, что своими средствами мнѣ съ мели не сойти, я считалъ васъ уже такъ далеко, что мнѣ и въ голову не приходило, что вы могли услышать наши выстрѣлы...

— И тѣмъ не менѣе я отчетливо слышалъ ружейный выстрѣлъ, правда, лишь я одинъ, и какъ разъ по направленію этой проклятой бухты. Такимъ образомъ, это было внушеніемъ на разстояніи и на разстояніи довольно длинномъ. А теперь до свиданія и счастливаго плаванія. Надо торопиться итти на мѣсто, а то совсѣмъ уже темно становится, — и, давъ полный ходъ, мы понеслись къ выходу изъ бухты.

Это приключеніе дало намъ превосходную тему для бесѣды, что было какъ нельзя болѣе кстати, ибо намъ предстояла длинная, безсонная ночь.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней нашего пребыванія въ Камрангѣ въ нашей каютъ-компаніи произошло событіе, полное глубочайшаго трагизма для одного изъ ея членовъ и разбившее въ нѣсколько мгновеній сладкія иллюзіи у остальныхъ.

Не помню уже, при какихъ обстоятельствахъ среди нашихъ транспортовъ оказался пароходъ „Эриданъ“, груженый провизіей, отъ услугъ котораго адмиралъ рѣшилъ отказаться въ Камрангѣ же, приказавъ въ кратчайшій срокъ разгрузить его отъ его запасовъ, распредѣливъ ихъ по судамъ эскадры. Приказъ этотъ произвелъ у насъ настоящую сенсацію, ибо мы знали, что обширные трюмы „Эридана“, что

называется, ломились отъ запасовъ съѣстного и напитковъ. Эти послѣдніе, впрочемъ, интересовали насъ мало; зато, когда нашъ ревизоръ — Степа Бурнашевъ, большой гурманъ — передавалъ намъ, Богъ вѣсть откуда добытыя имъ точныя свѣдѣнія, что среди эридановскихъ запасовъ можно было найти цѣлые ящики даже консервованной дичи, то у насидѣвшихся на сомнительнаго уже качества отечественной солонинѣ офицеровъ въ буквальномъ смыслѣ текли слюнки.

Сенсаціонное извѣстіе о распредѣленіи груза „Эридана“ между судами эскадры, распространившееся сначала въ видѣ слуха, вскорѣ получило подтвержденіе въ видѣ приказа адмирала, въ которомъ предписывалось въ опредѣленный часъ прислать шлюпки съ командами для разгрузки парохода въ наикратчайшій срокъ.

Къ назначенному часу отъ нашего корабля отвалилъ барказъ со штурмовой колонной подъ начальствомъ нашей „мамаши*) — прапорщика по морской части Андреева-Калмыкова. Точно, минута въ минуту, начался штурмъ „Эридана“ облѣпившими его шлюпками со всѣхъ судовъ эскадры.

Пока барказы, катера и шестерки, стоявшіе у борта „Эридана“, принимали въ себя со всѣхъ стрѣлъ парохода мѣшки и ящики всѣхъ сортовъ и величинъ, въ нашей каютъ-компаніи царило радостное и нетерпѣливое возбужденіе. Говорили только о томъ, что намъ привезетъ „мамаша“. Въ мечтахъ проголодавшейся и расфантазировавшейся молодежи нашъ барказъ рисовался въ видѣ гастрономическаго магазина Елисѣева, идущаго къ намъ подъ дружными ударами

*) „Мамаша“ — офицеръ, завѣдующій столомъ каютъ-компаніи, избираемый большинствомъ голосовъ; обязанность, чреватая крупными терніями, особенно въ условіяхъ плаванія, заставляющихъ прибѣгать къ образному мичманскому афоризму — „лопай, что даютъ“.

двѣнадцати паръ веселъ. Отъ времени до времени кто нибудь изъ особенно нетерпѣливыхъ выбѣгалъ наверхъ и направлялъ бинокль на далекій силуэтъ „Эридана“, облѣпленный шлюпками, чтобы удостовѣриться — тамъ ли еще нашъ барказъ.

Наконецъ, въ каютъ-компаніи раздался столь нетерпѣливо ожидаемый докладъ вахтеннаго, доложившаго Арамису:

— Ваше Высокоблагородіе, барказъ возвращается.

Всѣ бросились наверхъ и, вооружившись биноклями и трубами, вперили взоры по тому направленію, откуда подъ мало дружными ударами веселъ (извѣстно вѣдь, что самые скверные гребцы это — барказные) медленно подвигался въ нашу сторону тяжело груженый барказъ.

Когда онъ подошелъ поближе, у большинства наблюдавшихъ за нимъ офицеровъ сердце захолонуло отъ радости: онъ былъ загруженъ буквально чуть не до буртиковъ; гора ящиковъ возвышалась даже надъ банками и на этой горѣ, гордо подбоченившись, шевеля своими черными усами и строго поглядывая на насъ, сидѣла „мамаша“.

Какъ только барказъ присталъ къ трапу, Арамисъ распорядился снести ящики въ каютъ-компанію и послать туда плотника съ инструментами. Какъ только появился этотъ послѣдній, немедленно же было приступлено къ вскрытію ящиковъ. Вотъ, наконецъ, вскрытъ первый ящикъ. Взоры офицеровъ съ напряженнымъ любопытствомъ впились въ его содержимое, задніе подымались на носки и заглядывали черезъ плечи впереди стоящихъ. Въ ящикѣ, въ безукоризненномъ порядкѣ, каждая въ соломенномъ чехлѣ, былъ уложенъ рядъ бутылокъ. Въ бутылкахъ оказался „amer picon“. На лицахъ офицеровъ показались недовольныя гримасы и кто то замѣтилъ:

— Цѣлый ящикъ amer picon. Г-мъ. Многовато и не интересно. Открывай слѣдующій.

Вотъ вскрытъ слѣдующій. Въ безукоризненномъ порядкѣ, каждая въ соломенномъ чехлѣ, рядъ бутылокъ. Въ нихъ тоже оказался amer picon. Восклицанія становятся энергичнѣе:

— Два ящика съ amer picon! Это уже слишкомъ! Что за чортъ! Открывай дальше!

Вскрытъ третій ящикъ: въ безукоризненномъ порядкѣ, и т. д. (см. выше).

— Опять?! Къ чорту amer picon! Мамаша, что это значитъ? Вы что же это, издѣваетесь надъ нами?

На лицѣ „мамаши“ поперемѣнно отражается рядъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ: изумленія, ужаса, растерянности, конфуза...

— Господа, — бормочетъ она, — я не виноватъ... Если бы вы видѣли, что творилось въ трюмѣ „Эридана“... Это былъ настоящій адъ! Развѣ можно было тамъ выбирать ящики? Каждый хваталъ, что попадалось ему подъ руки... Повидимому, въ томъ углу, которымъ мы завладѣли, и, вѣрьте, съ огромнымъ трудомъ, — былъ погруженъ этотъ проклятый amer picon...

— Да ладно ужъ! Чего тамъ оправдываться, — перебиваютъ его возмущенные голоса, — а еще „мамаша“! Нашли тоже, кого послать! А ты чего стоишь, разиня ротъ? — попадаетъ сгоряча ни въ чемъ неповинному плотнику, — открывай дальше!

Но, увы! Съ каждымъ вновь вскрываемымъ ящикомъ возмущеніе офицеровъ шло, все нарастая, и достигло своего апогея съ послѣднимъ вскрытымъ ящикомъ, въ которомъ нашимъ возмущеннымъ взорамъ представилась та же картина: въ безукоризненномъ порядкѣ, въ соломенныхъ колпачкахъ, рядъ бутылокъ съ amer picon...

Чувство элементарной скромности заставляетъ меня опустить занавѣсъ и скрыть отъ читателей тѣ

реплики, которые пришлось услышать нашей бѣдной „мамашѣ“. Съ моей стороны отнюдь не будетъ преувеличеніемъ сказать, что она была близка къ самоубійству.

И дѣйствительно, было отъ чего притти въ отчаяніе: этого никчемушнаго напитка у насъ оказалось столько, что мы могли снабжать имъ всѣ 45 кораблей нашей эскадры въ теченіе цѣлаго года, оставивъ достаточный запасъ для идущей къ намъ на присоединеніе эскадры адмирала Небогатова. Во всякомъ случаѣ, можно было съ увѣренностью сказать, что у самого Елисѣева, въ его огромномъ гастрономическомъ магазинѣ въ Петербургѣ, никогда не было такого запаса amer picon, какъ на эскадренномъ броненосцѣ „Орелъ“ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1905 года.

Слабая надежда произвести товарообмѣнъ съ прочими кораблями эскадры разсѣялась какъ дымъ, ибо эскадра на слѣдующій послѣ этого памятнаго происшествія день снялась съ якоря и вышла въ море.

На слѣдующій же день по прибытіи нашемъ на Камрангскій рейдъ, въ бухту вошелъ французскій крейсеръ подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ. На немъ прибылъ командующій французской эскадрой въ индо-китайскихъ водахъ — контръ-адмиралъ de-Jonquières. Обмѣнявшись визитами съ нашимъ адмираломъ, французскій адмиралъ снялся съ якоря и оставилъ насъ въ покоѣ. Мы и не ожидали иного, зная, что въ лицѣ контръ-адмирала de-Jonqières мы имѣли вѣрнаго друга Россіи и русскихъ.

Впрочемъ, нашъ покой на этотъ разъ былъ непродолжителенъ. Какъ на нашего бѣднаго Зиновія давилъ, несмотря на дальность отдѣляющаго насъ

разстоянія, С.-Петербургъ, такъ, повидимому, на de-Jonquièr'a давилъ его Парижъ. Хотя пустынная бухта Kam-Ranh мало чѣмъ отличалась отъ Мадагаскарской бухты Nossi-Bé, японцы относились къ стоянкѣ нашей въ первой далеко уже не съ такимъ благодушіемъ и индиферентностью, какъ во второй. Поддержанные своими вѣрными союзниками — англичанами, японцы заявили протестъ передъ французскимъ правительствомъ противъ нарушенія нами международнаго права, оставаясь на якорѣ во французскихъ территоріальныхъ водахъ болѣе 24 часовъ. Парижу не оставалось ничего другого сдѣлать, какъ приказать своему адмиралу въ Кохинхинѣ предложить своимъ бѣднымъ союзникамъ покинуть Камрангъ.

Съ этимъ то непріятнымъ порученіемъ адмиралъ de-Jonduières вторично появился на своемъ крейсерѣ въ Камрангѣ. Намъ, въ свою очередь, оставалось только подчиниться законному требованію хозяина, „честью" просящаго своихъ гостей удалиться.

Съ другой стороны, у адмирала Рожественскаго было категорическое приказаніе изъ Петербурга ожидать присоединенія къ нему эскадры Небогатова. Положеніе бѣднаго Зиновія оказалось болѣе чѣмъ затруднительнымъ: съ одной стороны — нельзя оставаться, не нарушая нейтралитета Франціи, съ другой стороны — нельзя итти впередъ, не дождавшись прихода Небогатова. Нашъ адмиралъ вышелъ изъ этого положенія слѣдующимъ образомъ: оставивъ транспорты въ бухтѣ, онъ вывелъ всѣ боевыя суда въ море, и мы принялись „утюжить" малымъ ходомъ китайскія воды внѣ территоріальныхъ водъ Франціи, но и неподалеку отъ бухты, прикрывая собою наши транспорты. Этимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, достигалась и нѣкоторая экономія въ расходованіи драгоцѣннаго угля, ибо хотя транспорты то не тратили его въ

безцѣльномъ бродяжничествѣ взадъ и впередъ въ открытомъ морѣ.

Чтобы еще болѣе сократить расходъ топлива, эскадра днемъ обычно стояла съ застопоренными машинами и лишь ночью принималась бродить самымъ малымъ ходомъ.

День за днемъ томительно текло время, а объ отрядѣ адмирала Небогатова не было ни слуху, ни духу.

Какъ ни былъ, благодаря всѣмъ описаннымъ мѣропріятіямъ, доведенъ до минимума расходъ угля, мы все же тратили его неизмѣримо больше, нежели оставаясь на якорѣ, такъ какъ въ открытомъ морѣ, ввиду возможной встрѣчи съ непріятелемъ, мы обязаны были держать подъ парами полное число котловъ.

Такимъ образомъ, наступилъ моментъ, когда необходимо было подумать о возобновленіи запаса топлива на судахъ эскадры, превратившихся въ летучихъ голландцевъ.

Адмиралъ почему то не пожелалъ на этотъ разъ грузиться углемъ въ морѣ и повелъ эскадру въ одну изъ сосѣднихъ съ Камрангомъ бухтъ, въ совершенно уже пустынную бухту Van-Fong, безъ какихъ бы то ни было населенныхъ пунктовъ, и, слѣдовательно, безъ этого ненавистнаго намъ телеграфа, который причинялъ намъ столько хлопотъ и непріятностей, заставляя думать, что поговорка — „нѣтъ худа безъ добра“ можетъ быть справедлива и въ перевернутомъ видѣ: „нѣтъ добра безъ худа“.

Но судьба, повидимому, рѣшила категорически быть мачехой злосчастной русской эскадрѣ: на второй же или третій день послѣ того, какъ мы втянулись въ довольно неудобную, надо отдать ей справедливость, бухту Ванъ-Фонгъ, по какой то глупой

случайности, насъ открылъ въ ней адмиралъ de-Jonquières и очень вѣжливо попросилъ насъ о выходѣ.

Мы также вѣжливо и покорно удалились, но едва только дымъ французскаго крейсера скрылся на горизонтѣ, по направленію къ Сайгону, какъ мы немедленно же вернулись обратно.

Эта комедія повторялась нѣсколько разъ, съ той только разницей, что мы не ожидали просьбъ о выходѣ, а съ глубокой покорностью судьбѣ сами снимались съ якоря, какъ только на горизонтѣ появлялся „Guichen“ или „Descartes“ (адмиралъ de-Jonquières приходилъ на одномъ изъ этихъ крейсеровъ). Онъ обычно не спѣшилъ и шелъ небольшимъ ходомъ, какъ бы умышленно давая намъ время убраться изъ бухты до его туда прихода, что, впрочемъ, не всегда намъ удавалось сдѣлать — очень ужъ насъ было много, — и нѣсколько разъ случалось, что французскій крейсеръ уже входилъ въ бухту въ то время, какъ изъ нея выходили еще наши задніе корабли.

Бѣдный de-Jonquières! Я глубоко увѣренъ, что онъ искренно жалѣлъ, что былъ зрячъ на оба глаза и не могъ повторить историческаго жеста Нельсона въ Копенгагенскомъ сраженіи*), чтобы имѣть право сообщить въ Парижъ, что онъ не видѣлъ русской эскадры въ Ванъ-Фонгѣ.

Это время нашего шатанія у береговъ Аннама можетъ быть охарактеризовано періодомъ угасанія духа. Даже удивительная энергія и желѣзная сила воли

*) Въ Копенгагенскомъ сраженіи, отряженный отъ главныхъ силъ для атаки фортовъ и датскаго флота, отрядъ адмирала Нельсона очутился въ критическомъ положеніи. Видя это, командующій эскадрой, адмиралъ Паркеръ, поднялъ ему сигналъ объ отступленіи. Когда доложили Нельсону значеніе поднятаго сигнала, онъ приложилъ подзорную трубу къ своему слѣпому глазу и, обратившись къ флагъ-капитану, сказалъ: „Не кажется ли вамъ, Фалей, что я имѣю право не видѣть этого сигнала?“

адмирала Рожественскаго были уже безсильны что либо сдѣлать, чтобы поднять настроеніе подчиненныхъ ему людей, которое неуклонно падало съ каждымъ днемъ. Силы человѣческія, и физическія и нравственныя, имѣютъ свои предѣлы, къ которымъ мы подошли вплотную у береговъ Кохинхины.

Но всему приходитъ конецъ. Пришелъ конецъ и нашему душувыматывающему блужданію вокругъ да около недоброй памяти бухты Ванъ-Фонгъ. Въ одинъ прекрасный день по кораблямъ эскадры пронесся слухъ, что получено извѣстіе о проходѣ адмираломъ Небогатовымъ Малакскаго пролива, о выходѣ его отряда въ Китайское море и о томъ, что въ самое ближайшее время, измѣриваемое уже не днями, а часами, можно ожидать присоединенія его къ намъ.

Мы находились въ открытомъ морѣ послѣ только что полученной очередной мольбы de-Jonquièr'a убираться вонъ изъ Ванъ-Фонга, когда адмиралъ нашъ отрядилъ двѣ пары крейсеровъ и послалъ ихъ съ порученіемъ попытаться перехватить отрядъ адмирала Небогатова и направить его на присоединеніе къ намъ. Въ тотъ же самый день намъ удалось установить контактъ съ Небогатовскимъ отрядомъ по радіо-телеграфу, а вечеромъ, наконецъ, состоялось и соединеніе эскадръ.

Одного лишь взгляда на старыя посудины пришедшаго отряда было бы достаточно даже не моряку, чтобы оцѣнить по достоинству подкрѣпленіе, полученное адмираломъ Рожественскимъ, и убѣдиться въ томъ, что одинъ лишь походъ, сдѣланный ими форсированнымъ маршемъ отъ Либавы до Аннама, при демонстративномъ негостепріимствѣ нейтральныхъ державъ и отсутствіи своихъ собственныхъ базъ по пути, былъ уже выдающимся для нихъ подвигомъ.

Въ головѣ отряда, подъ флагомъ его командующаго, контръ-адмирала Небогатова, шелъ ветеранъ

русскаго флота — эскадренный броненосецъ „Императоръ Николай I“, съ такими смѣшными, старыми, короткими пушками. За нимъ поспѣшали, попыхивая изъ своихъ тонкихъ трубъ, маленькіе, еле возвышающіеся надъ водой броненосцы береговой обороны — „Апраксинъ“, „Сенявинъ“ и „Ушаковъ“. Ихъ сопровождалъ крейсеръ „Владиміръ Мономахъ“, корабль, еще старѣе броненосца „Николай I“, постройки восьмидесятыхъ годовъ, нѣкогда — самый сильный корабль въ мірѣ и гордость русскаго флота, вызывавшій завистливую ревность „владычицы морей“ — Англіи*), но, увы, во времена весьма отдаленныя.

———

*) Когда, вскорѣ послѣ вступленія въ строй русскаго флота, „Владиміръ Мономахъ“ прибылъ въ воды Дальняго Востока, его сталъ упорно преслѣдовать отрядъ англійскихъ броненосцевъ, слѣдуя за нимъ всюду по пятамъ. Отношенія между Россіей и Англіей въ то время были сильно натянуты и въ каждое мгновеніе можно было ожидать открытаго разрыва. Наконецъ, на Нагасакскомъ рейдѣ англійскій броненосецъ „Агамемнонъ“ сдѣлалъ даже попытку протаранить „Мономаха“: идучи съ моря, онъ направился прямо въ бортъ стоявшаго на якорѣ русскаго крейсера, поднявъ сигналъ: „руль поврежденъ, не могу управляться“. Командиръ „Мономаха“, не колеблясь ни минуты, приказалъ пробить боевую тревогу и, открывъ порта, направить орудія на англичанина. Средство оказалось дѣйствительнымъ: руль „Агамемнона“ сразу же пересталъ шалить, броненосецъ свернулъ, прошелъ подъ кормой „Мономаха“ и, ставъ неподалеку на якорь, послалъ офицера съ извиненіями и объясненіями „досаднаго“ происшествія.

Ни извиненія, ни объясненія офицера приняты не были и командиръ „Мономаха“ потребовалъ ультимативно, чтобы „Агамемнонъ“ въ 24 часа покинулъ Нагасакскій рейдъ.

До истеченія назначеннаго срока англійскій броненосецъ снялся съ якоря и пошелъ въ море. Когда онъ проходилъ подъ кормой „Мономаха“, оркестръ музыки на его палубѣ игралъ „Боже, Царя храни“. Съ палубы „Мономаха“ неслось „God sane the King“.

Когда эти старики и ветераны проходили мимо кораблей нашей эскадры, наши команды привѣтствовали ихъ громкимъ „ура“, но это „ура“ выражало скорѣе привѣтъ старымъ знакомымъ, нежели радость отъ полученнаго подкрѣпленія.

Эскадра наша, какъ обычно, днемъ стояла съ застопоренными машинами и лишь отдѣльные корабли отъ времени до времени приходили въ движеніе, чтобы сохранить свое мѣсто въ строю. Отрядъ Небогатова, обогнувъ хвостъ эскадры, вновь прошелъ вдоль кильватерной колонны броненосцевъ и, дойдя на своемъ „Николаѣ“ до траверза „Суворова“, также застопорилъ машины. Затѣмъ мы увидѣли отвалившую отъ его борта шлюпку, направившуюся къ „Суворову“: это — адмиралъ Небогатовъ являлся адмиралу Рожественскому. Визитъ продолжался недолго. Шлюпка съ „Николая“ вернулась вскорѣ обратно, послѣ чего вновь пришедшіе корабли отдѣлились отъ насъ и пошли въ указанную имъ бухту, еще нѣсколько къ сѣверу отъ Ванъ-Фонга, чтобы погрузиться углемъ и провизіей и привести себя насколько возможно въ порядокъ послѣ долгаго форсированнаго марша и въ предвидѣніи дальнѣйшаго, все еще длиннаго похода.

На этотъ разъ судьба намъ благопріятствовала Вѣрный стражъ и охранитель французскаго нейтралитета — адмиралъ de-Jonquières оставался въ Сайгонѣ и не показывался на нашемъ горизонтѣ, давъ возможность вновь пришедшимъ кораблямъ привести себя въ порядокъ.

Въ продолженіи тѣхъ нѣсколькихъ дней, которые понадобились Небогатовскимъ судамъ, чтобы приготовиться къ походу, мы оставались въ морѣ.

Прошли и эти томительные дни, Небогатовскіе „самотопы“ выплыли изъ своего убѣжища и, соеди-

нившись уже окончательно съ нами, образовали „третій дивизіонъ броненосцевъ“. Теперь ничто уже насъ не задерживало. Ждать больше уже было некого и нечего.

И — вторая тихоокеанская эскадра тронулась въ послѣдній путь. Въ книгѣ судебъ ея перевернулась еще одна страница и открылась новая, жуткая и послѣдняя...

ГЛАВА X.

На послѣднемъ этапѣ. „Oldhamia“. Канунъ боя. Утро 14-го мая. Наконецъ то мы видимъ непріятеля! Первыя встрѣчи. Боевая тревога. „Вотъ они всѣ!“. Моя батарея вступаетъ въ дѣйствіе. Я раненъ. На перевязочномъ пунктѣ. Послѣдняя ночь. Три эпилога: 1) Утро 15-го мая. 2) Черезъ два дня. 3) Черезъ полтора года.

Еще во время нашего долгаго бродяжничества вдоль береговъ Аннама адмиралъ началъ отсылать часть сопровождавшихъ насъ до того транспортовъ, по мѣрѣ ихъ разгрузки, въ Сайгонъ, поручая ихъ на переходы отъ Камранга до Сайгона охранѣ крейсеровъ. Такимъ образомъ, къ моменту нашего ухода изъ Кохинхины, мы отчасти освободились отъ этихъ, очень полезныхъ на длинныхъ походахъ, но весьма обременительныхъ и никчемушнихъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ, спутниковъ, оставивъ при эскадрѣ лишь самое необходимое на предстоящій намъ довольно еще длинный, послѣдній переходъ число транспортовъ. Я имѣю, конечно, въ виду транспорты чисто коммерческіе, ибо военные, какъ „Анадырь“, „Иртышъ“ или транспортъ-мастерская „Камчатка“ были неразрывно связаны съ эскадрой и должны были сопровождать ее до самого Владивостока. Кромѣ своего главнаго назначенія — снабжать насъ углемъ, транспорты оказывали намъ неоцѣнимую услугу, буксируя на длинныхъ переходахъ наши миноносцы.

Послѣднее плаваніе отъ береговъ Кохинхины до непріятельскихъ водъ ничѣмъ не отличалось отъ нашего перехода черезъ Индійскій океанъ: тѣ же частыя остановки вслѣдствіе поломокъ механизмовъ на томъ

или иномъ кораблѣ, тѣ же погрузки угля въ открытомъ морѣ съ барказовъ и шаландъ, погрузки, во время которыхъ сильно отставалъ отъ насъ отрядъ адмирала Небогатова, значительно менѣе насъ натренированный въ работахъ этого рода.

Какъ бы тамъ ни было, мы приближались медленно, но вѣрно къ завѣтной цѣли нашего томительнаго пути.

Однажды, раннимъ утромъ, не успѣлъ я какъ слѣдуетъ разоспаться послѣ „собаки“, какъ былъ разбуженъ вѣстовымъ, доложившимъ мнѣ, что меня требуетъ наверхъ Арамисъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я, торопливо одѣваясь.

— Не могу знать, а только вся эскадра стоитъ...

Дѣйствительно, вмѣсто размѣреннаго стука машины сверху доносился характерный шумъ и суета, обычныя при спускѣ одной изъ нашихъ крупныхъ шлюпокъ. Черезъ нѣсколько минутъ я уже подымался на кормовой мостикъ, откуда Арамисъ самолично распоряжался спускомъ на воду барказа.

— Приготовьтесь отправиться съ командой, которую я вамъ дамъ, на вотъ тотъ англійскій пароходъ. По прибытіи туда, явитесь въ распоряженіе старшаго изъ офицеровъ, котораго тамъ найдете, — приказалъ мнѣ Арамисъ.

Взглянувъ по направленію, куда указалъ рукой Арамисъ, я увидѣлъ довольно большой, грязный, съ пятнистымъ бортомъ, сильно груженый пароходъ, на кормовомъ флагштокѣ котораго развѣвался англійскій коммерческій флагъ.

Еще нѣсколько минутъ спустя я уже шелъ на барказѣ къ задержанному пароходу. Проходя у него подъ кормовымъ подзоромъ, я прочелъ крупную надпись полукругомъ — „Oldhamia“ и ниже одинъ изъ англійскихъ портовъ приписки.

Поднявшись на палубу парохода, я нашелъ на немъ много нашихъ людей, прибывшихъ ранѣе меня съ другихъ кораблей эскадры. Открывались трюмы, прогрѣвались лебедки, — пароходъ, казалось, готовился къ разгрузкѣ. Между нашими командами, въ бѣломъ рабочемъ платьѣ, темнымъ пятномъ выдѣлялась группа столпившихся на спардекѣ людей, одѣтыхъ въ самое разнообразное рванье. Это была команда парохода, которая вскорѣ же послѣ моего прибытія была отправлена на одно изъ нашихъ судовъ.

Кто то изъ офицеровъ, прибывшихъ, какъ и я, на „Oldhamia", высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что пароходъ груженъ не только ящиками съ керосиномъ, какъ гласили его документы, но и кое чѣмъ посерьезнѣе и значительно тяжелѣе. Пароходъ шелъ въ Японію и по всей вѣроятности въ его трюмахъ, на самомъ днѣ, уложены снаряды, а, можетъ быть, и пушки.

— Помилуйте, — волновался солидный прапорщикъ изъ коммерческихъ моряковъ, — ужъ я то знаю, о чемъ говорю! Ушелъ, подлецъ, въ воду ниже ллойдовской марки, а говоритъ, что въ его трюмахъ, кромѣ ящиковъ съ керосиномъ, ничего больше нѣтъ! Да и трюмы, къ тому же, не полные! Да наполни онъ всѣ трюмы этимъ грузомъ, ллойдовская марка всегда будетъ видна и не уйдетъ подъ воду. У него обязательно должно быть на днѣ трюмовъ что нибудь тяжелое...

Наше любопытство разгорѣлось еще больше, когда отправлявшій пароходную команду офицеръ сказалъ намъ, что одинъ изъ англійскихъ матросовъ, передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ шлюпку, шепнулъ ему: „Поищите-ка въ кормовомъ трюмѣ".

Съ него мы и начали. Выгружаемые ящики складывались на палубѣ же, одинъ надъ другимъ. Впрочемъ, разгрузка продолжалась недолго: вся палуба

уже была загружена ящиками, а мы не добрались еще и до половины трюма. Больше складывать уже было некуда. Адмиралъ приказалъ убрать обратно въ трюмъ выгруженные ящики, назначить на пароходъ призовую команду, погрузить его углемъ и послать во Владивостокъ, гдѣ уже призовой судъ долженъ былъ разобраться въ тайнѣ парохода „Oldhamia“.

Капитаномъ парохода назначенъ былъ прапорщикъ Трегубовъ, немолодой уже офицеръ, изъ коммерческихъ моряковъ. Призовую команду отрядили отъ себя по нѣскольку человѣкъ большіе корабли. Послѣ того, какъ воздвигнутые на его палубѣ горы ящиковъ съ керосиномъ были убраны снова въ трюмъ и на пароходѣ все снова было приведено въ порядокъ, съ нимъ ошвартовался бортъ о бортъ одинъ изъ нашихъ транспортовъ-угольщиковъ, чтобы снабдить его достаточнымъ запасомъ угля, такъ какъ его новый капитанъ рѣшилъ, для безопасности, вести пароходъ кружнымъ путемъ, огибая Японію съ востока, что значительно удлиняло путь, тогда какъ у „Oldhamia“ имѣлся запасъ угля всего лишь до Нагасаки.

Погода была тихая, море спокойно и оба ошвартовленные парохода могли дать ходъ и итти вмѣстѣ съ эскадрой пока продолжалась погрузка угля, послѣ чего „Oldhamia“ отдѣлилась и, напутствуемая пожеланіями счастливаго пути, въ видѣ сигнала, поднятаго на мачтѣ „Суворова“, пошла своей дорогой*).

На параллели Шанхая адмиралъ распрощался съ остававшимися еще съ нами транспортами подъ коммерческимъ флагомъ и послалъ ихъ въ этотъ портъ,

*) Грузъ „Oldhami'и“ такъ и остался для насъ загадкой, ибо пароходъ до Владивостока не дошелъ. Онъ выскочилъ въ густомъ туманѣ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ и разбился. Команда его съ трудомъ спаслась на берегъ и послѣ ряда приключеній въ духѣ романовъ Майнъ Рида добралась до русскихъ береговъ.

гдѣ они должны были ожидать дальнѣйшаго хода событій и, въ зависимости отъ этихъ, распоряженій адмирала уже изъ Владивостока.

Съ этого момента при эскадрѣ осталось всего пять кораблей, не несшихъ военнаго флага, которые должны были раздѣлить участь эскадры, сопровождая ее до самаго Владивостока. Это были: огромный транспортъ „Корея“, имѣвшій въ числѣ прочаго груза много запасныхъ частей для судовъ эскадры, затѣмъ — два госпитальныхъ судна „Орелъ“ и „Кострома“, пришедшая съ отрядомъ Небогатова, и, наконецъ, два сильныхъ буксира и вмѣстѣ съ тѣмъ спасательныхъ парохода съ могучими водоотливными средствами — „Русь“ и „Свирь“.

Приблизительно на параллели Шанхая же распрощались мы и съ четырьмя нашими вспомогательными крейсерами: „Кубань“, „Терекъ“, „Днѣпръ“ и „Ріонъ“*). Ихъ миссія заключалась въ крейсерствѣ въ Тихомъ океанѣ, по восточную сторону Японіи, съ тѣмъ, чтобы, дѣйствуя на путяхъ Японія-Америка и уничтожая военную контрабанду, привлечь вмѣстѣ съ тѣмъ на себя вниманіе и заставить предположить японское командованіе, что русская эскадра избрала путь, огибая Японію съ востока.

Послѣ ухода отъ насъ этихъ крейсеровъ, съ нами остался всего одинъ лишь вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, необходимый намъ тѣмъ, что на немъ былъ самый могучій и самый исправный аппаратъ безпроволочнаго телеграфа.

Облегчивъ, такимъ образомъ, свою эскадру, адмиралъ Рожественскій рѣшительно направился въ Корейскій проливъ.

---

*) Первые два крейсера были пріобрѣтенные русскимъ правительствомъ у германской пароходной компаніи „Nord Deutscher Lloid“ пароходы. Два послѣднихъ — пароходы нашего Добровольн. Флота, бывш. „Петербургъ“ и „Смоленскъ“.

На одной изъ послѣднихъ остановокъ эскадры для погрузки угля по кораблямъ былъ развезенъ приказъ адмирала съ послѣдними инструкціями о боѣ, котораго уже можно было ожидать со дня на день.

Моя батарея, превратившаяся на послѣднемъ переходѣ, какъ то бывало неоднократно и раньше, въ угольную яму, была уже очищена отъ угля, все было приведено въ порядокъ и мои 6 семидесятипяти-милиметровыхъ пушекъ могли въ любой моментъ вступить въ разговоръ, когда, 13-го мая, эскадра подходила къ проливу.

Погода пасмурная и, несмотря на довольно свѣжій вѣтеръ, туманная. На ночь мы приняли всѣ мѣры предосторожности противъ минныхъ атакъ, ибо входили уже въ проливъ между островомъ Цусима и Японіей: вся орудійная прислуга, разумѣется, на своихъ мѣстахъ у пушекъ, половина экипажа бодрствуетъ.

Прошла спокойно и эта ночь, не принесшая намъ ничего новаго, кромѣ многочисленныхъ, явно японскаго происхожденія, телеграммъ, принимаемыхъ нашими телеграфными аппаратами. Наступилъ туманный разсвѣтъ памятнаго дня 14-го мая.

Въ этотъ день моя вахта приходилась отъ 4 до 8 часовъ утра. Было около 7 часовъ, когда мы увидѣли идущій намъ навстрѣчу, полнымъ ходомъ, вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ, мѣсто котораго въ походномъ строѣ эскадры было впереди ея. На его мачтѣ развѣвался сигналъ: „вижу непріятеля“.

Почти въ то же время наши сигнальщики тоже разсмотрѣли непріятельскій корабль: на правой крамболѣ, въ разстояніи какихъ нибудь 60 кабельтововъ, изъ мглы, покрывавшей горизонтъ, вдругъ обрисовался красивый силуетъ двухъ-трубнаго японскаго крейсера, въ которомъ мы безъ труда признали легкій

крейсеръ „Идзуми“. Это былъ, очевидно, одинъ изъ развѣдчиковъ японскаго флота.

Я смотрѣлъ, не отрывая бинокля отъ глазъ, на этотъ далекій силуэтъ, не будучи въ состояніи отвести взора и чувствуя страшное волненіе, вѣрнѣе, цѣлую гамму чувствъ изъ любопытства, радости, смущенія и даже недоумѣнія.

— Непріятель! Я вижу непріятеля, — мелькало у меня въ головѣ, и мнѣ казалось страннымъ до абсурда, что вотъ, потому только, что на гафелѣ этого корабля развѣвается такой же бѣлый флагъ, какъ и у насъ, но на немъ вмѣсто синяго андреевскаго креста красное солнце съ расходящимися лучами, поэтому только я уже имѣю право стрѣлять въ него, убивать находящихся на немъ людей, и это не только мое право, но и мой долгъ.

„Идзуми“ нѣкоторое, довольно продолжительное время смѣло шелъ курсомъ, параллельнымъ нашему, на разстояніи, досягаемомъ не только нашей крупной, но и средней артиллеріей. Соблазнъ и искушеніе послать ему доброе привѣтствіе испытывали въ одинаковой степени всѣ наши корабли, ибо мы видѣли, какъ впереди и сзади насъ, на нашихъ сосѣдяхъ, при появленіи „Идзуми“ угрожающе зашевелились башни и пушки праваго борта, грозно приподнявшись, направились въ сторону не въ мѣру любопытнаго и дерзкаго японца. Но „Суворовъ“ упорно молчалъ, а безъ сигнала адмирала никто не смѣлъ открывать огня.

Съ „Идзуми“ должны были прекрасно видѣть направленныя противъ него многочисленныя орудія и тамъ, повидимому, сочли за благо не искушать насъ болѣе, ибо японскій крейсеръ вскорѣ измѣнилъ свой курсъ и скрылся на горизонтѣ въ туманѣ.

Въ 8 часовъ я смѣнился съ вахты и спустился въ каютъ-компанію. Завтракъ проходилъ при общемъ приподнятомъ настроеніи, всѣ чувствовали и знали,

что рѣшительный моментъ приближается. Мы еще сидѣли за столомъ, обсуждая самымъ живѣйшимъ образомъ нашу грядущую встрѣчу съ главными силами японскаго флота, какъ сверху донеслись звуки боевой тревоги.

— Уже, идутъ! — думалъ я, направляясь бѣгомъ къ себѣ въ батарею. Но это еще не были главныя силы японскаго флота. Рѣшительный часъ еще не наступилъ. Пока это былъ отрядъ старыхъ японскихъ крейсеровъ типа „Итсукушима“, ветерановъ японо-китайской войны. Отрядъ этотъ появился изъ тумана по лѣвому борту отъ насъ и, помаячивъ короткое время у насъ на виду, вновь спрятался за стѣной тумана. Видимость въ тотъ день не превышала какихъ нибудь пяти или шести миль, такъ что корабли, появлявшіеся въ полѣ нашего зрѣнія, сразу же оказывались въ сферѣ досягаемости нашей крупной и средней артиллеріи. Но „Суворовъ“ упорно молчалъ: адмиралъ не желалъ тратить по мелочамъ драгоцѣнные снаряды въ ожиданіи приближающагося момента рѣшительнаго боя.

Но искушеніе послать привѣтъ наглецамъ — японскимъ развѣдчикамъ, столь дерзко наблюдающимъ за нами, было такъ велико, что когда, около 11 час. утра, по тому же направленію, по которому появились и скрылись крейсера типа „Итсукушима“, вдругъ вышли изъ тумана четыре новыхъ крейсера, изъ нашей средней лѣвой 6-дюймовой башни произошелъ нечаянный выстрѣлъ и сразу же по всей линіи нашихъ броненосцевъ заблистали огни и загремѣли выстрѣлы.

Японцы, — это былъ отрядъ новыхъ легкихъ крейсеровъ, такъ называемыя „собачки“, прозвище, данное имъ нашей первой тихоокеанской эскадрой, потому что ихъ появленіе обычно предшествовало появленію главныхъ непріятельскихъ силъ, — сразу

же повернули „всѣ вдругъ“ на 90° и, отстрѣливаясь изъ кормовыхъ орудій, стали уходить. Но прежде чѣмъ они успѣли укрыться за стѣной тумана, огонь съ нашей стороны прекратился по лаконическому сигналу адмирала, поднятому на „Суворовѣ“: „Не тратить снарядовъ“.

На бакѣ пробило 6 склянокъ (11 часовъ) и мы пошли завтракать.

Странная подробность: наряду съ мельчайшими деталями, запечатлѣнными съ точностью фотографическаго аппарата моей памятью, изъ впечатлѣній первой половины этого памятнаго дня, нашъ послѣдній общій завтракъ, — вдвойнѣ торжественный, такъ какъ, кромѣ знаменательности по своей встрѣчѣ съ непріятелемъ, день 14-го мая былъ праздничнымъ днемъ Коронованія Ихъ Величествъ, — не оставилъ въ памяти моей ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Я крѣпко спалъ у себя въ каютѣ (вотъ она, сила привычки: несмотря на ожидавшуюся съ минуты на минуту встрѣчу съ главными силами непріятеля и рѣшительный бой, мы не могли не использовать остающееся время, чтобы, какъ говорили мичмана, не „придавить подушки“), когда былъ разбуженъ рѣзкими звуками горна, игравшаго боевую тревогу. Открывъ глаза, я взглянулъ на часы и, весь еще во власти сна, не отдавая себѣ отчета въ дѣйствительности, съ удивленіемъ подумалъ, увидѣвъ, что часы показываютъ начало второго часа:

— Что за чертовщина?! Нашли время устраивать артиллерійское ученіе... — но сейчасъ же подскочилъ какъ на пружинахъ, осознавъ дѣйствительное значеніе услышаннаго сигнала.

— Да вѣдь это же бой, — мелькало у меня въ головѣ, когда я торопливо влѣзалъ, сразу, обѣими

руками, въ рукава кителя. За стѣнкой каюты слышался топотъ бѣгущихъ по трапамъ ногъ, щелканіе каютныхъ дверей, весь тотъ характерный шумъ короткой, быстро проходящей суматохи, происходящей въ первые моменты по пробитіи тревоги на военномъ кораблѣ. Когда я прибѣжалъ къ себѣ на батарею, тамъ все уже было готово: всѣ люди были на своихъ мѣстахъ, пушечные порта открыты, у каждаго орудія висѣло по нѣскольку телѣжекъ со снарядами. Въ обѣихъ батареяхъ праваго и лѣваго борта царило глубокое молчаніе, какая то зловѣщая тишина, нарушаемая лишь характернымъ тиканьемъ стрѣлокъ электрическихъ указателей прицѣла и цѣлика.

Между двумя центральными башнями 6" орудій я встрѣтилъ командира батареи, симметричной моей, но праваго борта, — мичмана Сакеллари. Я лишь взглянулъ на него вопросительно, не произнося ни слова. Въ моменты сильнѣйшаго нервнаго напряженія люди умѣютъ понимать другъ друга безъ словъ.

— Отсюда еще ничего не видно, — отвѣтилъ онъ, — должно быть „ихъ" видно съ мостика.

Что „ихъ" было видно съ мостика, въ этомъ не было никакого сомнѣнія, ибо стрѣлка указателя дистанціи торопливо двигалась по циферблату, указывая быстрое сближеніе съ цѣлью.

Такъ прошло нѣсколько томительныхъ минутъ или секундъ, — въ такіе моменты оцѣнка текущаго времени на глазъ вещь совершенно невозможная, — когда вдругъ послышался голосъ Сакеллари:

— Вотъ, вонъ „они", всѣ! — и я увидѣлъ моего пріятеля высунувшимся въ одинъ изъ портовъ своей батареи и смотрящимъ куда то впередъ.

— Тебѣ, значитъ, начинать, — сказалъ я, присоединяясь къ нему и высовываясь тоже наружу, чтобы разсмотрѣть, что творится въ морѣ.

Но съ перваго же взгляда я убѣдился, что, хотя непріятельская эскадра и появилась съ праваго борта, но начинать придется мнѣ, а не Сакеллари: на нашу правую крамболу были видны, хотя и въ туманѣ, но уже довольно ясно, японскіе броненосцы и броненосные крейсера. Въ безукоризненной кильватерной колоннѣ, съ короткими между кораблями интервалами, большимъ ходомъ, судя по бурунамъ подъ форштевнями, японскіе корабли шли на пересѣчку нашего курса, съ явнымъ намѣреніемъ выйти намъ на лѣвую сторону. На ихъ мачтахъ развѣвались стеньговые флаги огромной величины; несмотря на туманную дымку, были отчетливо видны на бѣломъ фонѣ ярко красные круги съ широкими, расходящимися во всѣ стороны лучами.

Я вернулся къ себѣ въ батарею какъ разъ въ тотъ моментъ, когда далеко впереди громыхнулъ первый выстрѣлъ „Суворова“ и почти слѣдомъ за нимъ задрожалъ и нашъ „Орелъ“ отъ своего перваго залпа. Съ этого момента вакханалія орудійной стрѣльбы не прекращалась уже ни на одно мгновеніе.

Я выглянулъ въ одинъ изъ портовъ батареи: вся японская кильватерная колонна уже была у насъ съ лѣваго борта и поворачивала послѣдовательно на параллельный намъ курсъ. Головные корабли уже закончили поворотъ и отвѣчали на нашъ огонь; вспышки выстрѣловъ часто опоясывали красивые силуэты японскихъ броненосцевъ. Вдругъ я увидѣлъ какой то черный, огромный, продолговатый предметъ, летящій въ нашу сторону, смѣшно кувыркаясь въ воздухѣ. Не долетѣвъ немного до насъ, онъ упалъ въ море, поднявъ огромный столбъ воды и дыма.

— Знаменитые чемоданы*), — подумалъ я, отпрянувъ инстинктивно отъ порта. Взглянувъ на цифер-

*) „Чемоданами“ портартурцы прозвали 11″ и 12″ японскіе снаряды, снаряженные огромнымъ количествомъ взрывчатаго вещества — шимозы.

блатъ указателя дистанціи, я увидѣлъ, что стрѣлка его быстро приближается къ цифрѣ 30, т. е. 30 кабельтововъ, разстояніе, съ котораго могли начать разговаривать и мои маленькія шесть пушекъ. Мои комендоры, припавъ къ прикладамъ, тоже не отрываясь смотрятъ на стрѣлки циферблатовъ. Вотъ онѣ показываютъ „тридцать“.

— Огонь! — Но я даже не услышалъ залпа своихъ орудій. Одновременно съ шестью зеленовато-желтыми вспышками, блеснувшими изъ дулъ моихъ пушекъ, раздался страшный взрывъ, потрясшій до основанія весь броненосецъ, и вслѣдъ затѣмъ на протяженіи обѣихъ батарей праваго и лѣваго бортовъ отъ потолка отдѣлилась густая, черная туча и медленно стала опускаться на наши головы. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на эту тучу, не понимая, что это могло быть.

Не успѣла туча опуститься намъ на головы, какъ наверху раздался второй такой же оглушительный взрывъ и вслѣдъ за первой тучей стала опускаться вторая.

— Чортъ возьми, да это же уголь! — сообразилъ я, наконецъ, секретъ этого страннаго явленія.

Дѣйствительно, это было не что иное, какъ мельчайшая угольная пыль. Моя батарея всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ освободилась отъ угля, которымъ была завалена въ продолженіи всего нашего послѣдняго перехода. Когда убрали изъ нея весь уголь и приводили батарею въ порядокъ, какъ ни тщательно ее мыли, смыть все безъ остатка не было возможности и во многихъ мѣстахъ, недоступныхъ ни швабрѣ, ни струямъ воды, главнымъ образомъ въ зазорахъ на бимсахъ осталось много мельчайшей угольной пыли. Теперь, при каждомъ попаданіи въ броненосецъ крупнаго непріятельскаго снаряда, взрывъ котораго сотрясалъ корабль до основанія, эта тонкая пыль

стряхивалась сверху и опускалась намъ на головы въ видѣ густой, черной тучи.

Въ скоромъ времени моя батарея стала представлять жуткую картину: денной свѣтъ съ трудомъ проникалъ сквозь сильно погустѣвшій отъ черной угольной пыли воздухъ, погустѣвшій до такой степени, что даже ослѣпительно яркія, обычно, вспышки орудійныхъ выстрѣловъ казались тусклыми; находясь посереди нѣ батареи, я съ трудомъ различалъ крайнія ея пушки; электрическія лампочки были уже совершенно безполезны, ибо свѣтъ ихъ представлялся какими то мутными, красноватыми пятнами.

Вскорѣ положеніе вещей ухудшилось еще болѣе: неподалеку отъ батареи отъ взрыва непріятельскаго снаряда вспыхнулъ пожаръ и къ густымъ тучамъ угольной пыли присоединились облака дыма. Въ этой ѣдкой и густой атмосферѣ не было никакой возможности читать таблицы стрѣльбы и не только изъ за недостатка свѣта, но главнымъ образомъ потому, что въ самомъ непродолжительномъ времени моя табличка покрылась густымъ слоемъ черной пыли, точно ее окунули въ мѣшокъ съ сажей. Да въ ней, впрочемъ, и не было никакой необходимости, ибо я и съ таблицами въ рукахъ былъ бы не въ состояніи корректировать стрѣльбу моихъ пушекъ: вокругъ броненосца „Шикишима“, по которому стрѣлялъ нашъ корабль, а возможно, что и кто нибудь еще изъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей, взмывались по всѣмъ направленіямъ — и спереди, и сзади, и справа, и слѣва — огромные столбы воды, подымаемые паденіемъ крупныхъ снарядовъ, и въ этомъ обилiи большихъ фонтановъ, при довольно крупной при томъ же зыби, не было никакой возможности различить всплески снарядовъ моихъ маленькихъ пушекъ, несмотря на ихъ бѣшеную скорострѣльность.

Что же мнѣ оставалось дѣлать? Пріостановить стрѣльбу, выжидая болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ? Такая мысль пришла было на мгновеніе мнѣ въ голову, но я ее сейчасъ же отбросилъ, ибо мнѣ показалось чудовищно жестоко обрекать на бездѣйствіе моихъ людей. Да и еще вопросъ: удалось ли бы мнѣ оторвать отъ пушекъ моихъ бравыхъ комендоровъ!

Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ на полное бездѣйствіе былъ обреченъ на первое время лишь я самъ. Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ переходить отъ пушки къ пушкѣ, бросая людямъ короткія фразы, вродѣ: „цѣлься лучше, не спѣши, провѣрь прицѣлъ“ и посматривать на стрѣлки указателей дистанціи, которыя все продолжали двигаться въ сторону сближенія, хотя не съ такою уже быстротою, какъ въ началѣ, приближаясь къ цифрѣ 20.

Японцы въ буквальномъ смыслѣ засыпали насъ снарядами; взрывы ихъ чемодановъ слышались поминутно то вверху, то справа, то слѣва, даже снаружи, изъ за борта, такъ какъ они взрывались даже при ударѣ объ воду. Прошло уже болѣе часа съ момента попаданія въ насъ перваго непріятельскаго снаряда, а моя батарея была цѣла и прислуга не понесла ни одной потери. Хотя и тонкая, всего въ 3 дюйма, броня, защищавшая мою батарею, прекрасно сопротивлялась фугасному дѣйствію даже японскихъ чемодановъ и нигдѣ не была пробита. Разрывы снарядовъ доносились главнымъ образомъ сверху, гдѣ надъ верхней палубой борта не имѣли броневой защиты и легко пронизывались непріятельскими снарядами.

Но были и у меня уязвимыя мѣста и было ихъ цѣлыхъ шесть. Это были довольно широкіе порта, куда смотрѣли мои пушки, и рано или поздно сквозь эти порта и моя батарея должна была принести кро-

вавую дань потерь и разрушеній. Наступилъ, наконецъ, и этотъ страшный моментъ, видѣть который, однако, мнѣ не пришлось, такъ такъ среди первыхъ жертвъ средней 75 м/м батареи нашего броненосца фигурировалъ ея командиръ.

Было около половины третьяго, когда я, посмотрѣвъ въ оптическій прицѣлъ моей средней пушки № 6, и, къ слову сказать, ничего въ него не увидѣвъ, такъ какъ онъ былъ запорошенъ мелкой угольной пылью, отошелъ отъ нея, направляясь къ слѣдующему орудію. Я успѣлъ сдѣлать всего нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ за спиной оглушительный взрывъ и одновременно съ нимъ страшный ударъ въ спину, отъ котораго потерялъ сознаніе*)...

Съ этого момента теряется непрерывность нити моихъ воспоминаній.

Я не собираюсь описывать здѣсь подробно Цусимскаго боя. Эта грандіозная трагедія и катастрофа русскаго флота столько разъ уже была описана талантливыми мастерами пера и самими участниками боя, что мой слабый разсказъ, слабый тѣмъ болѣе, что, какъ увидитъ читатель, мнѣ пришлось бы базироваться не на личныхъ наблюденіяхъ, а на документахъ и разсказахъ другихъ участниковъ трагедіи, мой слабый разсказъ, повторяю, не далъ бы ничего новаго.

---

*) Много позже, уже находясь въ плѣну, я получилъ письмо отъ уцѣлѣвшаго артиллерійскаго унтеръ-офицера моей батареи, въ которомъ онъ описалъ мнѣ мое раненіе: крупный непріятельскій снарядъ ударилъ въ орудіе № 6, отъ котораго я только что передъ тѣмъ отошелъ, и разорвался. Когда дымъ отъ взрыва разсѣялся, авторъ письма увидѣлъ пушку сброшенной со станка, вокругъ нея, вѣеромъ, истерзанныя мертвыя тѣла ея прислуги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея меня, лежащимъ ничкомъ, безъ сознанія, въ лужѣ крови.

— Подымите его, — послышался голосъ Гаврилы Андреевича. — Куда вы ранены? — спросилъ онъ меня, пока санитары приподымали меня съ палубы.

— Спина, — произнесъ я первое послѣ раненія слово, вѣрнѣе, прошепталъ, такъ какъ отъ сильнаго удара въ спину я все еще не могъ вобрать въ легкія достаточно воздуха, чтобы говорить громко.

— На животъ, — скомандовалъ докторъ, — снимите съ него китель. Такъ... Прекрасно... Ничего серьезнаго, мой дорогой... Много дыръ, но ни одной серьезной... Большая потеря крови и ничего особеннаго, — приговаривалъ Гаврила Андреевичъ, копаясь зондомъ то справа, то слѣва моей спины, то у поясницы, то у плеча.

— Вотъ, получите на память, — вдругъ произнесъ онъ и сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько безформенныхъ осколковъ, только что вынутыхъ имъ изъ моей спины. — У васъ еще остается ихъ нѣсколько штукъ, но это уже мелочь. Мы ихъ успѣемъ повытащить всѣ въ болѣе подходящій моментъ, а теперь нужно освобождать мѣсто для другихъ; вонъ ихъ сколько ждутъ своей очереди...

Меня быстро забинтовали и положили у одной изъ переборокъ перевязочнаго пункта.

— А, и ты здѣсь! — услышалъ я подлѣ себя знакомый голосъ, въ которомъ призналъ голосъ мичмана Щербачева, Я посмотрѣлъ въ ту сторону и увидѣлъ тощую, полураздѣтую человѣческую фигуру съ забинтованной головой.

— Какъ видишь. (Пока я лежалъ на столѣ, санитары обмыли мнѣ лицо и руки). А ты? Ты тоже раненъ? Куда?

— Въ голову, и одинъ глазъ къ чорту! А тебя куда?

— А меня — въ спину — прошепталъ я и съ наслажденіемъ закрылъ глаза.

На этомъ кончаются мои ясныя и отчетливыя впечатлѣнія этого дня; все происходившее послѣ выступаетъ въ моей памяти безсвязно, отдѣльными обрывками, какъ послѣ какого то кошмара. Вслѣдствіе, повидимому, большой потери крови, я пребывалъ въ полусонливомъ, въ полуобморочномъ состояніи, лишь отъ времени до времени, на короткіе сроки приходя въ полное сознаніе, и тогда видѣнное отчетливо запечатлѣвалось у меня въ мозгу.

Помню суматоху въ операціонномъ пунктѣ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что изъ трубы вдувного электрическаго вентилятора къ намъ въ помѣщеніе выбрасывается дымъ и даже пламя. Одинъ изъ докторовъ бросается къ выключателю и останавливаетъ работу вентилятора*). Я обвожу взглядомъ операціонный пунктъ и съ удивленіемъ замѣчаю, что помѣщеніе полно уже до отказу лежащими и сидящими человѣческими фигурами, частью — полураздѣтыми, частью — раздѣтыми вовсе, съ бѣлѣвшими на разныхъ частяхъ тѣла повязками.

— Откуда ихъ набралось столько? — лѣниво шевелится у меня въ мозгу. — Да вѣдь бой то продолжается, — отвѣчаю я самъ себѣ, и закрываю опять глаза.

Сверху доносится непрерывный громъ орудійной стрѣльбы...

Въ одинъ изъ послѣдующихъ моментовъ сознанія я открываю глаза и вижу, какъ одинъ за другимъ въ дверяхъ операціоннаго пункта появляются четыре призрака; они совершенно голы, съ бѣлыми, какъ мѣлъ, лицами, съ несоразмѣрно открытыми, вылѣзаю-

*) Повидимому, вблизи того мѣста, гдѣ вдувной вентиляторъ бралъ воздухъ для операціоннаго пункта, разорвался снарядъ; произошелъ пожаръ и вмѣсто свѣжаго воздуха, вентиляторъ сталъ нагнетать дымъ, пламя и ядовитые газы шимозы.

щими изъ орбитъ, глазами; кожа на ихъ тѣлахъ свисаетъ какими то мелкими, сѣрыми лохмотьями; они дрожатъ быстрой, мелкой дрожью и, не произнося ни слова, ни стона, подходятъ и останавливаются передъ нашими докторами.

— Обваренные паромъ, — слышу я голосъ Гаврилы Андреевича. — Простыни!

Призраковъ заворачиваютъ въ простыни, въ моемъ углу очищаютъ мѣсто и кладутъ ихъ рядышкомъ, одного подлѣ другого, неподалеку отъ меня.

Я закрываю глаза и вновь погружаюсь въ небытіе.

Когда я очнулся снова и взглянулъ туда, гдѣ лежали призраки, то ихъ тамъ уже не было. На ихъ мѣстѣ сидѣли и лежали другія фигуры съ перевязанными головами, руками и ногами.

— А гдѣ обваренные? — спросилъ я тихо своего сосѣда.

— Да давно ужъ померли. Господинъ докторъ приказали убрать ихъ, бо тутъ и живымъ ужъ мѣста нема, — сердито отвѣтилъ мнѣ сосѣдъ.

Сверху слышался непрерывный гулъ орудій...

— Алешка, Алешка, Алешка, Алешка-а-а...

Я вновь открываю глаза. Неподалеку отъ меня лежитъ ничкомъ молодой красивый ординарецъ командира. У него приподнята сзади черепная коробка и видны мозги. Онъ даже не перевязанъ, повидимому, въ забытьи и непрерывно, зычнымъ голосомъ зоветъ какого то Алешку...

Я открываю глаза и не узнаю мѣста, гдѣ нахожусь. Это уже не операціонный пунктъ, а какой то коридоръ, длинный и узкій, слабо освѣщенный электричествомъ. Руки и ноги у меня страшно затекли въ моей неудобной позѣ, на животѣ. Я дѣлаю движеніе, чтобы перемѣнить позу и касаюсь ногами чего то

лежащаго позади меня. Оттуда раздался слабый, жалобный стонъ.

— Осторожно, чортъ возьми! Сзади тебя командиръ лежитъ, — слышу я голосъ мичмана Бубнова.

Я съ трудомъ поворачиваю голову и вижу маленькую фигурку командира, лежащую, скрючившись, на тонкомъ матросскомъ матрасикѣ у меня въ ногахъ. Одновременно я узнаю и мѣсто, гдѣ мы находимся: это — коридоръ, прилегающій къ операціонному пункту, куда насъ перенесли, чтобы разгрузить перевязочный пунктъ. Рядомъ со мной сидѣлъ мичманъ Бубновъ, вытянувъ свою раненую ногу. Онъ былъ первымъ, сообщившимъ мнѣ печальныя вѣсти о нашей эскадрѣ.

На мой вопросъ, который часъ и почему не слышно больше стрѣльбы, онъ сообщилъ мнѣ, что уже ночь, что денной бой кончился съ заходомъ солнца, поэтому въ данный моментъ нѣтъ стрѣльбы, но что я ее опять скоро услышу, потому что насъ непрерывно атакуютъ миноносцы. Сообщилъ онъ мнѣ, что эскадра наша совершенно разбита, масса кораблей потоплена. Первымъ пошелъ ко дну „Ослябя“ — нашъ сосѣдъ по кормѣ, потопленный черезъ 45 минутъ послѣ начала боя.

— А нашъ первый дивизіонъ: „Суворовъ“, „Александръ III“, „Бородино“? — спросилъ я.

— Что съ „Суворовымъ“ — не знаю. Навѣрное погибъ. „Александръ III“ и „Бородино“ перевернулись. Мы единственные уцѣлѣли отъ перваго дивизіона.

— А что съ адмираломъ? Гдѣ онъ?

— Неизвѣстно. Въ командованіе вступилъ адмиралъ Небогатовъ и мы идемъ въ кильватеръ „Николаю“.

— А куда идемъ?

— Все тотъ же курсъ — NO 23°, во Владивостокъ.

Я задавалъ всѣ эти вопросы машинально, и смыслъ получаемыхъ отвѣтовъ какъ то не доходилъ до моего сознанія, не производя на меня никакого впечатлѣнія. Всѣ мои чувства притупились и одеревенѣли. Съ тѣмъ же чувствомъ тупой и деревянной апатіи узналъ я о судьбѣ моихъ друзей и соплавателей: мой другъ — Андрей Шупинскій, съ которымъ мы прожили душа въ душу 10 мѣсяцевъ въ одной каютѣ, палъ однимъ изъ первыхъ, убитый наповалъ осколкомъ снаряда въ голову. Нашу „мамашу“ — Андреева-Калмыкова буквально разорвало на части: отъ него нашли только кусокъ плеча съ погономъ. Командиръ былъ сначала раненъ лишь въ шею; когда его несли на носилкахъ на перевязочный пунктъ, неподалеку разорвался снарядъ и его ранило вторично и уже смертельно: большой осколокъ снаряда попалъ въ спину и прошелъ затѣмъ сквозь легкое и желудокъ. Тяжело ранены — Гирсъ*), оба „Серафима“, лейтенантъ Славинскій, потерявшій одинъ глазъ, младшій штурманъ Ларіоновъ. Арамисъ, раненый въ голову и шею, послѣ перевязки вернулся въ строй и вступилъ въ командованіе кораблемъ. Большинство остальныхъ офицеровъ также были кто раненъ, кто контуженъ, но оставались въ строю. Среди команды убитые насчитывались десятками.

О состояніи нашего корабля я даже и не разспрашивалъ. Много позже, уже въ плѣну, въ Японіи, мнѣ довелось прочесть описаніе боя однимъ японскимъ офицеромъ. Его слова о нашемъ броненосцѣ сохранились у меня до сихъ поръ дословно въ памяти: „когда мы взошли на броненосецъ «Орелъ», мы сами пришли въ ужасъ отъ результатовъ нашей же стрѣльбы“.

---

*) Скончался въ японскомъ плѣну.

Эта ночь, проведенная въ коридорѣ, прилегающемъ къ операціонному пункту, была бы настоящимъ кошмаромъ, отъ котораго сѣдѣютъ люди, если бы не глубочайшая апатія и одеревенѣлость чувствъ, овладѣвшія мною и какъ бы забронировавшія меня отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Распростертый прямо на стальной палубѣ въ неудобной позѣ, неизмѣнно на животѣ, я не могъ пошевелиться, чтобы не задѣвать своихъ страдальцевъ-сосѣдей и особенно умиравшаго у меня въ ногахъ командира. Сжалившись надо мной, Бубновъ снялъ съ себя тужурку и подложилъ мнѣ ее подъ грудь, но, видя жестокія страданія командира и его неудобное положеніе безъ подушки, я попросилъ подложить ее ему подъ голову.

Со всѣхъ сторонъ раздавались стоны, то громкіе, то тихіе и жалобные, исковерканныхъ и изуродованныхъ людей, и отъ времени до времени сверху, сквозь открытый люкъ, звуки горна, игравшаго сигналъ „отраженіе минной атаки“ и вслѣдъ за нимъ рѣдкіе выстрѣлы немногихъ оставшихся у насъ цѣлыми пушекъ...

ЭПИЛОГЪ.

I.

Трубка моя догораетъ и мнѣ остается сказать уже немного. Болѣе того: я даже могу возложить на другого печальную обязанность описать послѣдніе часы 2-й Тихоокеанской эскадры, вѣрнѣе — ея жалкихъ остатковъ послѣ дневного боя 14-го мая и ожесточенныхъ минныхъ атакъ наступившей за нимъ ночи.

Будучи участникомъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ свидѣтелемъ этихъ, полныхъ трагизма, моментовъ, которыхъ не дай Богъ переживать никому изъ моряковъ, и поэтому, описывая ихъ, я долженъ былъ бы говорить со словъ другихъ или базироваться на документахъ. Пусть же это сдѣлаетъ за меня другой!

Кому же передать свое перо? Есть столько описаній страшной трагедіи 14-15 мая 1905 года, что въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнимо французское выраженіе embarras de richesse.

Есть, впрочемъ, флотъ, къ которому я питаю какую то странную нѣжную симпатію. Въ чемъ секретъ этой симпатіи? Не знаю. Вѣрнѣе всего въ томъ, что это одинъ изъ древнѣйшихъ флотовъ міра, и въ томъ еще, что незадолго до трагедіи, пережитой русскимъ флотомъ, онъ также выпилъ до дна горькую чашу пораженія. Флотъ этотъ — испанскій. Пусть же представитель его поможетъ мнѣ закончить мою грустную повѣсть.

Онъ имѣетъ тѣмъ большее право сдѣлать это, что не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи ни къ одной, ни къ другой изъ сторонъ: ни къ Россіи, ни къ Японіи*).

„На востокѣ загорѣлась заря, освѣщая своимъ нѣжнымъ свѣтомъ воды Японскаго моря. Этотъ день, послѣ кроваваго кануна, рождался свѣтлымъ и яснымъ. На чистомъ горизонтѣ — ни облачка.

Къ назначенному наканунѣ вечеромъ адмираломъ Того пункту съ различныхъ сторонъ направились отряды развѣдчиковъ и флотиліи истребителей.

На мѣстѣ встрѣчи находились уже эскадры броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ. Адмиралъ отдавалъ необходимыя распоряженія, чтобы приступить къ заключительному акту трагедіи, который вмѣстѣ съ предыдущимъ, разыгранымъ наканунѣ, составилъ бы одно цѣлое: великую битву съ русскимъ флотомъ.

Японская эскадра должна была развернуться въ одну длинную линію съ востока на западъ, къ югу отъ Матсушимы, съ тѣмъ, чтобы пресѣчь всякую возможность врагу проскочить во Владивостокъ.

Радіограмма, отправленная адмираломъ Катаока, находившимся въ 60 миляхъ въ тылу, увѣдомляетъ Того, что къ востоку видны дымы нѣсколькихъ судовъ. Дѣйствительно, это были остатки того, что было эскадрой Рожественскаго, которые, подъ командой Небогатова, упорно продолжали свой путь къ желанному убѣжищу.

Увидѣвъ эскадру крейсеровъ, русскій адмиралъ попытался было атаковать ихъ, но состояніе его судовъ заставило его продолжать свой путь на NO.

---

*) Arturo Armada, королевскаго испанскаго флота лейтенантъ — „¿ Enseñanzas?“ (стр. 196-198).

Эскадры японскихъ броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ бросились на востокъ, чтобы преградить путь русскимъ кораблямъ, тогда какъ дивизіоны Уріу и капитана 1 ранга Того съ эскадрами крейсеровъ стали заходить сзади. Къ полудню адмиралъ Небогатовъ на «Николаѣ I» во главѣ, «Орла», «Апраксина» и «Сенявина», имѣя съ лѣваго борта отъ себя крейсеръ «Изумрудъ», оказался окруженнымъ 27-ю японскими кораблями, не считая миноносцевъ.

Японцы открыли огонь, давъ накрытіе по «Николаю» съ дистанціи, недосягаемой для артиллеріи русскихъ, и тщательно сохраняя ее, когда русскій адмиралъ попытался уменьшить ее. При этихъ условіяхъ, — безсильный причинить вредъ непріятелю, неуязвимому для него, такъ какъ тотъ былъ хозяиномъ дистанціи, съ выведенной изъ строя тяжелой артиллеріей, съ израсходованными снарядами, насчитывая на своихъ судахъ многочисленныя аваріи, окруженный подавляющими силами непріятеля, съ выдохшимися физически экипажами, сражавшимися въ продолженіи многихъ часовъ, съ подавленной къ тому же психикой, — сопротивленіе для него было уже невозможно. И Небогатовъ къ горечи пораженія присоединилъ униженіе сдачи, сдавшись со своими кораблями, кромѣ «Изумруда», который смѣло прорвалъ кольцо непріятеля, что удалось ему, благодаря его большому ходу".

II.

Трубка моя хрипитъ, догораютъ послѣднія табачинки, и вмѣсто ароматнаго табачнаго дыма я ощущаю лишь ѣдкую горечь...

Прошло два дня.

17 мая 1905 года, день въ день ровно черезъ годъ послѣ того памятнаго дня, когда подъ грохотъ молотовъ и пневматическихъ зубилъ я впервые вступилъ на палубу „Орла“ въ Кронштадтской гавани, меня снесли съ него на носилкахъ японскіе санитары въ японскомъ порту Майдзуру.

Такъ же ослѣпительно сверкало солнце, но уже не для насъ; такъ же весело, какъ тогда, въ Кронштадтскомъ скверѣ, щебетали птицы, но уже не наши; такъ же ярко цвѣла зелень, но тоже чужая и не похожая на нашу.

Длинной вереницей вытянулась отъ пристани печальная процессія раненыхъ, направляясь по узкой, крутой дорожкѣ къ двухэтажному деревянному зданію, приспособленному подъ госпиталь для плѣнныхъ. Въ изорванныхъ, окровавленныхъ кителяхъ и тужуркахъ раненые медленно подымались въ гору, кто — ковыляя самъ, кто — несомый на носилкахъ. Никто не оборачивался назадъ. Тамъ, неподалеку, на рейдѣ, стоялъ накренившись, съ избитыми бортами, зіяя огромными пробоинами, съ разбитыми шлюпками, продырявленными трубами, съ перекосившимися на перебитыхъ топенантахъ реями — нашъ „Орелъ“, и подъ его уцѣлѣвшимъ гафелемъ развѣвался флагъ восходящаго солнца...

III.

Огромный залъ каютъ-компаніи флотскихъ экипажей въ Петербургѣ, на Благовѣщенской площади, залитъ электричествомъ. За большимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, на возвышеніи, группа старыхъ, суровыхъ адмираловъ въ мундирахъ, эполетахъ, орденахъ и звѣздахъ. Внизу, немного отступя отъ возвышенія, на которомъ засѣдаетъ синклитъ адмираловъ, на скамьяхъ, — большая группа морскихъ офицеровъ. Среди нихъ — много твоихъ знакомыхъ, читатель, во главѣ съ низко опустившимъ голову и замѣтно постарѣвшимъ Арамисомъ. Это — скамьи подсудимыхъ. За ними, въ черныхъ фракахъ, сверкая снѣжной бѣлизной крахмальныхъ рубашекъ, — адвокаты. Еще дальше, за рѣшеткой — компактная масса публики.

Это — военно-морской судъ. Онъ длится много дней кряду. Вѣдь подсудимыхъ такъ много!

Услужливая память отчетливо сохраняетъ два волнующихъ момента, пережитыхъ мною на этомъ судѣ. Я — свидѣтель, задержанный, несмотря на скудость данныхъ мною показаній, по просьбѣ одного изъ защитниковъ, для могущихъ, быть можетъ, послѣдовать съ его стороны дополнительныхъ вопросовъ. Съ того мѣста, куда меня посадили, мнѣ чудесно все видно и слышно.

— Пригласите войти свидѣтеля, вице-адмирала въ отставкѣ Зиновія Петровича Рожественскаго, — обращается предсѣдатель къ дежурному офицеру.

Сразу же въ залѣ наступаетъ мертвая тишина. Всѣ въ настороженномъ ожиданіи смотрятъ на двери,

откуда долженъ появиться вызванный свидѣтель. Проходитъ нѣсколько томительныхъ мгновеній. Но вотъ, наконецъ, двери широко раскрываются и на порогѣ появляется высокая, стройная фигура нашего адмирала. Онъ въ черномъ, штатскомъ сюртукѣ, съ черной же повязкой на незажившей еще отъ полученныхъ раненій головѣ. Ни на кого не глядя, онъ твердой, неторопливой походкой направляется къ судейскому столу. Публика, подсудимые, защитники, всѣ, какъ одинъ, встаютъ со своихъ мѣстъ. Остаются сидѣть только судьи...

Судебное слѣдствіе кончено. Начинаются рѣчи сторонъ. Послѣ длинной рѣчи прокурора одинъ за другимъ говорятъ защитники. Вотъ подымается Карабчевскій — защитникъ группы офицеровъ „Орла“. Въ залѣ воцаряется глубокая тишина. Я, не отрываясь, смотрю на красивую, львиную голову знаменитаго русскаго адвоката, и по мѣрѣ того, какъ льется его горячая рѣчь, чувствую, какъ наэлектризовываюсь я самъ, а со мною и весь залъ. Я съ удивленіемъ замѣчаю, какъ волнуется самъ авторъ пламенной рѣчи, какъ на его щекахъ выступаютъ яркія пятна, а тугой воротничокъ его крахмальной рубашки дѣлается постепенно мягкимъ и теряетъ свою безукоризненную форму. Вотъ онъ кончилъ и тяжело опускается на стулъ. Изъ рядовъ публики слышенъ женскій плачъ.

Рѣшеніемъ суда, на основаніи статьи 354 военно-морского устава, офицеры эскадреннаго броненосца „Орелъ“ признаны невиновными въ сдачѣ корабля непріятелю.

КОНЕЦЪ.

КНИГИ, НАПИСАННЫЯ ОФИЦЕРАМИ РОССІЙСКАГО ФЛОТА ЗА РУБЕЖОМЪ:

Съ эскадрой Адмирала Рожественскаго — сборникъ статей *Г. К. Графа, А. П. Гезехуса, К. К. Клапье-де-Колонга, С. А. Посохова, А. А. фонъ Транзе, В. А. Штенгера, В. Б. и А. Д.* Прага, 30 г. 152 стр., цѣна 0,60 амер. долл. Лица, подписавшіяся на „Морской Журналъ“ послѣ 14 іюня, могутъ получить сборникъ, доплативъ къ подписной платѣ 10 франц. франковъ.

Флагъ Адмирала — сборникъ статей *А. А. Гефтера, А. П. Лукина, С. С. Политовскаго* и *Б. Л. Седерхольма.* Рига, 1930 г., 239 стр., цѣна 0,85 ам. долл., для членовъ морскихъ организацій — 12 франц. франковъ.

Кап. 2 р. *Г. К. Графъ* — **Моряки.** Парижъ, 1930 г., 272 стр., цѣна 25 франц. франковъ.

Адмиралъ *Г. Ф. Цывинскій* — **50 лѣтъ въ Императорскомъ Флотѣ.** Рига, 1929 г., 371 стр.

Контръ-Адмиралъ *С. С. Фабрицкій* — **Изъ прошлаго.** Берлинъ, 1926 г., 162 стр.

Кап. 2 р. *Г. К. Графъ* — **На „Новикѣ“.** Мюнхенъ, 1922 г., 480 стр.

Monasterev — **Vom untergang der Zarenflotte,** Берлинъ, 1930 г., 184 стр., цѣна 6 герм. мар.

Книги съ обозначенной цѣной можно получить въ редакціи „Морского Журнала“.

— ВСѢ ПРАВА СОХРАНЕНЫ ЗА АВТОРОМЪ —

Книгу можно получать во всѣхъ морскихъ организаціяхъ

Изданіе автора при содѣйствіи „Морского Журнала“.

Tiskla knihtiskárna Petra Duška v Říčanech.

Цѣна:

въ Америкѣ — 0,70 ам. долл.,
въ Болгаріи, Эстоніи и Югославіи — 11 фр. фр.,
во всѣхъ остальныхъ странахъ — 14 фр. фр.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DS517.9
.T8